

Гарри Тюрк

СИНГАПУР

Падение цитадели

Часть № 82

На Тайване стояла зима — зима 1940 года. Но солнце палило немилосердно. Воздух был неподвижен, а небо — ясно-голубое, без единого облачка. Если долго смотреть вслед медленно скользящей белой цапле, в глазах начинало резать.

Город Тайбэй, названный Тайхоку японцами, захватившими остров в 1895 году, казался словно вымершим в этой влажной полуденной жаре, наводившей сонную одурь и на людей, и на животных. Но у широко раскинувшегося барачного городка на окраине города неумолчно гудели грузовики, тархтели мотоциклы. На полигонах лаяли длинноствольные пулеметы «намбу». На невыносимом солнцепеке маршировали японские новобранцы; они отрабатывали штыковую атаку и бросали деревянные ручные гранаты. Наблюдавшие за занятиями офицеры покуривали сладковато пахнущие сигареты. Звучали команды, блестели стальные каски, и где-то вдали возвращавшаяся с учений рота горланила нелепую солдатскую песню: «И пусть, как труп, я утону, и пусть в траву я упаду, — все нипочем, коль императору служу...».

Никто не обратил особого внимания на маленький песочно-желтый автомобиль, на большой скорости проехавший через главные ворота и теперь мчавшийся к недавно построенным баракам на южной оконечности военной базы.

Строители с необыкновенной быстротой поставили эти низкие здания из дерева и бамбука, застеклили их, проложили между ними дороги, а потом обнесли забором. Над узкими въездными воротами висел деревянный щит с ничего не говорящей надписью: «Тайваньская армия. Часть № 82». Под этим названием скрывался «исследовательский отдел» тайваньской армии. Но о том, что здесь исследовалось, не имел понятия ни один непосвященный. Зато более чем ясное представление имели посвященные. Верховное командование японской армии дало «исследователям» полгода. За эти шесть месяцев они должны были разработать не только план предстоящей кампании, но и директивы об обращении с населением, предложения по изменению вооружения, снаряжения и транспортных средств.

Офицеры, работавшие здесь, придумали для своего необычного отдела название; «Доро нава», Если перевести буквально, «доро» — это разбойники, а «пава» — веревка. Выражение это означало па жаргоне: «Компания, собравшаяся за пять минут до двенадцати». И это было абсолютно верно.

Легковая автомашина остановилась. Водитель поспешно открыл дверцу, и из машины подчеркнуто браво вышел подтянутый сухощавый мужчина среднего роста в генеральском мундире. Генерал Итагаки, до недавнего времени начальник штаба главнокомандующего японскими войсками в Китае, бросил взгляд па бараки. Перед ним, приложив ладонь к козырьку фуражки цвета хаки, тотчас вырос капитан. Итагаки равнодушно принял рапорт. Он

привык выслушивать доклады подчиненных и приказывать. Его военная карьера являла собой пример неуклонного стремления к власти и влиянию. В 1938 году он стал военным министром в кабинете Коноэ, сменив на этом посту разнузданного милитариста Хидэки Тодзио. Вести самому армии в бон — в этом Итагаки никогда не отличался. Зато он прослыл одним из способнейших генштабистов японской армии, разрабатывавших стратегические планы. Старые планы завоевания мирового господства, вынашивавшиеся еще императором Мэйдзи¹, принимали в его голове такие же конкретные формы, как меморандум барона Тапака². Генерал Итагаки был одним из тех, кто преобразовывал политические концепции в трезвые военные расчеты. Требования и программы превращались у него в колонки цифр и графики. Он вел счет на солдат и орудия, на грузовики и танки, на самолеты и огнеметы. Задолго до того как раздавался первый выстрел, он проводил жирные линии на карте ничего не ведающих стран. Заранее намечал места расположения штабов и лагерей для военнопленных, назначал сроки захвата городов, определял пункты форсирования рек и время необходимых передышек. Каждая кампания была для него прежде всего комплексом расчетов.

Так, Итагаки спланировал захват той части Китая, которая теперь именовалась Маньчжоу-Го. Но в то время как низкорослые японские солдаты шагали по песчаным равнинам Северо-восточного Китая, ежась от ледяного; ветра маньчжурской зимы, сам Итагаки снова сидел за письменным столом в военном министерстве. Задания ему давали те, кто принадлежал к генеральской касте, породнившейся с крупными военными фирмами. Пост военного министра занял генерал Араки³. Был возвращен из отставки генерал Масаки, к нему присоединился Ямамото, маленький толстоватый адмирал, который заносчиво заявил, что однажды в Белом доме он продиктует условия японского мирного договора.

Перед вылетом из Токио Итагаки имел беседу с полковником Хасимото — главой государственного союза молодежи, насчитывавшего пять миллионов членов. Хасимото проповедовал войну, ненависть и смерть. Теперь уже недалек час, когда японская молодежь, воспитанная в духе верности императору и фашизированного самурайского учения⁴, приступит к последнему этапу борьбы. В генеральном штабе на сей счет не сомневались. Япония должна выступить, и было уже решено, в каком направлении она нанесет удар. Надо действовать быстро, пока японские дипломаты пытаются усыпить человечество миролюбивыми речами. Наточить меч, прежде чем враг появится на горизонте.

Идея широкого распространения сферы японского господства имела давнюю традицию. Такие шовинистические тайные общества, как Союз черного дракона и Общество черного океана, уже давно разработали программы захвата чужих стран и готовились увеличить сравнительно небольшую территорию своего островного государства за счет Азиатского континента. Носителями этих идей были представители феодальной милитаристской касты, политики, породнившиеся с военной промышленностью, а также «молодые» офицеры-

1 Император Муцухито, правивший под девизом Мэйдзи (1867–1912). — *Здесь и далее прим. ред.*

2 Меморандум Тапака был представлен японскому императору в 1927 г. премьер-министром Танака. В этом меморандуме Танака писал; «Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию; для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай... Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы». Подлинность документа оспаривалась милитаристскими кругами Японии.

3 Представитель наиболее агрессивных кругов японской военщины. В 1948 г. был приговорен Международным военным трибуналом к пожизненному тюремному заключению.

4 Имеется в виду «бусидо» — неписанный кодекс, определявший правила поведения самурая в различных жизненных ситуациях. В милитаристской Японии был положен в основу военно-шовинистического воспитания молодежи.

фашисты, воспитанные в духе расового превосходства и стремившиеся вместе с гитлеровской Германией силой переделить мир. Япония намеревалась играть в Азии роль господина.

К концу XIX века в Японии возникало все больше организаций, именовавших себя патриотическими, в действительности же шовинистических и захватнических. Они особенно старались привлечь молодежь.

Япония быстро превратилась в индустриальную державу. В экономической, политической и военной областях она приобрела в Азии выгодные позиции. Японская промышленность использовала самые передовые методы Запада. Многие японцы изучали в западных странах современную технику, чтобы затем применить ее у себя дома для усиления промышленного потенциала. Дешевые японские изделия находили огромный сбыт не только на Дальнем Востоке, но и во всем мире. Ведь мизерная заработная плата на японских предприятиях позволяла удерживать цены на столь низком уровне, что они были всегда ниже цен на соответствующие западные изделия. Таким образом слой крупных японских промышленников очень быстро разбогател. Государство расширяло внешнюю торговлю на благоприятных для него условиях.

Население островного государства неудержимо росло. В 1872 году оно составляло около тридцати пяти миллионов человек, а в 1894 году — уже сорок один миллион. К 1930 году оно выросло до шестидесяти пяти миллионов. В это время в Японии много говорилось о том, что она наконец «вошла в круг великих держав мира». Да, развитие несомненно шло в этом направлении.

Но японский экспансионизм натолкнулся на различные трудности. «Великие державы» — Англия и Франция — в течение XIX века присвоили себе огромные территории и подвергали их колониальной эксплуатации. Германия и США старались наверстать упущенное. Империалистические державы обладали значительными экономическими преимуществами, а также стратегическими позициями и военными базами немалого значения. Официальная японская пропаганда без усталости повторяла, что, если Япония намерена утвердиться в качестве мировой державы, она должна включиться в эту гонку. Япония, мол, при колониальном разделе мира оказалась в роли падчерицы. Борьба колониальных держав Запада за свои позиции и за раздел богатейших областей Китая, за концессии и военные базы не оставляла сомнений в том, что Японии надо торопиться, если она хочет заполучить более или менее лакомый кусок мирового пирога, который, можно сказать, лежит прямо у ее порога. Вдохновители японского экспансионизма особенно напирала на то, что в 1898 году США аннексировали Гавайские острова и Филиппины, тоже прямо у японских дверей. «Превратить Японию в океанскую империю!» — призывали заголовки крупнейших газет. Но одними призывами дело не ограничилось.

Первые попытки японской экспансии неожиданно увенчались успехом. Они, казалось, подтвердили правоту экстремистов и преодолели сомнения колеблющихся... Война против Китая (1894—1895) закончилась победой Японии.

По мирному договору, подписанному в Симоносеки, Япония получила остров Тайвань, острова Пэнхуледао и Ляодунский полуостров. В результате вынужденного отказа Китая от верховной власти в Корее японское влияние там весьма усилилось. Наряду с репарациями, которые Китай обязан был выплачивать Японии, она приобрела еще и право беспрепятственно строить в Китае фабрики и заводы. Германские и французские колониалисты, а также царская Россия с опасением наблюдали за ростом могущества Японии и заставили ее отказаться от захвата Ляодунского полуострова с гаванью; Порт-Артур. Но это уже не могло изменить ход событий. Год спустя Японии были предоставлены в Китае; торговые привилегии наравне с другими колониальными' державами.

В Корее Япония стремилась к еще большему влиянию. Но здесь она натолкнулась на решительное сопротивление царской России. В августе 1903 года начались решающие

переговоры между Японией и Россией о разделе сфер интересов в Корее и Маньчжурии. Закончились они безрезультатно. 8 февраля 1904 года японский флот атаковал корабли русского военно-морского флота, стоявшие на рейдах Порт-Артура и Чемульпо. Лишь через два дня последовало официальное объявление войны Японией. 2 января 1905 года японские войска захватили Порт-Артур, а еще через два месяца — Мукден. 27 мая русский флот был почти полностью уничтожен в Цусимском бою. Япония выиграла войну, Портсмутский мир, заключенный в сентябре 1905 года, окончательно принес ей Ляодунский полуостров и Порт-Артур, а кроме того, южную половину Сахалина и южную часть Китайской Восточной железной дороги. Сверх того Япония установила «протекторат» над Кореей. Теперь она могла, укрепив *свои* силы, переходить к новым захватническим акциям.

По мере развития промышленности в Японии стали появляться рабочие организации. В декабре 1897 года был основан первый современный профсоюз со своим печатным органом. Первую в Японии забастовку провели в 1897 году железнодорожники; она привела к созданию ими собственного профсоюза. В том же году возникло и Общество изучения социализма, весьма быстро превратившееся в ядро японского социалистического движения. Государство с крайней жестокостью выступило против прогрессивных веяний в рабочем классе.

Милитаристы еще активнее, чем прежде, стали пропагандировать легенду о непобедимости японского солдата и о «справедливых» притязаниях Японии на положение великой державы. Одним из главных аргументов экспансионистов была постоянно растущая численность народонаселения Японии и мнимая нехватка «жизненного пространства». Проводились демагогические сравнения: мол, население Японии равняется примерно половине населения США, а живет оно на территории, составляющей всего лишь половину американского штата Техас. Горный рельеф страны позволял заниматься сельским хозяйством только на одной пятой части территории. «Плотность нашего населения в четыре раза больше, чем в Китае, и вдвое больше, чем в Индии!» — заголовки такого рода можно было почти ежедневно встретить в японских газетах. Они являлись частью той пропаганды, которая была призвана оправдывать насущную необходимость экспансии. Народу постоянно втолковывали, что Японии требуются территории для расселения людей, источники сырья, рынки и военные базы для борьбы против сильных мировых держав. Империалистическая программа ловко преподносилась как единственный для нации выход из мнимого состояния убожества. Результаты не замедлили сказаться.

Первая мировая война дала молодому японскому империализму возможность сравнительно легко овладеть новыми областями. Пока империалистические державы Европы воевали друг с другом, Япония укрепляла свои позиции в Китае. Она стояла па стороне Антанты, одержавшей победу над немецкими конкурентами и их союзниками. Военный вклад Японии в первой мировой войне, был незначителен. Он ограничился главным образом поставками союзникам промышленных товаров и судов. Благодаря этому Япония смогла еще больше оздоровить свою экономику и выйти из первой мировой войны усиленной, да еще с территориальными приобретениями. Япония завладела бывшими германскими сферами влияния в Китае и железнодорожной сетью в Шаньдуне. Она фактически прибрала к рукам бывшие германские колониальные владения на Маршалловых, Каролинских и Марианских островах (за исключением находящегося во владении США острова Гуам). Формально эти острова, подчинялись Лиге наций как мандатные территории, на них не разрешалось строить военные укрепления, а Япония числилась их «опекуном».

Но японские империалисты, само собой разумеется, осознавали огромное стратегическое значение этих военных баз, которые, будучи выдвинутыми далеко вперед,, могли вместе с тем служить щитом, прикрывающим метрополию. Однако еще большее значение они имели как трамплин для нацеленных дальше на юг военных авантюр. Поэтому Япония всячески обходила положения Лиги наций насчет запрета милитаризации островов,

что не могло укрыться от США, которые тоже стремились расширить и оградить свое влияние в бассейне Тихого океана.

Поэтому, по настоянию США, с 12 ноября 1921 по 6 февраля 1922 года в Вашингтоне проходила конференция, которая официально занималась «ограничением вооружений, а также тихоокеанскими и дальневосточными проблемами». На нее были приглашены Великобритания, Франция, Италия и Япония, то есть бывшие главные союзники США в первой мировой войне. Кроме того, к обсуждению дальневосточных проблем привлекались Китай, Бельгия, Португалия и Нидерланды. Советскому Государству приглашение направлено не было: США в то время игнорировали его существование.

Уже на первом заседании конференции США предложили ее участникам не строить больше линейных кораблей. США, Англия и Япония обязаны были отправить на слом все строящиеся корабли этого типа. По линкорам флоты США, Англии и Японии должны были сохранить соотношение 5:5:3. Япония пыталась добиться соотношения 10:10:7, но в конце концов оказалась вынужденной уступить. Так было заключено Вашингтонское соглашение. Оно в числе прочего гарантировало неприкосновенность тихоокеанских островных владений каждой из подписавших его держав. Договор имел силу до 31 декабря 1936 года. Особый пункт, сформулированный в весьма туманных выражениях, предусматривал, что в случае денонсирования соглашения одной из сторон оно сохраняет свою силу в течение двух лет с этого дня. В отношении Китая был провозглашен принцип «открытых дверей». Это значило, что иностранные державы получали равные возможности для экономического и политического проникновения в Китай. Однако Вашингтонская конференция отнюдь не устранила напряженности в дальневосточном и тихоокеанском районах. Она в лучшем случае отодвинула принятие определенных, уже намечавшихся решений, да и то ненадолго. Борьба США, Англии и Японии за абсолютное господство в Восточной Азии и на Тихом океане продолжалась. Японские милитаристы рассматривали соглашение как клочок бумаги, который не может или почти не может помешать осуществлению их намерений. Они нарушали соглашение в отдельных вопросах, а органа, который мог бы заставить его соблюдать, не было. 29 декабря 1934 года японское правительство заявило, что по истечении двух лет Япония не будет считать себя связанной Вашингтонским соглашением. Тем самым с 1 января 1937 года освободились от своих обязательств и остальные подписавшие его государства. Гонка морских вооружений и строительство военных укреплений вступили в новую фазу.

Агрессивный внешнеполитический курс Японии накладывал отпечаток и на ее внутреннюю политику. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в Японии начался значительный подъем рабочего движения, хотя полицейский террор непрерывно усиливался. Классовые противоречия все чаще выливались в забастовки и демонстрации. Возникло прогрессивное профсоюзное движение Содомэй. 15 июля 1922 года была нелегально образована Коммунистическая партия Японии. Но уже через год многие из ее основателей были арестованы и брошены в тюрьму. До конца второй мировой войны партия действовала в подполье. В феврале 1928 года начал выходить ее центральный орган. Правящие круги не замедлили отреагировать. В том же году было арестовано несколько тысяч борцов против реакции. Ряд возникших за это время рабочих организаций был запрещен. Империалистическое государство сознавало, что рабочий класс, руководимый марксистско-ленинской партией, представлял для него смертельную опасность. С обострением мирового экономического кризиса в 1930 году усилилось и преследование коммунистов. Рабочий класс ответил на это вооруженной демонстрацией 1 мая 1931 года.

Основанная в июле 1931 года массовая рабоче-крестьянская партия создала комитет, поставивший своей задачей противодействие вторжению японских войск в Китай. Ввиду усиливавшейся пропаганды войны против Китая задача эта становилась все неотложнее. В сентябре 1931 года японская милитаристская клика отдала приказ о вторжении Квантунской

армии в Маньчжурию. Спустя шесть месяцев она создала там марионеточное государство Маньчжоу-Го, которое призвано было послужить плацдармом для нападения на остальной, Китай и на Советский Союз.

Богатая полезными ископаемыми Маньчжурия должна была помочь Японии в начале широко задуманного наступления преодолеть хроническую нехватку сырья. Ведь недостаток сырья с давних пор доставлял наибольшие хлопоты японским стратегам. Захватом Маньчжурии, недра которой можно было быстро подвергнуть безудержной эксплуатации, эта проблема частично была решена. Но в дальнейшем война в Китае поглотила большую часть маньчжурских ресурсов. Перед Японией, вновь встала задача: сначала захватить источники сырья, а уж потом перейти к новым военным авантюрам.

Фашизация Японии усиливалась. Во внешней политике это выражалось в том, что в 1936 году Япония заключила с Германией Антикоминтерновский пакт. Было ясно, что присущая японским империалистам- жажда захватов безгранична. Народ все более ловко приводили в состояние националистического психоза. Подлинный патриотизм простого японца бессовестно извращали и ставили на службу великодержавному шовинизму. Крупная промышленность и милитаристская клика образовали блок против всех прогрессивных сил страны. Учащались убийства не только прогрессивных политических деятелей, но даже тех, кто придерживался умеренных взглядов. Все взывавшие к голосу разума подвергались гонениям. Такой же террор императорская Япония установила несколько лет спустя во всей Юго-Восточной Азии.

Напав летом 1937 года на Китай, японский империализм окончательно сбросил с себя маску. Война была объявлена делом всей нации. В это время японская армия прощупывала обороноспособность Советского Союза. Однако в 1938 году на озере Хасан и в 1939 году на Халхин-Голе Красная Армия нанесла японской военщине крупные поражения. Она разгромила отборные части Квантунской армии, напавшей на советскую и монгольскую территории, и преподала японским милитаристам урок, который отрезвляюще подействовал на них, умерив их экспансионистские вождедения в отношении богатой Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В сентябре 1940 года милитаристская Япония, гитлеровская Германия и фашистская Италия заключили военный союз, подтвердив этим, что они намерены поделить мир между собой. В руководящих кругах японской военщины формально еще не было принято окончательное решение о направлении главного удара с целью завоевания Азии. Долгое время главной целью крупного японского наступления служил Советский Союз, особенно его Азиатская часть. Но японских милитаристов удерживал не только предостерегающий урок Халхин-Гола. Они видели, что США грозят опередить их в районе Тихого океана. Юго-восточная Азия и район Тихого океана обладали источниками сырья и стратегическими базами для продолжения войны, лучше которых императорская Япония не могла и желать. После авантюры на Халхин-Голе одержали верх планы, отдававшие предпочтение удару на юг и юго-восток: через Индокитай по Малайскому архипелагу (Индонезия), по Бирме и Индии.

Американцы спешно строили военные базы на Гуаме, Уэйке, Филиппинах и Гавайях, на Аляске и Алеутских островах. Противоречия между Японией и США все более обострялись, и можно было предвидеть, что на Тихом океане и в Юго-восточной Азии дело дойдет до столкновения. Однако в игре участвовала еще и Англия, позиции которой в Азии казались весьма прочными. Англия и США, да еще Нидерланды на Малайском архипелаге, могли составить мощный блок против предстоящей японской агрессии в южном направлении.

Но три империалистические державы, противостоявшие Японии в Юго-восточной Азии и в районе Тихого океана, так и не сумели подчинить свои интересы необходимости совместных действий против поднимающегося фашистского агрессора. Напротив, они долгое время проводили в отношении Японии политику умиротворения, за которой скрывалось

почти открытое намерение поощрить островную империю к нападению на Советский Союз. Они надеялись извлечь из этого выгоду для себя. Во-первых, по их представлениям, Советский Союз будет разбит, а может быть, даже уничтожен. Во-вторых, Япония окажется в результате такой войны значительно ослабленной и тем самым на долгое время перестанет быть серьезным противником в Восточной Азии,

Возникновение «оси» Берлин — Рим — Токио еще более укрепило надежды империалистов: ведь фашистская «ось» с ее откровенно антикоммунистической концепцией была прежде всего направлена против Советского Союза. Поэтому американское правительство поначалу не прекратило значительные поставки Японии сырья, горючего и других важных стратегических материалов, которые та использовала почти исключительно для вооружения. Мысль о том, что в один прекрасный день с помощью этого вооружения Япония нанесет смертельный удар Советскому Союзу, затуманивала в глазах американских империалистов реальные факты, выступавшие все более отчетливо.

Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией, заключенный в апреле 1941 года, опрокинул эти расчеты, хотя отнюдь не исключал опасности японской агрессии против СССР.

Английские политики тоже, не были чужды извращенному образу мыслей, когда желаемое принимается за действительное, хотя для такой традиционной колониальной державы как Англия; международная обстановка была, вне всякого сомнения, более сложной, чем, к примеру, для США. Германский империализм с его агрессивной концепцией представлял собой постоянную угрозу британской метрополии. Кроме того, Англии надо было защищать широкую сеть своих колониальных владений в случае нападения держав «оси», а оно становилось все более вероятным.

В Англии отлично знали, какую исключительную роль играл Малаккский пролив в качестве коммуникации между Индийским и Тихим океанами. Поэтому там большое значение придавали продолжению начатых в 1921 году работ по укреплению крепости Сингапур, господствовавшей над этим проливом. Сингапур создавал исключительно благоприятные условия для того, чтобы Англия могла удержать свои позиции в этом районе. Он имел защищенную гавань, глубина которой позволяла заходить в нее самым крупным военным кораблям. По мнению лондонских военных специалистов, с суши Сингапур вообще ничто не могло угрожать. Здесь на Малаккском полуострове на несколько сот километров простиралась джунгли, и казалось мало вероятным, чтобы Сингапур подвергся нападению отсюда. Выгодная позиция военной базы на стыке Индийского океана и Южно-Китайского моря давала ей возможность господствовать над обоими. Играла роль и сравнительно большая удаленность от Японии. С развитием авиации возникли новые опасности, но расстояние между Японией и Сингапуром было слишком велико даже для новейших самолетов большого радиуса действия.

В самом Сингапуре сначала не было ни доков, ни других сооружений для крупного военно-морского флота. Их предстояло ускоренным темпом создать. Строились нефтехранилища и казармы, доки и аэродромы. Тем не менее британское адмиралтейство долго не решалось сосредоточить на новой военно-морской базе большой флот. Дальневосточная эскадра ограничивалась несколькими крейсерами и небольшими кораблями. Главные силы британского флота по-прежнему оставались в Средиземном море и в отечественных водах. В адмиралтействе преобладало мнение, что эти корабли в любой момент можно будет послать в Юго-восточную Азию, если ситуация там обострится. Были созданы детальные планы такой переброски, хранившиеся в сейфах адмиралтейства. Офицеры Военно-морской академии в Гринвиче теоретически разрабатывали «переход флота в Сингапур». При этом, простоты ради, предполагалось, что при перебазировании флота в Сингапур никаких военных осложнений в Европе или в бассейне Средиземного моря одновременно не возникнет. Полностью игнорировалась возможность того, что положение

может не позволить отправить часть английского флота в Сингапур.

В Советском Союзе весьма ясно видели опасность надвигавшейся мировой войны. Поэтому правительство СССР неоднократно пыталось создать совместно с западными державами систему коллективной безопасности от фашистской агрессии. Но эти усилия Советского Союза не возымели успеха. «Главная глупость нашей эпохи» — антикоммунизм — помешала тому, чтобы государства, которым открыто угрожал фашизм, уже тогда заключили с СССР союз против общего врага. Хотя гитлеровская Германия и императорская Япония отнюдь не были едины в деталях относительно запланированного ими передела мира, это не уменьшало их агрессивных вожделений и стремления к расширению своего господства. Англии угрожало оказаться вовлеченной в войну с германским фашизмом в то время, когда Япония только и ждала момента, чтобы захватить ее владения.

Эти соображения вызывали в английской прессе острые споры о значении Сингапура. Адмиралтейство спешило заверить, что соединение военных кораблей может прийти на помощь Сингапуру через семьдесят дней⁵. При этом не подвергалось ни малейшему сомнению, что эти семьдесят дней крепость сможет продержаться и противостоять японскому нападению. Много говорилось о 305-миллиметровых дальнобойных орудиях, установленных на укрепленных позициях. Тех, кто утверждал, что Сингапур может быть атакован с суши, не слушали. С началом в Европе второй мировой войны Англия уже не могла послать на Дальний Восток сильный флот в случае угрозы Сингапуру. Поэтому Япония действовала целеустремленно. После ультиматума французской вишистской клике в сентябре 1940 года она к лету 1941 года силами своей 15-й армии несколькими этапами захватила весь Индокитай. 21 июля 1941 года японское информационное агентство Домэй Цусин сообщило, что вишистское правительство договорилось с Японией поставить Индокитай под «совместный франко-японский протекторат». Тем самым был создан трамплин для прыжка па юг.

США и Англия, обеспокоенные уже продвижением Японии в Китае, не могли примириться с дальнейшим сокращением своих сфер влияния и господства па Дальнем Востоке, и в районе Тихого океана. Для начала американское правительство заморозило японские активы в США и усилило эмбарго. Наконец-то США прекратили поставлять нефть для военных кораблей, танков и самолетов с эмблемой восходящего солнца.

Но агрессор уже изготовился к акции против Борнео, богатого нефтью. В Японии понимали, что этот прыжок на юг приведет к войне с США и Англией, по японские милитаристы были полны решимости вступить в бой. Планирование агрессии шло по многим каналам и в различных направлениях. Чтобы парализовать американский флот, готовился удар по Перл-Харбору — крупнейшей военно-морской базе США в Тихом океане.

Параллельно этой операции захват Филиппин должен был приккрыть Южно-Китайское море с востока. Главные линии экспансии в южном направлении проходили через Бирму, Индию и Голландскую Индию. Фактическим захватом Индокитая уже была создана стратегическая база для запланированного продвижения в Таиланд и в конечном счете в Бирму. Тем самым вся Юго-восточная Азия оказалась бы объединенной под японским господством, а Южно-Китайское море превратилось бы во внутреннее море Японии.

Захват Малайи и Сингапура дал бы Японии возможность успешно завершить всю операцию в Юго-восточной Азии. Цели ее были па первых порах ограничены захватом Индокитая и Индии. Поэтому овладение ключевой крепостью Сингапур — наиболее важной позицией Англии в этой части мира — имело для Японии решающее значение. Составителям стратегических планов в Токио была хорошо известна ахиллесова пята Сингапура. Замысел генерала Итагаки исходил именно из того, чего никак не допускало в своих расчетах английское адмиралтейство: атаковать Сингапур с суши.

⁵ Здесь автор ошибается. Такой переход мог потребовать не больше пятнадцати дней.

— Пригласите вызванных офицеров, — приказал Итагаки сопровождавшему его капитану. — Я дам им указания.

Злые языки говорили, что планирование японских кампаний в Китае отнюдь не покрыло генерала славой; ведь было секретом полишинеля, что в Китае наступление застопорилось. Но начальники Итагаки в Токио придерживались иного мнения. Они считали, что упорное сопротивление Китая будет сломлено в длительной войне, для ведения которой не требуются главные силы. Их па-до было использовать для более заманчивых, быстро достижимых целей. Именно это и надлежало спланировать «исследовательскому отделу», разместившемуся под начальством Итагаки здесь, в Тайхоку.

Генерал ограничился кратким выступлением. Это никого не удивило: все привыкли, что он говорит точно и лаконично. И Итагаки вполне ясно сказал, о чем идет речь:

— Мы будем наступать на юг. Малайя, Зондские острова и Бирма — первоклассные источники сырья. Нефть, олово, медь — все, что нам нужно, дабы сделать наши армии боеспособными для достижения дальнейших, еще более крупных целей. Советский Союз, Америка — мы хотим завладеть ими. Удар на юг — только начало. И это начало (поскольку мы испытываем ощутимую нехватку горючего, железной руды и других материалов) даст нам средства, необходимые для того, чтобы победоносно водрузить над землей флаг его императорского величества со знаком восходящего солнца.

Затем речь пошла о деталях плана, хотя генерал не собирался в данный момент раскрывать их перед примерно тридцатью собравшимися офицерами части № 82. Но он указал основное направление будущих задач:

— Наша славная армия знакома с условиями боев в пустынных, холодных равнинах Маньчжоу-Го. Она приобрела опыт в Китае и скрестила клинки с Советским Союзом в степях Монголии. Теперь перед нами встает новая задача. Решать ее придется в условиях, с которыми мы еще не сталкивались. Мы должны подготовить наших солдат к войне в джунглях Юга, закалить их для этой борьбы, а также приспособить наше вооружение и снаряжение к местным условиям. Армия должна научиться сражаться под муссонными ливнями, в болотистых мангровых лесах, она должна уметь вести наземные операции на тропическом побережье, не поддаваться незнакомым болезням и быть готовой бороться с неведомым врагом. Такова задача. Ее решение начинается с обучения каждого солдата в отдельности, она предусматривает создание новых видов оружия и снаряжения, а также тщательную разведку областей, куда нацелены наши удары. Все идеи, весь опыт, донесения и сведения будут в ближайшие месяцы стекаться сюда, а мы будем передавать их дальше, войскам. Через полгода мы обязаны уже не получать, а давать. Сегодня вместе с офицерами, ответственными за выполнение частных задач, я разработаю инструкции...

И генерал сделал это с присущей ему основательностью. С первого дня нового, 1941 года тридцать специалистов и весь технический персонал не знали ни сна, ни отдыха. Тайхоку стал центром гигантской паутины. Сюда прибывали офицеры с японских военных баз на Марианских, Каролинских и Маршалловых островах и диктовали бесконечные донесения. Летали в Токио и обратно курьеры. Прибывали специалисты по вооружению, ветеринары, врачи, знатоки тропических болезней, служащие торговых фирм, много лет ездившие по островам южной части Тихого океана. Лихорадочно собирали материалы, делали всевозможные расчеты, детально регистрировали почти все подробности — от высоты волн прибоя у того или иного берега и времени выпадения дождей до вегетации растений и плодородия почв.

Весной появились офицеры, специально подготовленные для выполнения особых заданий по шпионажу. Первая фаза работы была закончена, теперь могла начаться

следующая. Генерал Итагаки рассматривал планы — одни принимал, другие отвергал. Он проанализировал весь собранный материал и с удовлетворением констатировал, что картина приобретает завершённый вид. Печатались антиамериканские, антианглийские, антиголландские брошюры, вырабатывались секретные указания, как вести себя солдатам, когда они высадятся на занятое противником побережье, как уберечь себя от малярии, а свое оружие — от воздействия высокой влажности воздуха. Испытывались свойства ружейного масла и действие ручных гранат на болотистой почве, изучалось поведение лошадей и вьючного скота после укуса москитов, выяснялось, можно ли разжечь костер из сырой древесины джунглей. Итагаки не упускал из виду ничего. Он был мастером военно-бюрократической организации.

В то самое время, когда в Токио адмирал Рюносукэ Кусака вместе со своим штабом разрабатывал план нападения на Перл-Харбор, по приказу Итагаки уже принимались меры для захвата японской армией Юго-восточной Азии. Одновременно в странах, которые подлежали захвату, велась усиленная пропаганда: Азия, мол, должна освободиться от господства белых колониальных держав и объединиться под главенством Японии в «Великоазиатскую сферу взаимного процветания». Так японские милитаристы обманывали народы стран Юго-восточной Азии, поработанных западными колониальными державами.

Определенные слои населения поддавались этой пропаганде, что создавало, благоприятные условия для широкого японского шпионажа. Но Япония, разумеется, и не помышляла о том, чтобы вместо чужеземного колониального господства эти страны обрели национальный суверенитет. Правящим классам Японии не было дела до освобождения народов, их волновали только нефть и олово, каучук и свинец, рис и жиры, Они хотели занять место прежних колониальных господ. Японская армия должна была направить из захваченных стран в метрополию поток богатств. Рабский труд для увеличения военного потенциала Японии, как откровенно выразился Итагаки в узком кругу, пропагандисты империи выдавали за «плодотворный труд во имя общего процветания народов Юго-восточной Азии».

Для генерала Итагаки и части № 82 эта весна была напряженной. Капитаны судов, не раз совершавших плавание по южным морям, делились в Тайхоку своим опытом. Горные инженеры, работавшие в Малайе, чертили наброски карт. Японских парикмахеров, проживавших в Сингапуре, быстро обучили радиосвязи и снабдили рациями. Директор тайваньского банка составлял обзоры финансового положения стран Юго-восточной Азии.

К началу лета оставалось еще решить лишь несколько специальных задач, которые имели важное значение на первом этапе кампании, при захвате Малайи и особенно Сингапура, представлявшего ключевую позицию для последующего прыжка на Малайский архипелаг и в Индийский океан.

Из Шаньси (Китай) прибыл майор Асида, обладавший, несмотря на молодость, немалым опытом военного шпионажа. После специальной процедуры, длившейся несколько дней, кожа его приобрела темный оттенок. Хирурги специально нанесли ему ранения, которые при поверхностном осмотре напоминали гнойники. Асиду одели в лохмотья, обули в стоптанные башмаки, а затем забросили на побережье Таиланда, откуда он под видом то нищего, то чернорабочего, рикши или кули пробирался в район Сингоры (Сонгкхла) и Паттани. Специалисты считали эту — таиландскую — часть побережья Малакки особенно удобной для высадки войск.

Майор Асида основательно разведал таиландское побережье. Затем он перешел границу Малайи и так же тщательно обследовал северные провинции Кедах, Перак и Келантан. Когда его подробный доклад — со схемами и таблицами, с описанием порядка караульной службы в английской армии и системы береговых укреплений — лег на письменный стол Итагаки, генерал даже потер руки от удовольствия. Его предположения подтвердились. Если армия высадится у Сингоры или Паттани, она наибыстрейшим образом сможет пробиться в

северные провинции Малайи. Если же одновременно произвести в районе Кота-Бару высадку крупного десанта, противник окажется в огромных клещах, из которых ему придется поспешно вырываться, а тем самым открыть путь японским войскам. А дальше — продвижение по немногим проезжим дорогам в джунглях, по узким тропам и вдоль обоих побережий с целью погнать все английские войска в Малайе на юг, к Сингапуру.

Японцы уже давно знали, что этот мощнейший бастион у входа в Тихий океан имел уязвимое место: все его тяжелые орудия были нацелены на море. С суши же, где он узким руслом Джохорского пролива был отделен от Малаккского полуострова, укреплений почти не было.

По решению японского генерального штаба Сингапур был избран первой важной целью. Овладение им решало исход дальнейших операций в направлении Голландской Индии, Бирмы и Индии. Но путь к Сингапуру шел от Сингоры, Паттани, Кота-Бару через Малайю. Таков был итог всех стратегических выкладок. Итак, жребий брошен.

Оставалось лишь подготовить армию к гигантскому захватническому походу. Токио торопил. Итагаки не стал медлить. Он полетел в столицу и развернул перед нетерпеливыми генералами верховного командования оперативную карту. Несколькими штрихами он отметил на ней районы сосредоточения войск на исходных позициях. Указал и ряд районов, где императорская армия должна была еще летом провести большие маневры, чтобы приспособиться к тропическим условиям. Они находились на захваченном Японией китайском острове Хайнань и охватывали территорию примерно в тысячу квадратных километров.

Генерал Итагаки получил похвалу генералитета за проделанную подготовительную работу, но в душе его радости не было. Деятельность его подходила к концу. Итак, скоро армии выступят в поход. По намеченным им путям, с рекомендованными им вооружением и транспортными средствами, А он вернется к своему унылому письменному столу. Кто вспомнит о части № 82 и генерале Итагаки, думал он, когда флаг с восходящим солнцем взвевается над Сингапуром и победители запоют гимн победы...

Туда, где идут теплые дожди

Робин Кларк бросил газету на софу и обвел комнату недовольным взглядом. В это время он обычно принимался за уборку. На чайном столике стояла грязная посуда, лежали остатки завтрака, валялись куски хлеба. Рядом, в мастерской, бубнило радио. Мария никак не привыкнет, уходя из дома, выключать проклятый ящик.

Когда Кларк увидел ее впервые, она была застенчивой молодой женщиной. С небольшим чемоданчиком из свиной кожи она стояла в хвосте длинной очереди австрийских эмигрантов. Кларк обошел очередь, взглядываясь в лица людей, бежавших от немецких фашистов и теперь искавших убежища в Англии. Молодая черноволосая женщина показалась ему подходящим объектом для интервью, которое он должен был сделать для газеты «Ивнинг Миррор». Она была хорошо одета, носила скромные украшения и при этом выглядела как раз такой одинокой, потерявшей цель в жизни и почву под ногами, какой и должна выглядеть настоящая эмигрантка в глазах читателей английских газет,

— Вы говорите по-английски? — попробовал он заговорить и был совершенно обескуражен, когда она без малейшего иностранного акцента ответила вопросом на вопрос: не может ли он принести ей стул?

Кларк подал знак фотографу, торчавшему у дверей:

— Принеси, А потом сфотографируй эту даму. Вы позволите?

Она не возражала. Она вообще не имела ничего против газетчиков. Наоборот, немного «паблисити» ей не повредит. Фотограф сделал снимок, и она опустилась на принесенный

стул. Время от времени она поддвигалась вместе со стулом в очереди, а в промежутках отвечала на вопросы Кларка, внимательно разглядывая репортера. Он ей понравился. Не очень высокий рыжеватый молодой человек, делающий свое дело с ненапускной небрежностью, указывающей на то, что он не только отлично владеет своим ремеслом, но и не принимает его особенно всерьез. Англия, подумала она. Будет ли она концом моих странствий? Или они высадутся со своими знаменами со свастикой и здесь, повергнут Великобританию ниц и истребят всех, кто для них недостаточно ариец?

— Я прочту вам записанное, — перебил ее мысли Кларк. — Итак, Мария Гольдштейн, двадцати восьми лет, приехала из Вены, художница. Успех на выставках в Париже и Цюрихе. Незамужняя. Нацисты разграбили вашу квартиру в Вене. Вам удалось бежать через Швейцарию, и теперь вы хотите начать новую жизнь в Англии.

— Так, — лаконично ответила она.

Он сделал отличное интервью. Ему даже удалось разыскать в каталоге одной швейцарской галереи картину эмигрантки Марии Гольдштейн. Газета напечатала ее снимок вместе с картиной художницы и интервью Кларка. Через четыре недели Мария Гольдштейн получила первый заказ. Лорд Эшли, ветеран различных колониальных экспедиций, один из издателей «Татлера» — отливающего глянцевого бумагой модного иллюстрированного журнала для высшего общества, — заказал свой портрет и стал позировать эффектной австрийской эмигрантке. В интервью Кларку Мария умолчала о том, что раньше уже жила в Англии два года. А на Кларка молодая художница произвела такое сильное впечатление, что он даже позабыл о своей профессиональной любознательности и упустил такую почти незначительную мелочь; спросить ее, откуда она так хорошо говорит по-английски.

Когда портрет лорда Эшли появился в «Татлере», Кларк разузнал адрес художницы. Однажды вечером он навестил ее, а через месяц переехал к ней. Она полюбила Кларка, хотя и не закрывала глаза на его недостатки. Но ей казалось, что недостатки эти были его самыми привлекательными чертами. В конце года они поженились. Кларк, уже отслуживший в армии пять лет, теперь ждал нового призыва, но пока продолжал трудиться для своей газеты. В редакции его ценили: Кларк работал быстро и надежно. К тому же он обладал массой военных познаний, а газета не могла держать специального военного обозревателя.

Однако сам Кларк давно уже не имел охоты обсуждать военные вопросы. Ведь еще несколько лет назад он пытался доказать в большой статье, что английское адмиралтейство недооценивает своего потенциального противника. Как можно защитить от нападения английские гарнизоны на Дальнем Востоке, спрашивал он, если флоту, к примеру, требуется семь-десять дней, чтобы добраться от Портсмута до Сингапура. Более высоко оплачиваемые коллеги из «Таймс» и «Экспресс» целыми неделями высмеивали его: кто сомневается в морском могуществе Англии и хоть капельку не доверяет наследникам Горацио Нельсона, тот наверняка либо левый, либо невежда. Орган лорда Бивербрука позволил себе даже задать вопрос, не будет ли, скажем, Кларк рад, если Великобритания, чтобы обезопасить свое мировое влияние, заключит договор с русскими, тем более что к этому стремятся и коммунисты? А «Таймс» просто-напросто заявила, что мистери Кларку не мешало бы проверить состояние своих умственных способностей, прежде чем заниматься военными прогнозами, которые требуют не только широкого кругозора, но и по меньшей мере нескольких курсов военной академии. С тех пор он зарекся вступать в полемику. Преодолеть традиционное высокомерие британской военщины было невозможно, не имея в своем распоряжении ничего, кроме здравого смысла и умения реально оценивать международное положение.

Поэтому Кларк решил продолжать работу репортера, а свои соображения по военным вопросам держать при себе. В лице Марии он нашел подругу, излучавшую спокойствие. Она получала, один за другим, заказы от представителей привилегированных слоев, которые были не прочь увидеть в печати свое имя, упомянутое в связи с новой картиной. Поэтому

супруги почти не испытывали финансовых затруднений. Кларк даже мог себе позволить отказаться от того или иного задания своей газеты. Хотя он больше не писал военно-политических статей, это вовсе не значило, что он не замечал происходящих в мире событий. Наоборот, он пристально следил за ними.

Сначала с изрядной долей скептицизма, а потом и с опаской наблюдал он за политикой Англии накануне второй мировой войны. Кларк не одобрял антикоммунизма, в котором погрязла политика правящих классов. Правда, весной 1939 года английское правительство вместе с французским начало переговоры с Советским Союзом, но результаты их лишь подтвердили правоту Кларка. Оба правительства были совершенно не заинтересованы в том, чтобы заключить с СССР союз против изготавившегося к прыжку германского фашизма. Они хотели усыпить народы, изолировать Советский Союз и достигнуть за его счет компромисса с гитлеровской Германией. Поэтому Англия саботировала все усилия Советского Союза, отвергала все его предложения. Насытившаяся завоеваниями колониальная держава проявляла мало интереса к обеспечению безопасности народов Европейского континента. Это доказали ее мюнхенская политика и отношение к последовавшим затем захватническим действиям немецких фашистов.

Внешняя политика Англии и других западных держав в отношении Советского Союза летом 1939 года была явно коварной. Одновременно японцы совершили в районе Халхин-Гола провокационное нападение на Монгольскую Народную Республику. Все это чрезвычайно усилило угрозу войны Советскому Союзу. Учитывая эти обстоятельства, СССР согласился на предложение фашистской Германии заключить пакт о ненападении. Тем самым Советский Союз сорвал замыслы Англии и других западных держав, направленные на то, чтобы сколотить единый антисоветский фронт мирового империализма. Кроме того, СССР выиграл время, чтобы подготовиться и отразить нападение гитлеровской Германии.

Гитлер, который в своих планах учитывал антисоветские настроения правящих классов Англии, пошел навстречу им столь далеко, что, выступая в рейхстаге 19 июля 1940 года, после разгрома Франции, предложил английскому правительству мир. Он все еще надеялся вместе с Англией выступить против Советского Союза. Однако антифашистская позиция и сопротивление английского народа, а также обострившиеся противоречия между Англией и Германией не допустили совместных действий английских реакционеров с гитлеровцами. Нацистское руководство еще некоторое время пыталось заставить Англию пойти на компромисс. Для этого оно готовилось к высадке десанта, усилило воздушную и подводную войну, но цели своей не достигло. Хотя бомбардировки причинили Англии большой ущерб (бомбами был разрушен или поврежден каждый пятый дом) и мешали военному производству, фашистская люфтваффе только за первую фазу воздушной войны — с августа по октябрь 1940 года — потеряла примерно две тысячи самолетов. Потери английской авиации составили более семисот самолетов.

Народные массы стали оказывать все большее влияние на политику английского правительства. Под давлением общественного мнения оно было вынуждено активизировать войну против гитлеровской Германии. Хотя фашистские подводные лодки по-прежнему угрожали морским коммуникациям, поставки из США возростали, заполняя бреши в английском военном потенциале. В первые месяцы 1941 года английским войскам удалось отвоевать Сомали и Судан, а также Эфиопию. Италия потеряла в Африке области, оккупированные ею в августе — сентябре 1940 года. Нацистское командование несколько раз откладывало вторжение в Англию, однако, желая добиться изменения ее позиции, не снимало этой угрозы. К тому же гитлеровская Германия усиленно готовилась к нападению на Советский Союз, и планы высадки в Англии служили обманым маневром для маскировки этих приготовлений.

В день нападения гитлеровской Германии на Советский Союз Кларк, как и большинство его коллег, на спешно созванном профсоюзном митинге подписал петицию

правительству, требовавшему оказать немедленную и эффективную поддержку СССР. Английское правительство — точно так же как и американское — официально заявило о своей готовности заключить пакт с Советским Союзом. 12 июля 1941 года было подписано советско-английское соглашение о совместных военных действиях против фашистской Германии. Начиная с лета 1940 года в характере второй мировой войны все сильнее выявлялись антифашистские черты, теперь же, в связи с вынужденным вступлением в нее Советского Союза, характер ее изменился окончательно. Она превратилась во всемирную освободительную войну народов против фашизма.

С Дальнего Востока в Лондон приходили устрашающие вести: Япония через Индокитай и Таиланд подбиралась к малайской границе. Теперь уже не приходилось сомневаться в том, что дальневосточный партнер фашистской Германии по «оси» сосредоточивает свои войска для массированного удара.

В то утро Кларк долго просидел над газетами. Собственно говоря, ему надо было уже находиться в пути, чтобы написать репортаж с фабрики, производящей шелк для аэростатов противовоздушного заграждения. Но последние вести с Дальнего Востока заставили его позабыть о задании. К полудню вернулась Мария. Качая головой, она открыла все окна и выпустила сигаретный дым. Лицо Кларка было задумчиво. Он сказал:

— Японцы захватили весь Индокитай.

Два дня спустя почтальон принес повестку о призыве Робина Кларка на военную службу. Из письма явствовало, что военное министерство считает необходимым привлечь и его к обороне страны. Кларк ждал этого уже много месяцев. После пяти лет, проведенных им в армии в Бирме и Индии, он был освобожден от военной службы по болезни печени. Эту болезнь он подхватил в болотах дельты Иравади; но тогда еще был мир... Местом явки был указан Портсмут. Это означало транспортировку морем. Мария уложила его вещи. Когда она закончила, Кларк раскрыл чемодан и переложил все в картонную коробку из-под индийского чая.

— Излишняя роскошь тащить с собой в армию чемодан, — сказал он. — Эта война еще долго протянется. А кожа в тропиках гниет быстро.

— Может быть, тебя пошлют в Гибралтар, — высказала свою затаенную надежду Мария. Но Кларк только улыбнулся. 11-й дивизии Британской Индии лучше знать, куда направить сержанта 2-й роты 3-го полка Робина Кларка. Интересно, по-прежнему ли повар чистит котел дезинфекционным порошком? Ну и мерзость!

Стоя в Портсмуте на борту «Левиафана» и глядя на пирс, Кларк снова почувствовал па языке этот незабываемый привкус. Мария — там, внизу, в толпе других жен и невест — махала ему рукой. «Черт бы побрал эту армию! — злобно думал Кларк. — Через пять минут после прощального поцелуя жены мир опять приобрел вкус этого гнусного порошка». Мария еще долго махала ему вслед. Она старалась не плакать... Когда корабль прибавил ходу, она еще раз подняла руку и сделала пальцами знак, изображающий букву «V». Вся Англия знала этот символ: «Victory» — «Победа»!

* * *

В тот самый час, когда отплывал «Левиафан», премьер-министр Уинстон Черчилль проводил совещание с начальниками штабов и военными специалистами. Обсуждение было весьма оживленным. Речь шла о самолетах для Малайи и Сингапура. Этому решающему заседанию, на котором Черчиллю было не совсем по себе, предшествовала длинная цепь дебатов, меморандумов и споров.

В сущности, все началось еще в мае 1938 года, когда главнокомандующим английскими вооруженными силами в Малайе являлся генерал Добби. Он не только был способным офицером, но и обладал определенным даром предвидения, а потому относился к своей

службе не так формально, как большинство генералов в то время, и серьезно думал о судьбе вверенного ему района. Добби мысленно ставил себя на место вражеского командующего, которому поручено разработать план нападения на английскую цитадель Сингапур. Результаты своих размышлений и тщательного изучения условия на Малаккском полуострове он направил в форме меморандума в Лондон, впервые указав на опасность, которая грозила Сингапуру не с моря, а с суши.

Добби писал; «Наибольшей опасностью для крепости я считаю нападение с севера, Такое нападение может быть предпринято в период северо-восточного муссона. Малайские джунгли во многих местах нельзя считать непроходимыми для пехотных соединений...». Генерал не думал тогда, что потенциальный противник пересечет всю колонию Малайя, Он считал возможным, что, к примеру, крупный отряд военных кораблей высадит войска на восточном побережье султаната Джохор, откуда им откроется короткий путь к Сингапуру. С этого побережья, через дамбу, до самого Сингапура шло отличное автомобильное шоссе. Легковая машина проделывала этот путь немногим больше чем за час. Поэтому Добби предлагал перенести северную оборонительную линию Сингапура на несколько десятков километров ближе к Джохору. Меморандум Добби остался без ответа, но в Лондоне молчаливо согласились с тем, чтобы генерал, используя находящиеся в его распоряжении средства, оборудовал в Джохоре цепь позиций для пехоты. Добби был первым офицером, понявшим па месте, что необходимо изменить всю систему обороны. Выяснилась реальная возможность атаки крепости Сингапур, вопреки господствующему мнению, с суши, а не с моря.

В июне 1939 года командование в Малайе принял генерал Бонд. Сменив на этом посту Добби, он тщательно проанализировал его стратегические выкладки и пришел к аналогичным выводам. Поэтому он продолжил строительство по реке Джохор линии обороны, которая могла бы блокировать шоссе на Сингапур. Бонд добился также дальнейшего усиления крепостных сооружений, обращенных к морю, и переброски в Малайю двух пехотных бригад из Индии. Тем не менее по-прежнему оставался в силе старый план адмиралтейства, предписывавший гарнизону крепости в случае нападения держаться до подхода флота,

В апреле 1940 года Бонд дополнил меморандум Добби предложением упредить возможное нападение Японии на Малайю из Таиланда: в нужный момент две пехотные дивизии должны нанести удар и тем самым сорвать приготовления там японцев к нападению. Немного позже военное министерство отдало распоряжение в духе меморандума Бонда: необходимо защитить от возможного нападения не только Сингапур, а всю колонию Малайя. Оно распорядилось далее, чтобы решающую роль в операции играла авиация. Однако необходимые для этого самолеты могли прибыть в Малайю только к концу 1941 года. До того времени следовало попытаться перебросить в Малайю как можно больше войск из Индии и Австралии.

Итак, на совещании Черчилля с начальниками штабов обсуждался вопрос о том, как увеличить еще весьма недостаточный выпуск самолетов, чтобы удовлетворить все более настойчивые требования генерала Персиваля, тем временем сменившего Бонда в Малайе. Но одновременно надо было выполнить и другое обязательство, которое Черчилль справедливо считал не менее, а может быть и более, важным. Поскольку это было в интересах Англии, Черчилль, в соответствии с советско-английским соглашением о совместных боевых действиях против гитлеровской Германии, распорядился отправить советскому союзнику некоторое количество танков типа «Матильда» и «Валентайн», Кроме того, морем в Архангельск были отправлены вместе с летчиками и персоналом наземного обслуживания две эскадрильи истребителей «Харрикейн». Начальники штабов, находившиеся в вызывающей недоумение оппозиции к Черчиллю, вытащили это обстоятельство на первый план, тактично, но достаточно явно упрекая его в том, будто бы он ставит интересы

Советского Союза выше интересов Британской империи; в критический период войны посылает военные материалы в СССР, между тем как они крайне нужны, к примеру, в Малайе, а также в самой Англии и в Африке. В отношении такого закоренелого антикоммуниста, как Черчилль, подобное подозрение было столь нелепо, что он начал протестовать со всей силой своего темперамента:

Я повторю здесь слова, произнесенные мной в день начала войны между Германией и Россией. Я сказал тогда: в течение целых двадцати пяти лет не было более непримиримого врага коммунизма, чем я. Я не беру назад ни единого слова, сказанного мною на эту тему. Но...

— Но «Харрикейны» нужны в Англии! — настойчиво перебил его начальник штаба военно-воздушных сил.

Черчилль не дал сбить себя. Он продолжал:

— ...Но я сказал и кое-что другое: я за то, чтобы мы оказали русским, которые в настоящее время связывают значительную часть армий Гитлера, техническую помощь, дабы они смогли уничтожить эти армии. Каждый уничтоженный русскими нацистский солдат уже не нападет на Англию. Фактически русские воюют вместо нас. Они убивают с помощью нашей техники нацистских солдат⁶. Мертвые нацистские солдаты для нас уже не угроза. Мы должны осознать это.

Опытному политику удалось рассеять опасения начальников штабов. Тем не менее вопрос о том, каким образом следует тактически эффективно отразить предстоящее нападение Японии на Малайю, так и остался неясным. Никакого сколько-нибудь надежного плана обороны Малайи и Сингапура все еще не имелось. Сам Черчилль понимал, что жизненно важным для Англии было разгромить главного врага — фашистскую Германию. Этой цели надо было волей-неволей подчинить все остальное. Приходилось считаться в этой связи даже с возможностью временной потери некоторых колониальных владений. Но к Сингапуру это никак не относилось.

Черчилль был далек от мысли, что сильнейшей цитадели Англии на Дальнем Востоке могут серьезно угрожать японцы. Он рассуждал так: если Советскому Союзу удастся уничтожить главные силы фашистской армии или по меньшей мере нанести ей сокрушительный удар, от которого она не скоро оправится, то Англия возвратит свои временно потерянные колониальные владения — это будет всего только вопросом тактики. Если дело дойдет до войны с Японией, в нее несомненно окажется втянутой Америка. Черчилль хорошо знал резервы США и рассчитывал па них. К тому же в английские порты уже стали поступать из США по закону о ленд-лизе первые партии военных материалов. Итак, необходимо сконцентрировать как имеющиеся, так и поступающие силы.

— Генерал Персиваль хочет получить для Малайи пятьсот шестьдесят шесть самолетов, — произнес Черчилль. — Сколько мы ему можем дать?

Начальник штаба ВВС уклонился от прямого ответа:

— Сегодня во всей Малайе, включая Сингапур, имеется восемьдесят восемь самолетов. Половина из них устарела, остальные — ограниченно боеспособны. «Харрикейнов» и других современных самолетов в наличии нет. Вопрос, в том, можем ли мы вообще что-либо дать туда.

— Сколько самолетов смогут бросить японцы против Малайи в случае серьезной операции?

Представитель военной разведки, участвовавший в' совещании, ответил на этот вопрос Черчилля осторожно:

⁶ Английские военные поставки в Советский Союз, хотя и незначительные, имели в тот период определенное положительное значение. Однако разгром гитлеровских армий был достигнут не с помощью английской техники, а благодаря героизму и стойкости советских воинов, поражавших врага советским оружием.

— По нашим сведениям, семьсот, но, возможно, и восемьсот. Свыше половины их — самолеты, действующие с авианосцев.

Посреди молчания, воцарившегося после этой справки, прозвучал голос начальника штаба ВВС:

— Следует учесть, что боеспособность японских самолетов сомнительна, как и пилотов тоже. В Китае — очевидно, по этим причинам — японская авиация не смогла сыграть заметной роли.

Черчилль задумчиво кивнул. Персиваль хочет обеспечить себя самолетами. Это понятно. Но он, кажется, переоценивает боевую мощь Японии.

Победа в споре склонялась то на одну, то на другую сторону. Исход решило выступление уполномоченного по военной Промышленности. По его расчетам, можно было отправить в Малайю до конца 1941 года еще триста тридцать шесть самолетов. Количество немалое.

— Подведем итог, — предложил Черчилль, — Мы должны сообщить Персивалю, что на флот он рассчитывать не может... Оборона Малайи будет в значительной мере осуществляться сухопутными войсками и авиацией...

В Малайю будут переброшены войска. Часть этих усилий возьмет на себя Австралия.

Итак, решение было принято. Никто из присутствующих не видел его коренного недостатка: в основе его не лежало настоящего дальновидного плана обороны.

Началась переброска войск в Малайю. В Сингапуре высаживались на сушу новые контингента австралийских солдат. В результате переговоров с американскими и голландскими властями было достигнуто соглашение, что в случае нападения Японии на Малайю азиатская эскадра американского военно-морского флота двинется к Сингапuru⁷. Оставшиеся на Дальнем Востоке голландские войска должны были тесно взаимодействовать с английскими. В ответ на дальнейшие настояния Персиваля Лондон заверил его, что в случае необходимости будет срочно решено, какие более крупные части английского флота направить в Сингапур. Однако генералу дали ясно понять, что при всех обстоятельствах речь может идти не о главных силах флота, а только о небольшом соединении кораблей.

Летом 1941 года военная разведка еще раз обратила внимание Черчилля на ту часть меморандума Бонда, в которой он предлагал упредить возможный удар японцев из Таиланда, введя туда английские войска. В соответствии с этим специалисты начали разрабатывать план наступления, получивший кодовое наименование «Матадор». Насчет осуществления этого плана даны были строгие директивы. К выполнению его можно было приступать только по приказу Лондона. Решение об этом входило в компетенцию военного министерства, а не командующего войсками в Малайе.

Вопреки намерению Бонда, принимавшего в расчет высадку японцев в Южном Таиланде и собиравшегося массированным ударом разгромить вражеский десант, план («Матадор» ограничивался сравнительно незначительными маневрами с целью помешать им. Разбить таким образом агрессора было нельзя, в лучшем случае можно было лишь задержать его. Эта непоследовательность привела к тому, что, несмотря на превосходство англичан в силах и средствах, японцы все же смогли предпринять успешное наступление. Шанс разгромить агрессора до развертывания его сил и добиться решающего поворота в ходе событий был потерян заранее.

Тем временем «Левиафан» плыл на юг. Он не пошел через Гибралтарский пролив, а избрал путь более длинный, но зато и более безопасный: вдоль западного берега Африки, вокруг мыса Доброй Надежды, Мадагаскара, в Индийский океан.

⁷ Фактически этого не произошло. Часть азиатской эскадры (тяжелый и легкий крейсера и несколько старых эсминцев США) действовала в индонезийских водах уже после падения Сингапура.

Первое письмо от Робина Кларка Мария получила из Дурбана. На обороте яркой открытки с пальмами и морским пляжем он написал: «Путь наш долог! И лежит он на юго-восток. Для того, кто живет в Лондоне, здесь, в общем, недурно: ведь там порой даже забываешь, как выглядит солнце. А сойдем на землю, верно, там, где идут теплые дожди».

Светло-серый самолет

По взлетно-посадочной полосе сайгонского аэродрома шагал приземистый японец-механик с ведром краски и малярной кистью в руках. Он еще не вполне пришел в себя после короткого сна в полуденный зной: прибежал посыльный, разбудил его и передал приказ немедленно закрасить японский опознавательный знак на самолетах, что стояли, готовые к взлету, на краю полосы под маскировочными сетками. Механик, зевая, принес из ангара краску и кисть и поплелся к «Ситей» 04–82 — последней машине в длинном ряду готовых к вылету самолетов. Стянув маскировочную сеть, он пододвинул несколько ящиков и вскарабкался на них. В ведрке была точно такая же светло-серая краска, как и та, в которую был окрашен самолет. Механик недоверчиво потрогал металл фюзеляжа. Раскаленный, будут пузыри. Он попытался втолковать посыльному, что было бы лучше сделать это попозже, вечером. Но посыльный еще раз подтвердил, что дело спешное. Что ж, пусть будет так, и механик светло-серой краской замазал японский опознавательный знак на фюзеляже, крыльях и хвосте двухмоторного разведывательного самолета. Хино-мару — японский военный флаг с солнечным диском — исчез, словно его и не бывало.

Майор Асида, сидевший на аэродроме в прохладном помещении и от скуки листавший иллюстрированный журнал, чуть поднял голову, когда вошедший посыльный доложил ему: приказ выполнен, а самолет из Маньчжурии уже на подходе. Никто на аэродроме не знал этого офицера. Он прибыл сюда с секретным заданием и через несколько дней снова исчезнет. Только начальнику военной полиции аэродрома было известно, что таинственный незнакомец прибыл с Тайваня, из части № 82. Этого было достаточно, чтобы ни в чем ему не отказывать и не задавать лишних вопросов.

Самолетом, прилетевшим в Сайгон из Маньчжурии, оказался довольно старый «Дарай». Гул его моторов был слышен задолго до того, как он появился над аэродромом. Сделал большой разворот и пошел на посадку. Экипаж проделал дальний путь, но едва смолкли моторы, пилот браво спрыгнул на землю. Мотоцикл тотчас доставил его в здание аэродрома. Через несколько минут он уже стоял перед незнакомым офицером. Тот дружески пригласил:

— Садитесь, капитан Икэда! — и предложил закурить. Солдат принес охлажденный чай. Потом офицер с Тайваня показал пилоту какой-то документ, тот быстро пробежал его и сказал:

— Я в курсе дела. Прошу вас начинать.

Асида, не теряя времени, вынул из кармана карту и показал летчику нанесенную на ней трассу полета.

— Завтра рано утром полетим по этому маршруту. Полет совершенно секретный. Ни вы, ни другие члены экипажа не имеете права говорить о нем ни слова, никому и никогда. После выполнения задания вы будете назначены командиром самолета дальней разведки; таким образом, ваше прибытие сюда будет выглядеть вполне правдоподобно. Вопросы есть?

Капитан еще раз взглянул на карту. Он не впервые выполнял подобные задания. Несколько лет назад он на своем «Дарае» летал с таким же заданием над советской и монгольской территориями.

— Малайя? — спросил он. Незнакомый офицер кивнул.

— Будьте готовы к плохим метеоусловиям. Над Малаккским полуостровом обычно сильные воздушные вихри.

— Какой самолет я получу?

— «Ситей» 04–82.

— Хорошая машина, — сказал пилот. — И скоростная.

— Она более быстроходна, чем английские истребители в Малайе. Кроме того, она может, если надо, лететь гораздо выше. Обращаю ваше внимание на то, что самолет не вооружен. Если нас собьют, все должно выглядеть так, будто мы сбились с курса во время тренировочного полета.

— Понимаю.

Пилот вычислял дальность полета. «Ситей» мог преодолеть назначенный маршрут примерно за пять часов. На более продолжительный полет не хватило бы горючего. Следовательно, полет должен пройти без всяких осложнений, иначе есть опасность, что придется садиться на воду. Офицер успокоил пилота:

— Едва ли приходится бояться английских зениток. Английские части получили от Лондона строгое указание проявлять по отношению к нам сдержанность и ни в коем случае не предпринимать наступательных действий.

Пилот больше ни о чем не спрашивал. Он был еще молод и принадлежал к тем честолюбивым офицерам, которые желают выдвинуться любой ценой.

— Время вылета? — деловито осведомился он.

— Шесть ноль-ноль. Пилот взял под козырек.

— Разрешите удалиться? Асида кивнул.

На аэродроме еще царил тишина, когда пилот вместе с четырьмя членами экипажа шагнул по взлетной полосе к «Ситей» 04–82. Наземный персонал уже запустил моторы. Продовольствие и запас воды погружены на борт. Немного погодя явился майор из части №82. Солнце только-только выползло из-за горизонта, когда пилот дал газ и «Ситей» медленно покатился на взлет. Вскоре гул его моторов смолк вдали.

«Ситей» летел на большой высоте. В просторной кабине рядом с пилотом сидел Асида. Чем выше забиралась машина, тем холоднее становилось. Но члены экипажа и незнакомец были в теплом обмундировании.

Когда воздух стал более разреженным, они надели кислородные маски. На высоте шести тысяч метров они пролетели над мысом Камау, самой южной оконечностью Индокитая. Дальше внизу не было видно ровно ничего, кроме унылого однообразия легко колышущейся водной глади. Иногда, очень редко, виднелось одинокое судно. Чтобы разглядеть что-нибудь с такой высоты, нужен хороший бинокль.

Чем ближе «Ситей» подлетал к побережью Малайи, тем хуже становилась видимость. Облака плыли над побережьем на высоте всего нескольких сот метров и закрывали обзор. По расчетам пилота, они скоро должны были оказаться над Кота-Бару. Ленда приказал перейти на бреющий полет. Только на высоте трехсот метров им удалось нырнуть под облака. Небольшие волны катились к берегу, сам он был неразличим. Над лесами лежал густой туман. «Ситей» делал над побережьем разворот за разворотом, пытаясь найти путь к Кота-Бару. Это не удалось. Машина пролетела вдоль берега много километров, но внизу сквозь серую пелену тумана все еще никак нельзя было различить ни населенные пункты, ни дороги, ни военные сооружения. Разочарованные, они повернули обратно. В 11 часов «Ситей» приземлился в Сайгоне. Асида сразу же отправился в метеослужбу. Здесь он узнал, что через день, 22 октября, ожидается благоприятная погода.

— Два дня отдыха, — сказал он пилоту. — Двадцать второго октября в шесть ноль-ноль повторим полет.

* * *

Воздушная разведка над Малайей в этой последней фазе подготовки нападения

являлась заключительным этапом деятельности части № 82. Асида, которому было поручено выполнить эту задачу, получил милитаристское воспитание, и Малайя была для него не более чем территория, которую надо завоевать для императора. Некая комбинация джунглей, прибрежных равнин, скалистых гор, каучуковых плантаций и оловянных рудников. Он знал русла всех рек и состояние важнейших дорог, продолжительность муссона и грузоподъемность мостов, но самой страны он не знал. Да она его, в сущности, и не интересовала. Для него она была вовсе не страной, в которой живут люди, имеющие за собой многовековую историю, а всего лишь местностью, перечерченной квадратами плана нападения. Изучением исторического развития Малайи и ее политических условий занимались другие специалисты части № 82, искавшие здесь зацепки для японской политики. Они выяснили, что есть определенные возможности использовать общественные условия, порожденные английским колониальным режимом на Малакском полуострове, для пропаганды демагогической легенды о «великоазиатской сфере взаимного процветания». Чтобы облегчить японскую агрессию, надо было сделать эту легенду привлекательной для колониальных народов этого района земного шара.

Вот уже четыре тысячелетия малайские племена населяют этот вытянутый в длину полуостров. Здесь сменялись империи и династии...

В 1509 году перед городом Малаккой впервые появился португальский флот под командованием адмирала Диегу Лопеша ди Сикейра, однако закрепиться ему не удалось. Но того, что по возвращении в Португалию рассказал этот первый посланец европейского колониализма, оказалось достаточным для отправки второго, более сильного флота, на сей раз под командованием адмирала Афонсо Д'Албукерки. Сначала он завоевал индийское Гоа и часть Цейлона и таким образом стал основателем португальской колониальной империи в Азии, а в 1511 году подошел со своими кораблями к Малайке и обстрелял ее. Под прикрытием деревянных палисадов, которые должны были защитить их от града стрел жителей Малакки, португальские солдаты продвигались вперед буквально шаг за шагом. После нескольких недель ожесточенных боев португальцы твердо обосновались в городе, и для Малайи началась первая фаза колониализма.

Но соперничество европейских держав вскоре привело к смене господ. В 1641 году Нидерланды отняли у Португалии Малакку. Ее богатства — особенно олово — влекли сюда и других завоевателей, деливших между собой мир. В 1786 году Англия обосновалась на острове Пенанг с целью сломить голландскую монополию на олово. В конце концов в 1795 году Англии удалось вышвырнуть голландцев из Малакки. Голландия сумела вернуть свои владения, заключив в 1818 году договор с Англией, но уже в 1824 году стараниями Ост-Индской компании Малакка окончательно перешла под власть английской короны.

Тем временем в 1819 году сэр Стамфорд Раффлс основал в Сингапуре английское поселение. В 1826 году остров Ленанг, Малакка и Сингапур, острова Рождества, Лабуан и Кокосовые впервые были объединены под британским главенством с административным центром в Пенанге. В 1667 году они стали коронной колонией, именовавшейся Стрейтссеттлментс (Поселения на проливе), а Сингапур стал ее административным центром. Отсюда Англия осуществляла целеустремленное продвижение во внутреннюю часть Малайи. Она ловко использовала распри между отдельными малайскими султанатами и постепенно все больше вынуждала их к участию в системе «договоров о защите».

Таким образом, к 1885 году Англия уже имела под своим протекторатом Перак, Селангор, Негри-Сембилан, Паханг и Джохор. В 1895 году все они были объединены под наименованием Федерированные малайские государства и стали управляться из Куала-Лумпура английским генеральным резидентом. В 1909 году Англия лишила Сиам его верховной власти над султанатами Перлис, Келантан, Тренгану и Кедах и объявила их Нефедерированными малайскими государствами. Таким образом, коронная колония Стрейтссеттлментс официально считалась английским владением, между тем как

Федерированные малайские государства и Нефедерированные малайские государства именовались протекторатами, в которых правили местные султаны, разумеется под строгим контролем и по указаниям английских резидентов и «советников». Незначительная свобода действий, оставленная султанам, ограничивалась преимущественно выполнением религиозных функций. В политическом же и экономическом отношении Англия держала эти области мертвой хваткой.

Двадцатый век принес Малайе форсированную эксплуатацию Англией богатых залежей олова и каучуковых плантаций. Капиталистическое развитие прокладывало себе путь и здесь. Это вело к возникновению рабочего класса, который, однако, в значительной части формировался из китайских и индийских иммигрантов. К 1941 году общая численность населения Малайи составила около пяти с половиной миллионов человек. Только половина из них были малайцы, которым Англия не давала ни политических, ни гражданских прав. Напряженность между отдельными группами населения была поэтому неизбежной, причем английские власти не только не смягчали ее, а, наоборот, всячески усиливали.

Основанные в Малайе в 1925 году профсоюзы и особенно существовавшая с 1931 года Коммунистическая партия Малайи неустанно боролись за сплочение всех трудящихся для отпора опасности японского фашизма. Но английская колониальная полиция всячески препятствовала деятельности компартии: прибегала к открытому террору, выдавала Чан Кай-ши активных членов партии из числа китайцев, насаждала в партийном аппарате своих агентов и т. д.

Малайя принадлежала к числу богатых колоний Англии. Добыча олова и каучука, поставлявшихся главным образом в США, служила британской короне основным источником долларов.

Япония рассчитывала использовать раздробленность многонационального пролетариата Малайи, а также противоречия среди местной буржуазии и ее националистические тенденции. В конечном счете приманка «освобождения» Малайи от английского господства должна была усыпить и парализовать те силы, которые выступали против нового, японского колониализма.

* * *

Для майора Асида, военного шпиона, все эти политические обстоятельства не играли никакой роли. Ими, как уже сказано, занимались другие. От него требовалось благополучно завершить полет и обеспечить беспрепятственное продвижение императорской армии.

На рассвете 22 октября самолет «Ситей» снова покатился на старт. На этот раз маршрут был избран иной. Сначала летели в направлении Сингоры — небольшого города на побережье Сиамского залива на южной оконечности Таиланда, откуда па север Малайи вели две железнодорожные линии и хорошая дорога. К восьми часам утра «Ситей» стал кружить в безоблачном небе над Сингорой. Непрерывно щелкал затвор фотокамеры, которой орудовал Асида. Импровизированные взлетно-посадочные полосы для базирующихся вокруг Сингоры самолетов таиландской армии произвели на него плохое впечатление. Воздушный флот Японии вряд ли сможет воспользоваться ими. Такая же картина наблюдалась и южнее, у Латтани. Но оба города имели морские гавани, и здесь было легко высадить большое количество войск. В южном направлении к малайской границе шли асфальтированные дороги, находившиеся в хорошем состоянии.

Асида снова и снова изучал окрестности обоих таиландских городов. Часть № 82 выбрала Сингору и Паттани в качестве предположительных мест высадки. Отсюда должен был начаться поход через границу в Малайю. Мнимый нейтралитет Таиланда, с правительством которого было достигнуто молчаливое соглашение о высадке, даст японским войскам возможность закрепиться на суше, прежде чем англичане, вероятно, втянут их в бой.

Еще южнее, ближе к малайской границе, дороги становились все уже и уже. Их окружала чаща. Специалисты части № 82 приняли в расчет и это и разработали особую тактику. Японские войска должны были продвигаться через непроходимые джунгли не широким фронтом, а первоначально исключительно по дорогам, ибо именно их будет преимущественно защищать противник. Сильные ударные отряды самокатчиков, обладающие большой подвижностью, поведут, таким образом, концентрированное наступление и расчленият вражеские войска на отдельные группки, которые потом легко уничтожить. А после овладения дорогами путь окажется открыт. Наступающие части, поддерживающие непосредственную и мобильную связь с тыловыми службами, можно будет весьма быстро сменять, так что в острие наступления всегда будут находиться свежие силы, а это обеспечит превосходство над противником и гарантирует быстрое, безостановочное продвижение. Препятствия встретятся, очевидно, только при форсировании рек, так как противник наверняка взорвет мосты. Это тоже учтено. Подготовлены специальные команды, которые в кратчайший срок наведут переправы.

Когда этим утром «Ситей» появился над Кота-Бару, что лежит на восточном берегу Малайи, видимость стала отличной. Расходящееся вилкой русло реки Келаитан и оборонительные сооружения вдоль берега были отчетливо видны. Снова защелкала камера Асиды. Над Сингорой и Паттани самолет не был встречен огнем противовоздушной обороны, поскольку ее не имелось. В районе Кота-Бару зенитная артиллерия англичан просто-напросто молчала, в воздух не поднялся ни один истребитель. Англичане явно не желали дать спровоцировать себя из-за одинокого японского самолета, летевшего вдоль побережья. Камера Асиды запечатлела готовые к старту самолеты на аэродроме Кота-Бару. Это были преимущественно торпедоносцы, которые могли представлять серьезную опасность для десантных судов японцев. Следовательно, как только начнется высадка, нужно прежде всего молниеносным ударом разгромить все аэродромы на севере Малайи. И вообще, одновременно с высадкой в районах Сингоры и Паттани необходимо атаковать также и Кота-Бару, чтобы исключить любую серьезную контратаку с этой военной базы.

После нескольких кругов над Кота-Бару самолет перелетел горный хребет Центральной Малайи, за которым местность склонялась к западному берегу. Здесь погода снова ухудшилась. Плотные муссонные тучи изливались на землю сплошными потоками, гроза сотрясала самолет. Тем не менее Асиде удалось отлично разглядеть вновь сооруженные английские аэродромы. Сначала он сфотографировал Алор-Стар, затем Сунген-Патапи и, наконец, взлетно-посадочные полосы Тайпинга. Тактическая концепция части № 82 теперь окончательно стала ясна штабному офицеру Тайбэйской группы: сразу же после высадки наступающая японская армия, невзирая на большие потери, должна начать продвигаться вперед, захватить северные провинции Малайи, овладеть аэродромами Кота-Бару и Алор-Стар и немедленно использовать их для собственной авиации. Если это удастся, в руках Японии окажется вся северная Малайя, а с этого плацдарма на суше беспрепятственно пойдет дальнейшее наступление.

Прежде чем «Ситей» развернулся, Асида бросил последний взгляд на Алор-Стар. Англичане не скупались в затратах на новые аэродромы. Прорезали в джунглях широкие просеки, забетонировали их, по краям построили боксы для самолетов. Теперь в этих боксах стояли маленькие тупорылые истребители. Но и они не поднялись в воздух, чтобы сбить чужой самолет. Очевидно, пилоты не летали в тропический ливень.

Чуть позднее одиннадцати часов «Ситей» снова сел в Сайгоне. Пилот тер глаза: полет был необычайно напряженным. Асида, штабной офицер части № 82, поблагодарил экипаж, пожал каждому руку. Потом взял свои фотоаппараты и удалился. Он увидел и сфотографировал самое важное, а все остальное решит генерал Ямасита, который поведет наступающие армии.

Агрессор изготовился к удару

Приземистый, похожий на быка генерал Томоюки Ямасита воевал в Маньчжурии и других частях Китая. Как кадровый офицер он был близок к тем кругам японского правительства, которые были склонны решать все без исключения проблемы средствами войны. Пятидесятилетний генерал был умен, но ум его был односторонне направлен на разрушение, жестокость и беспощадность. Он умел пользоваться военной силой и при этом трезво рассчитывать. Как и другие фашистские генералы, он жил представлениями об абсолютном господстве Японии над другими народами, мечтал о ее мировой гегемонии, о «новом порядке» под японским главенством. Ямасита умел хорошо командовать войсками, вполне владел военным ремеслом и не терпел ни малейших возражений.

После того как его назначили руководить кампанией по захвату Малайи и Сингапура, Ямасита основательно изучил материал, собранный частью № 82. Его взгляды полностью совпадали с предложениями специалистов из Тайбэя. Прежде всего он посетил части 5-й пехотной дивизии, проводившие учения на острове Хайнань. Тысячи солдат под командой опытных офицеров отрабатывали здесь высадку на побережье, сильно напоминавшем малайское. Ежедневно к песчаному берегу подходили десантные суда, солдаты прыгали в воду и, подхватываемые прибоем, спешили на сушу. Выгружались автомашины и орудия, гремели холостые выстрелы. Ночи солдаты проводили в прибрежных болотах, окруженные роями москитов. Они привыкали к самому скудному пайку, их учили бесшумно передвигаться в джунглях и маскироваться.

Ямасита остался доволен интенсивными приготовлениями. На обратном пути с Хайнаня в Токио он уже в самолете стал набрасывать план наступления. В его распоряжении находилась 25-я армия в составе пяти дивизий. Одну из них Ямасита сразу же вычеркнул из списка. Он справится и четырьмя дивизиями: англичане не так сильны; это подтверждается донесениями агентов.

В начале ноября 1941 года Ямасита представил свой план генеральному штабу. Маршал Тераути, главнокомандующий японской Южной армией⁸, уже принял его.

Ямасита должен был начать боевые действия, располагая следующими силами⁹:

Императорская гвардейская дивизия (дивизия Копоэ) численностью 13 тысяч человек, под командованием генерал-лейтенанта Нисимура; 5-я пехотная дивизия, насчитывающая 16 тысяч человек, под командованием генерал-лейтенанта Мацуи; 18-я пехотная дивизия («Хризантема») в составе 13 тысяч человек, под командованием генерал-лейтенанта Мутагути; 56-я пехотная дивизия, которую Ямасита держал в своем оперативном резерве, но которая в рамках Малайской операции так и не была введена в действие, а после начальных успехов 15-й армии передана последней для Бирманской операции.

Кроме того; 3-я танковая бригада с 80 танками, 44 скорострельные пушки, 24 горных орудия, 2 полка тяжелых полевых орудий с 48 150-миллиметровыми гаубицами и 16 орудиями калибра 100 миллиметров, 68 тяжелых зенитных орудий, 9 саперных рот, 4 роты связи, 8 отделений радиосвязи, 4 инженерно-саперных полка железнодорожных войск, 2 батальона специальных штурмовых войск (обученных применению таких средств ближнего боя, как окопные мортиры, орудия прямой паводки с шрапнельными боеприпасами и противопехотные мины), 3 мотостроительные роты, 3 понтонные роты, 459 самолетов войсковой авиации, 158 самолетов военно-морской авиации, 1 крейсер, 10 миноносцев, 5 подводных лодок.

⁸ Соответствует группе армии.

⁹ В литературе по этому вопросу встречаются также и несколько иные данные.

Общая численность предназначенной для наступления на Малайю японской 25-й армии достигала, таким образом, 60 тысяч человек¹⁰; она имела около 400 орудий всех видов и калибров, 120 танков и бронетранспортеров.

Вес эти силы были введены в действие согласно плану Ямаситы, одобренному штабами сухопутных войск, военно-морского флота и авиации. Операция должна была развертываться по следующей схеме.

Восьмого декабря, через полчаса после полуночи, главные силы под прикрытием авиации и военно-морского флота высаживаются в районе Сингоры и Паттани и немедленно атакуют в направлении реки Перак с целью обеспечения переправы через нее. Наступление непрерывно поддерживается дальнейшими высаживающимися частями и продолжается после форсирования реки Перак в общем направлении Джохор-Бару и Джохорского пролива. После соответствующих приготовлений пролив форсируется и войска высаживаются на острове Сингапур.

Войска, высаживающиеся на восточном берегу Малайи, у Кота-Бару, пробиваются вдоль побережья на юг.

Согласно этому общему замыслу отдельные части и соединения имели следующие задачи.

Части 5-й дивизии сосредотачиваются на острове Хайнань и 4 декабря выходят на транспортных судах в море. 8 декабря, в ноль тридцать, они высаживаются в районе Сингоры и Паттани, захватывают аэродромы и немедленно пробиваются в направлении малайской границы. Их продвижение поддерживают заранее просочившиеся специальные группы солдат в форме тайландской армии. Они овладевают английскими позициями в районе Алор-Стара и Бентонга, атакуют англичан на реке Перак и предпринимают попытку захватить мост через нее.

Восемнадцатая дивизия также концентрируется на Хайнане и 4 декабря грузится на десантные суда. В полночь 8 декабря она высаживается у Кота-Бару, атакует английские береговые укрепления, захватывает аэродром и затем через султанат Тренгану продвигается на юг к Куантану. В Джохоре 18-я дивизия соединяется с остальными войсками для наступления на Сингапур. Императорская гвардейская дивизия сосредотачивается в тылу 5-й дивизии и поддерживает ее боевые действия; оба соединения наступают, сменяя друг друга.

Третий военно-воздушный флот, базирующийся в южной части Индокитая, с 4 декабря прикрывает переброску войск через Сиамский залив. 8 декабря он атакует аэродромы английского военно-воздушного флота в северной Малайе, охотится за английскими самолетами, пытающимися сорвать переброску японских войск, и выделяет часть своей авиации для поддержки наземных боев.

Оставшаяся часть 25-й армии сосредотачивается в бухте Камран (Индокитай), на Тайване и в районе Кантона, с тем чтобы по истечении трех-восьми дней после начала боевых действий ее можно было бы погрузить на суда и ввести в действие как резерв.

Во время действий на реке Перак и в западной части Малайи у западного побережья полуострова оперирует специальная часть, оснащенная каботажными судами, имея целью мешать передвижениям англичан на море и захватить как можно больше небольших судов, требующихся японцам для форсирования водной преграды перед Сингапуром.

После завершения операции вся 25-я армия концентрируется во внутренней части Малайи в районе Джохора для решающей атаки на Сингапур. За пятнадцать дней до начала наступления штаб 25-й армии перемещается из Сайгона на Хайнань и располагается на борту транспортного корабля «Рюи-мару». Штаб высаживается вместе с первыми частями 5-й дивизии в районе Сингоры и следует в направлении Тайпинг и Куала-Лумпур.

Предстояла еще большая подготовительная работа. Ямасита долго совещался со

10 Без приданных сил.

специалистами, дипломатами и сотрудниками военного шпионского аппарата. Высадку войск в Таиланде следовало обеспечить при помощи передовых отрядов, которые тайно действовали бы там и оградил высаживающиеся японские части от всяких неожиданностей. Генералу был доложен ряд авантюристических планов, он выбрал из них наиболее реальный.

С премьер-министром Таиланда Пибулом Сонграмом, пришедшим к власти в 1938 году в результате государственного переворота, в Бангкоке велись тайные переговоры о размещении японских войск на таиландской территории. Пибул действовал очень осторожно. Он не хотел, чтобы, узнав о переговорах, англичане перехватили инициативу и обеспечили северную границу Малайи, введя войска в Таиланд. Он делал ставку на японцев, не в последнюю очередь потому, что надеялся возратить перешедшие к англичанам в 1909 году северные провинции Малайи. Но, выдавая Таиланд японцам, он должен был считаться со значительным сопротивлением внутри своей страны. Особенно опасался он возросших демократических сил и основанной в 1928 году Коммунистической партии Таиланда, влияние которой все усиливалось.

Следовало, действуя тактически умно и в тайне от собственного народа, создать для внешнего мира впечатление, будто Таиланд оккупирован Японией и оказался вынужденным пойти на известные уступки. Но в действительности правительство Пибула всячески шло навстречу японцам. Оно предоставило им трамплин для удара по Северной Малайе и открыло путь в Бирму.

Чтобы использовать секретное соглашение с Пибулом, японцам приходилось действовать хитро. Прежде всего надо было, не привлекая внимания, разместить японские войска в южной части Таиланда. Японским солдатам было выдано несколько тысяч комплектов таиландской военной формы. Немного позднее эти части тайно высадились на юго-западном побережье Таиланда и устремились вглубь, чтобы обеспечить дороги, ведущие из Сингоры и Паттани к малайской границе. За несколько недель до начала нападения эти части были уже на месте. Из Сайгона на запад выступили части дивизии Коноэ и заняли исходные позиции вблизи таиландской границы. Они имели приказ в ночь на 8 декабря перейти границу и как можно быстрее продвигаться к Бангкоку, а затем предложить Пибулу соглашение, обеспечивающее японским войскам полную свободу действий в Таиланде.

Маневр этот удался. Части дивизии Коноэ, отборных императорских войск, вступили в Таиланд и 9 декабря, около полудня, подошли к Бангкоку. Здесь они остановились, и некий майор Такеноути отправился на легковой автомашине в Бангкок с соглашением в кармане.

Однако ему удалось добраться только до аэродрома Дон Муанг. Поблизости от него таиландские патриоты — солдаты и население — блокировали дорогу. Майор приказал сопровождавшим его солдатам открыть огонь. Тогда возмущенная толпа, догадывавшаяся о темной сделке между Пибулом и японцами, убила майора и его охрану. Разогнать толпу удалось только подошедшим войскам.

Одиннадцатого декабря, три дня спустя после начала наступления, премьер-министр Пибул и японский посол в Таиланде Цубогами подписали давно подготовленное соглашение. В нем говорилось: «Для правительства императорской Японии и королевства Таиланд установление нового порядка в Восточной Азии является единственным путем к ее процветанию». Статья 2 соглашения гласила: «Если одна из договаривающихся сторон будет вовлечена в военные действия какой-либо третьей стороной, то Япония и Таиланд как союзники окажут друг другу помощь любыми политическими, военными и экономическими мерами».

* * *

Ранним утром 4 декабря 1941 года на небе еще виднелась бледная луна, когда японский флот вторжения отошел от Хайнаня. Солнце начинало всходить. На мачтах транспортных

судов колыхались военные флаги.

Генерал Ямасита находился со своим штабом на борту «Рюи-мару», на который погрузили также радиоаппаратуру, десантные лодки и всевозможное снаряжение. Совсем рядом плыл «Касии-мару», за ним — остальные суда.

Шестого декабря, за два часа до полуночи, караван миновал мыс Камо и лег на северо-западный курс. Это должно было создать впечатление, будто он движется к Бангкоку. Над транспортом непрерывно кружили самолеты. Японская авиация подняла в воздух для охраны конвоя все самолеты с аэродромов южного Индокитая. В полдень 7 декабря Ямасита получил донесение: сбит английский разведывательный самолет, приблизившийся к каравану.

В двенадцать часов генерал приказал прекратить обманное движение на северо-запад. Следовать к Сингоре и Паттани! Корабли, которые должны были доставить войска в Кота-Бару, тоже двинулись туда прямым курсом. Погода ухудшилась. Низко нависшие облака и туман окутали караван.

В вечерних сумерках с самой южной японской авиационной базы поднялись истребители, чтобы как можно дольше прикрывать подход транспортов к берегу. Несколько самолетов на обратном пути не смогли в темноте найти свою базу и упали в воду. Нападающий понес первые потери в еще не начавшемся бою.

Генерал Ямасита стоял, пригнувшись, на борту «Рюи-Мару» и пристально вглядывался в ночную тьму. Там, впереди, лежал берег. А на корабле офицеры пели старую песню:

«Солдаты наши, храбрее нет на свете, покинули родившую их землю, чтобы вернуться только лишь с победой или не вернуться больше никогда...»

Броненосцы идут в Сингапур

Тяжелый крейсер «Рипалс», стоявший на якоре в Скапа-Флоу, находился там уже несколько месяцев. Он участвовал в охоте за немецким линкором «Бисмарк», но затем, ввиду нехватки топлива, вынужден был направиться к Ньюфаундленду, а оттуда в Скапа-Флоу, базу флота отечественных вод. В течение всего лета команда несла легкую службу. «Рипалс» был отремонтирован в доке и теперь выглядел вполне хорошо. Несколько дней назад впервые заговорили о выходе в море. И вот теперь на рассвете «Рипалс» должен был отправиться в путь. Следовало ожидать, что «Рипалс» снова будет использован для боевых действий. Конца войны не было видно.

Этому приказу предшествовали долгие препирательства, нечто вроде «перетягивания каната», между министром обороны и первым лордом Адмиралтейства, а также рядом других инстанций.

В апреле 1941 года правительство устами начальников штабов в последний раз пообещало крепости Сингапур, что в случае нападения английская эскадра прибудет туда не позднее чем через восемь-десять дней после начала военных действий на дальневосточном театре войны. Военные приготовления Японии становились все более явными, и поэтому было решено уже в августе отправить в Сингапур соединение военных кораблей. Чтобы удержать японцев от морских операций против крепости, министр обороны предложил первому лорду Адмиралтейства направить в воды Сингапура небольшой, но быстроходный отряд военных кораблей. Министр обороны считал нужным послать туда «Рипалс», еще один старый линейный крейсер или столь же устарелый «Ринаун», а также новый линкор «Герцог Йоркский», строительство которого было еще не вполне закончено. К ним должен был присоединиться один старый авианосец.

Первый лорд Адмиралтейства таким составом не удовлетворился. Он предложил послать линейные корабли «Нельсон» и «Родней», а также «Ринаун», четыре линкора класса

«Р» и три авианосца. Авианосцы и линкоры он предусматривал базировать в Тринкомали на Цейлоне, а в случае необходимости перевести оттуда в Сингапур.

Что же касается четырех линкоров класса «Р» — «Ревендж», «Ройял соверен», «Резолюшн» и «Рамиллис», то сии должны были использоваться для конвоев в Индийском океане, но также могли быть быстрейшим образом переброшены в Сингапур.

Министр обороны счел это предложение фантастическим. Он считал линкоры класса «Р» безнадежно устаревшими и для подобных задач непригодными. Ему удалось одержать верх над Адмиралтейством, и он приказал послать в Сингапур линкор «Принц Уэльский», линейный крейсер «Рипалс» и авианосец «Индомитейбл».

Первым вышел «Рипалс». Его командир, капитан 1-го ранга Тепнант, начал службу в Адмиралтействе в первые месяцы войны. Когда пришлось эвакуировать английский экспедиционный корпус из Дюнкерка, Тепнант возглавил эту трудную операцию. Он был в буквальном смысле слова последним англичанином, покинувшим здесь французский берег. После возвращения в Англию его назначили командиром «Рипалса».

Итак, отремонтированный в доке корабль плыл к мысу Доброй Надежды. Он сопровождал караван, и плавание проходило без помех. Да и около мыса Доброй Надежды не произошло ничего, что могло бы напомнить матросам «Рипалса» о войне. Корабль заходил в различные южноафриканские порты и крейсировал в прибрежных водах. Команду отпускали на берег, и так, почти идиллически, шла неделя за неделей. Впереди лежал Индийский океан. Там «Рипалс» должен был соединиться с «Принцем Уэльским».

Линкор «Принц Уэльский» шел из Англии. Его командир, капитан 1-го ранга Лич, по праву гордился своим кораблем. «Принц Уэльский» находился в боевом строю всего несколько месяцев. Его первой операцией была охота за «Бисмарком». Во время боя корабль получил несколько пробоин, кроме того, были обнаружены недостатки в поворотных платформах орудийных башен. Поэтому после операции «Принц Уэльский» вернулся в Англию, подвергся ремонту на верфи и дальнейшей модернизации. Его ближайшей целью был Скапа-Флоу, где предполагалось провести военные учения, но затем приказ изменили, и корабль отплыл в Гибралтар, чтобы сопровождать важный караван судов. По возвращении в Англию капитан Лич получил приказ: 21 октября 1941 года «Принц Уэльский» должен отбыть на Дальний Восток в качестве флагманского корабля соединения, находящегося под командованием адмирала Филиппса.

Филиппс принадлежал к чипам Адмиралтейства. Кроме «Рипалса» под его началом находилось еще несколько устаревших крейсеров китайской эскадры. К ним и должен был присоединиться «Принц Уэльский», сопровождаемый двумя миноносцами — «Экспресс» и «Электра».

По настоянию Филиппса командующему английским флотом в Средиземном море было приказано отдать Дальневосточной эскадре еще два миноносца. Филиппс получил «Вэмпайр» и «Тенедос». До передачи авианосца «Индомитэйбл» дело не дошло. Авианосец этот был сравнительно новым кораблем. Поэтому его отправили к вест-индским островам, где команда, не подвергаясь угрозе со стороны вражеских подводных лодок, могла совершенствовать боевую выучку. Но летом авианосец сел в вест-индских водах на мель, его пришлось отвести на ремонт в сухой док, и он на неопределенное время вышел из строя. Адмиралу Филиппсу было известно, что в Индийском океане находился авианосец меньшего размера «Гермес». Он попытался добиться включения «Гермеса» в свое соединение, но получил от Адмиралтейства отрицательный ответ.

В результате небольшое соединение оказалось плохо защищенным от нападения с воздуха. Однако офицеры из окружения Филиппса не воспринимали эту опасность трагически. Ведь «Принц Уэльский» как-никак имел самые современные американские зенитные орудия с радарной наводкой — так называемые «Чикаго-пианос». До сих пор корабль блестяще справлялся со всеми боевыми заданиями, в том числе и с такой

немаловажной миссией, как плавание с премьер-министром Уинстоном Черчиллем на борту через Атлантический океан для встречи с президентом Рузвельтом. «Принц Уэльский» в шутку даже называли яхтой Черчилля.

Однако адмирал Филипс был озабочен. Ему придется действовать в условиях, когда каждый раз надо будет требовать воздушной поддержки с суши, а это сокращает радиус действия эскадры. После ряда срочных радиограмм Адмиралтейству Филипсу удалось дополнительно получить несколько современных зенитных орудий «Борфорс», что должно было уравновесить силы. «Принц Уэльский» принял их на борт в последнюю неделю ноября в Коломбо. В Тринкомали, на восточном берегу Цейлона, его уже ждал «Рипалс».

Опережая свой отряд, адмирал Филипс вылетел из Коломбо в Сингапур. Командование он передал капитану Теннанту, который 2 декабря прибыл в Сингапур с обоими линкорами и четырьмя миноносцами. На пирсе этой военно-морской базы его встречал и генерал Персиваль. Настроение в Сингапуре поднялось. Теперь здесь почувствовали себя несколько увереннее, хотя никто еще не знал, как будут использованы корабли. Было известно лишь высказывание премьер-министра Черчилля, звучавшее довольно нереалистически и свидетельствовавшее о том, насколько недооценивалась Япония, ее военная тактика и техника:

«Мы посылаем в эти воды суда для того, чтобы от них исходила та неопределенная угроза, которую создают для любых планов вражеского военно-морского флота крупные боевые корабли, обладающие мощнейшим вооружением...»

Однако два пассивных линкора отнюдь не представляли собой достаточной угрозы для противника, владевшего таким сильным флотом, как Япония. А поскольку эти линкоры вдобавок не имели соответствующей защиты с воздуха, они легко могли стать добычей вражеской авиации. Персиваль знал это. Знал это и адмирал Филипс. Обоим было ясно, что шансы на успех лишь в стремительной, ошеломляющей атаке. Средствами, находящимися в их распоряжении, они должны не просто угрожать противнику, а решительно атаковать его и разгромить.

Персиваль просил представителей всех информационных агентств, аккредитованных в Сингапуре, как можно шире осветить в печати прибытие кораблей. Он надеялся на психологическое воздействие этого фактора. «Неопределенная угроза», о которой говорил Черчилль, должна была стать достоянием гласности. О ней в тот же вечер узнали в Токио, в Сайгоне и на «Хокай» — флагманском корабле эскадры генерала Ямаситы. А тем временем японский парикмахер в Сингапуре спокойно пересчитывал стволы «Чикаго-пианос» и зениток «Борфорс» на борту «Принца Уэльского». Потом он в привычное время вернулся в свое заведение и по японской радиации послал донесение в Сайгон. Получив эту радиограмму, Ямасита передал ее офицеру-артиллеристу. Тот взял карандаш и стал подсчитывать.

Наконец он сказал;

— Если «Принц Уэльский» откроет одновременно огонь из всех стволов зенитных орудий, наши самолеты встретит шквал огня.

Ямасита ненадолго задумался. Потом подозвал одного из адъютантов:

— Позаботьтесь, чтобы это донесение было немедленно передано морской авиации. Пусть представит свои тактические соображения.

В Сингапуре матросы «Рипалса», «Принца Уэльского» и четырех миноносцев сошли на землю. Но увольнение было ограничено всего несколькими часами. Вернувшись на «Рипалс», матросы увидели на доске у трапа приказ капитана Теннанта: «Матросы, мы выходим в море, чтобы искать встречи с противником! И мы найдем то, что ищем!»

Ямасита сходит на берег

То было около полудня 6 декабря 1941 года. Северо-восточный муссон гнал плотные, дымно-серые тучи. Ливень барабанил по земле, превращая долины в предательские болота, срывался водопадами с горных склонов и накатывал волны на берег. В это самое время с аэродрома Кота-Бару в разведывательный полет над морем у берегов Восточной Малайи поднялся самолет «Гудзон». Он входил в состав 1-й авиационной эскадры австралийских военно-воздушных сил — тех частей, которые были направлены сюда под командованием генерала Гордона Беннетта с целью усиления обороны Малайи.

Лейтенант Рэм шоу, пилот «Гудзона», с трудом поднял тяжелую машину со взлетной полосы. Муссон принес с собою капризные ветры в приземных слоях атмосферы, что предъявляло к командиру самолета особые требования. Но Рэмшоу не первый раз летал в муссон. Да и вообще, к службе в Малайе он относился весьма серьезно.

По всему было видно, что японцы вознамерились установить власть над всей Юго-восточной Азией, а это — серьезная угроза и для Австралии. Поэтому удар надо по возможности перехватить, прежде чем он дойдет до родной страны.

Солдаты 8-й австралийской дивизии хорошо сознавали это. Многие, что они видели в этой стране, было им непонятно, но в конце концов это земля чужая, и до нее им дела мало. Они почти не обращали внимания на то, сколь нелеп кодекс отношений английских колониальных служащих и членов их семей с населением, как строго здесь следят за тем, чтобы между англичанами и местными жителями не происходило никакого сближения. По мнению англичан, любое послабление и изменение однажды установленных взаимоотношений подорвало бы позицию белого человека в Малайе. Некоторые австралийцы порой говорили, что англичанам следовало бы дать оружие всем боеспособным малайцам — тогда здесь не было бы нужды в австралийских войсках, ибо местное население само защитило бы себя от японцев. Но подобные взгляды нельзя было высказывать вслух.

Англия была полна решимости при всех условиях сохранить в Малайе прежний колониальный режим, даже если бы это и повело к временным потерям. Ведь в конечном счете здесь при минимальных издержках получали половину всей мировой добычи олова и треть каучука. Любое ослабление социального корсета, туго стягивавшего грудь малайцев, усилило бы требование независимости и тем поставило бы под угрозу существующие здесь отношения собственности.

Уже много месяцев Коммунистическая партия Малайи стремилась начать переговоры с английскими колониальными властями об обеспечении военной безопасности Малайи от вероятного нападения японцев. Широкие слои населения были готовы внести свой вклад в оборону страны. Но англичане отклоняли все предложения. Мысль о вооружении и военном обучении местного населения внушала им больший страх, нежели японская опасность. Между тем в течение одного года, несомненно, можно было обучить в интересах обороны страны сотни тысяч молодых малайцев, китайцев и индийцев. Такое войско было бы в состоянии оказать японцам серьезное сопротивление, тем более что боевые действия развернулись бы на его собственной территории, которую местные жители знали лучше, чем японцы. Но Англия не желала подобной организации народного сопротивления. Для Лондона Малайя была и должна была оставаться колонией. Поэтому население не допускали к военной службе. Англичане всячески внушали малайцам, что Малайя прежде всего не их родная страна, а владение Англии.

Рэмшоу, преодолевая мрачные облака муссона, направил свой самолет далеко от берега, а затем опустился так низко, что летел вплотную под облаками. После часового полета он вдруг заметил на воде несколько кораблей. Осторожно приблизился к ним. То были три минных заградителя и одно небольшое судно сопровождения.

— Это могут быть только японцы, — сказал летчик своему наблюдателю, — В этом районе наших кораблей нет.

В Кота-Бару немедленно пошло донесение. Через полчаса Рэмшоу увидел большой

отряд кораблей. Он состоял из линкора, трех крейсеров, семи миноносцев и примерно двадцати пяти транспортов с войсками.

Рэмшоу радировал о местонахождении отряда, а потом повернул назад. Тем временем с аэродрома Кота-Бару поднялся второй «Гудзон», который должен был продолжить наблюдение за отрядом, обнаруженным Рэмшоу. Но на пути к указанному пункту самолет заметил еще одно соединение кораблей, а именно: два крейсера, десять миноносцев и примерно двадцать транспортов. Погода немного улучшилась, и с палубы одного из крейсеров взлетел самолет и атаковал «Гудзон». Тот с большим трудом ушел от огня его пулеметов.

Тем временем в Кота-Бару изучали донесения. Обнаруженный Рэмшоу отряд шел курсом на северо-запад в Сиамский залив, словно направлялся в Бангкок. Второй плыл на запад. Донесение было немедленно направлено через Сингапур на Яву и поступило в расположившееся там английское Главное командование вооруженных сил на Дальнем Востоке, возглавляемое маршалом Робертом Брук-Пофэмом. Последнему и надлежало принять решение. Он приказал объявить «боевую готовность первой степени». Еще было не поздно атаковать в море транспорты с войсками бомбардировщиками, стоявшими в готовности к взлету на аэродромах Северной Малайи. Но Брук-Пофэм не отдал приказа па сей счет. По его мнению, эта акция японцев относилась к Таиланду, и он продолжал держаться за директиву Лондона: не делать ничего, что могло бы спровоцировать японцев. Никто из ближайшего окружения Брук-Пофэма не дал себе труда задуматься над тем, зачем японцы доставляют па побережье Таиланда войска па транспортных судах, если от их военных баз в Индокитае до Бангкока всего несколько часов езды на автомобиле. Даже генерал Персиваль, находившийся в Сингапуре, отреагировал на донесения весьма спокойно и присоединился к точке зрения Брук-Пофэма. Оба британских генерала допускали грубейшую ошибку, недооценивая агрессивность японского империализма, и в этом они мало чем отличались от своих начальников в Лондоне.

Только утром 7 декабря с аэродрома Кота-Бару поднялись новые разведывательные самолеты, чтобы вести наблюдение за японскими военными транспортами.

Около полудня были посланы летающие лодки «Каталина». Но погода вновь ухудшилась, и ни одному из самолетов не удалось увидеть японские корабли. Одна летающая лодка не вернулась. Только к вечеру пришло донесение, что одной из летающих лодок обнаружены японский крейсер, четыре миноносца и несколько транспортных судов, идущих курсом на юг. Но из Сингапура не поступило приказа об атаке японских судов с воздуха. Хотя можно было с уверенностью сказать, что японская агрессия будет направлена не против Таиланда, Главное командование на Дальнем Востоке медлило с принятием решения. Время, когда еще можно было наличными силами упредить противника, осталось неиспользованным. Так был утеряй еще один важный шанс, который мог оказать влияние на исход неминуемого столкновения.

Спустя час после полуночи из Северной Малайи неожиданно стали поступать радиограммы: японские военные корабли обстреливают береговые укрепления у Кота-Бару. Японские бомбардировщики бомбят аэродромы в северных провинциях. Тысячи десантных судов высаживают японских солдат на берег.

В четыре часа ночи в Сингапуре впервые завывли сирены противовоздушной обороны. Еще через полчаса город охватило лихорадочное возбуждение. Поступило донесение о приближении японских самолетов. И тем не менее в Сингапуре продолжали гореть все уличные фонари. Полиция, военные команды и служащие городской электростанции в отчаянии разыскивали по всему городу чиновника, у которого находился ключ от главного распределительного щита электростанции. Найти его не удалось, и фонари так и продолжали светить.

В половине пятого в ночном небе появились первые японские самолеты. Девять

бомбардировщиков прошли сомкнутым строем над городом, не сбросив ни одной бомбы. Летели они на высоте примерно трех тысяч метров. Прожектора старались схватить их, по ним били все зенитки. А тем временем на высоте всего тысячи метров шла вторая эскадрилья японских самолетов: они бомбили порт, аэродромы и центр города.

Совершив круг, ко второй эскадрилье присоединилась и первая, она тоже сбросила свой бомбовый груз. С английских же аэродромов не поднялся ни единый самолет. Взлет истребителям был запрещен, чтобы они не попали под огонь собственных зениток. Повсюду в Сингапуре уже вспыхивали пожары, а сирены еще только возвещали о приближении вражеских самолетов. Безоружное местное население, на спине которого вели дуэль между собой две империалистические державы, понесло большие потери. Начало боевых действий характеризовалось безжалостными методами агрессора, но вместе с тем и безответственным промедлением английского командования.

* * *

Генерал Ямасита наблюдал за побережьем у Сингоры в свой бинокль ночного видения. Окопы, которые тайландская армия выкопала на берегу, не были заняты войсками. Ямасита довольно улыбнулся. Сингорский маяк продолжал светить. А дальше по побережью можно было различить огни города.

Транспортные суда медленно подходили все ближе к берегу. С борта «Рюи-мару» подали сигнал спускать лодки. Все происходило как многократно отработанный маневр. Только вот прибор у берега был определен специалистами части № 82 неправильно. Волны вздымались довольно высоко и заставили некоторые десантные суда из тех, что помельче, поначалу повернуть назад.

Повсюду, высоко подняв оружие над головой, к берегу двигались японские солдаты. Было два часа ночи. Бледная луна освещала высадку. Шум прибоя полностью поглощал рокот моторов десантных судов. Зловещая картина: бесчисленные японские солдаты, словно муравьи, барахтаются в воде, неустанно борясь с набегающими волнами, выбираются на сушу, формируются в группы и длинными шеренгами продвигаются по берегу, исчезая во тьме.

Высадка прошла совершенно незамеченной. Свидетелем ее был один-единственный велорикша, стоявший в нескольких сотнях метров от берега. Но происходившее нисколько его не удивило: покуривая сигарету, он сидел в седле своего трехколесного экипажа, пока к нему не подошли два японских офицера. Теперь он спокойно глядел на них, ожидая условного пароля.

— Это я, господин капитан, — произнес в ответ странный велорикша. — Садитесь.

Под видом тайландцев японская секретная служба уже давно насадила здесь своих агентов. Велорикша подождал, пока офицеры уселись в его коляску, а потом нажал на педали. Через четверть часа он уже кратчайшим путем ехал по ночному спящему городу к японскому консульству. Капитан держал на коленях довольно большой узел. В нем было сто тысяч тайландских тикалей, предназначенных для начальника жандармерии Сиигоры. Второй пассажир — лейтенант, знавший тайландский язык, — позвонил в дверь консульства. На пороге появился японский консул Кацуно. Увидев лейтенанта, он радостно воскликнул:

— А, армия уже здесь!

Из гаража консульства, тихо урча мотором, выехала автомашина. Офицеры и консул сели в нее. Велорикша исчез в здании консульства. Автомобиль покатило по городу, к жандармерии.

Япония подготавливала вторжение разными способами. Помимо соглашения с правительством японцы договорились и с местными властями, чтобы предотвратить возможные самоуправные действия против высадившихся войск. Коррупция была в Таиланде

делом вполне обычным, и начальник жандармерии в Сингоре согласился за эту мзду не давать своим солдатам приказа открыть огонь.

Однако все сложилось иначе. Предвкушая получение круглой суммы, начальник сингорской жандармерии накануне устроил большую попойку и, хватив лишнего, выболтал свою тайну. Среди присутствовавших находилось несколько антияпонски настроенных жандармов, которые отказались стать предателями. Они посадили за решетку допившегося до бесчувственного состояния начальника и приняли команду на себя. Лишь только автомобиль консула Кацуно приблизился к зданию жандармерии, раздался первый выстрел. Он разбил прожекторную фару автомашины. Загремели залпы. Кацуно и оба офицера бросились наутек, шофер скрылся в соседнем переулке. Одновременно тайландский гарнизон на окраине города дал первый оружейный выстрел по высаживавшимся японцам. Здесь тоже нашлось несколько офицеров-патриотов, готовых обороняться.

Ямасита действовал быстро. Он приказал батальону 5-й дивизии немедленно сломить сопротивление. Целый час па улицах Сингоры трещал пулеметный огонь. Наконец бой был окончен, раздавались лишь одиночные выстрелы, но они уже не могли помешать японцам. Авангардные части 5-й дивизии продвигались к малайской границе.

Всего в сотне километров южнее Сингоры, у маленького городка Паттани, тоже расположенного на побережье, в это время происходили аналогичные события. Первым высадился 4-й пехотный полк 5-й дивизии. Не встретив значительного сопротивления, он захватил дорогу, ведущую от Паттани к малайской границе, к верховьям реки Перак. Первоначальное сопротивление отдельных тайландских солдат и подразделений, не желавших без борьбы отдать свою страну японцам, здесь тоже удалось быстро сломить. Давно просочившиеся в Таиланд японские команды проделали большую предварительную работу. И все-таки продвижение японцев шло не так быстро, как они ожидали. Ливень размыл дорогу, и путь через горы стал гораздо труднее, чем предполагалось. На рассвете английские бомбардировщики из Кота-Бару бомбили японский транспорт у Паттани, но это уже не могло ничего изменить. Японские войска и техника уже двигались к Малайе.

* * *

На рассвете к Сингоре стали подлетать первые японские самолеты. Их уже ожидали тайландские аэродромы, которым, однако, лившие целыми днями муссонные дожди нанесли немалый ущерб. На взлетно-посадочных полосах (все они, без исключения, были небетонированные) стояли огромные лужи, и первые приземлившиеся самолеты подняли целые фонтаны воды. Из них выгружали цистерны с горючим и бомбы, патроны для пулеметов и запасные части. Пока около полос вырастали горы снаряжения, летчики получали дальнейшие приказы. С максимальной быстротой самолеты были заправлены, снаряжены и снова подняты в воздух. Они брали курс к малайской границе. Машина вторжения работала на полных оборотах.

Перед восходом солнца генерал Ямасита сообщил в Токио, что операция по высадке войск в Сингоре и Паттани увенчалась полным успехом. Потом он уселся в вездеход и отправился вслед своим войскам, уже проделавшим первые километры наступления.

Таи атари

Незадолго до полуночи 7 декабря 1941 года на борту транспортного судна «Авагисан мару», бросившего якорь почти у самого малайского берега напротив Кота-Бару, происходила примечательная церемония.

Человек пятьдесят японских солдат, в полном боевом снаряжении, построились на

палубе. В руках они держали по чаше вина. Командир 56-го пехотного полка, к которому принадлежали эти солдаты, произнес краткую речь. Он говорил о славной истории японской армии, о ее победах, об огромной задаче, которая перед ней стоит. Он говорил о величии островной империи, которая в будущем станет определять путь всего человечества, об оставшихся дома родителях и женах, гордящихся своими сыновьями и мужьями и ждущих от них подвигов во имя императора и империи. Он не забыл сказать и о том, что каждого из стоящих в строю после его героической смерти повысят на один чин, а имя его внесут навечно в почетный список полка. Сцена производила зловещее впечатление.

Конечно, любому солдату, спускавшемуся в лодку, грозила гибель, ибо обороняющиеся дали ясно понять, что не намерены сдать побережье без боя. Но здесь о скорой гибели молодых парней говорилось как о чем-то само собой разумеющемся. Солдат сознательно готовили принести себя в жертву, дать своего рода присягу добровольно принять смерть. Это уходило корнями в идейную концепцию японской армии, которую воспитывали в духе абсолютного повиновения, беспрекословного самопожертвования, самоубийства ради интересов японской военщины. Солдат этой империалистической армии приучили заранее считать себя смертниками, вдолбили им, что смерть — венец их жизни, а потому надо намеренно искать ее в бою.

«Таи атари» — добровольное принесение себя в жертву — вот что требовалось от них. Не спрашивать о смысле борьбы, о справедливости дела, за которое отдаешь жизнь, лишь выслушать приказ и выполнить его, даже если велено заведомо пойти на смерть. Целые поколения японской молодежи были воспитаны шовинистическими юношескими организациями, а потом в том же духе — армией. Послушный, беспрекословно подчиняющийся человеческий материал, обреченный на безропотное уничтожение, — вот чем измерялась ценность отдельного солдата.

Пятидесяти солдатам, построившимся на палубе «Авагисан мару», предназначалось сыграть решающую роль в захвате английских позиций в районе Кота-Бару. На лбу у них были белые повязки — «хасимаки», украшенные иероглифами. За много веков милитаристские идеологи Японии окружили легендами этот невинный предмет бытового обихода. Крестьяне на полях или рабочие в портах испокон веков надевали белую повязку, чтобы длинные волосы не падали им на лоб, а пот не тек в глаза. Самураи — представители феодальной военной касты древней Японии — превратили хасимаки в символ отваги и мужественного поведения воина. Современная императорская армия придала этой повязке крайне антигуманистический смысл. Тот, кто сейчас с хасимаки на лбу шел в бой, демонстрировал свое полное нежелание уцелеть и принять участие в торжестве победы. Он жаждал гибели, ибо ему внушили, что смерть принесет больше славы, чем жизнь даже после выигранной битвы.

Командир поднял чашу с вином. Солдаты тоже поднесли чаши к губам и залпом опорожнили их.

— А теперь идите и умрите в бою! — воскликнул командир и, приложив руку к шлему, удалился.

Кота-Бару, столица султаната Келантан, самый северный город на восточной границе Малайи, был важной военной базой английской армии. Здесь находился и главный военный аэродром этой части страны. Город лежал километрах в двух от побережья, за дельтой реки Келантан, которая была превращена в укрепленный район. На поросших мхом островах, в лабиринте речных рукавов и мангровых лесов пролегали, один позади другого, три пояса укреплений, занятых солдатами 8-й бригады 9-й дивизии Британской Индии. Бетонных дотов почти не было — преобладали окопы и пулеметные дзоты из твердого дерева с двумя или тремя амбразурами. За третьей линией обороны, перед аэродромом, располагались орудийные позиции. Они прежде всего открыли огонь по десантным судам. У берега море сильно бурлило. Маленькие десантные суда японцев бросало из стороны в сторону, как

детские игрушки, многие из них повернули вспять, но японские солдаты, одетые в спасательные жилеты, продолжали плыть к берегу. Тем временем артиллерия конвоировавших крейсеров начала обстрел английских позиций на суше.

С аэродрома Кота-Бару поднялись два звена «Гудзонов». Через несколько секунд они уже были над японскими транспортными судами. За немногие минуты пилоты сделали свое дело. Несмотря на сильный заградительный огонь, они с небольшой высоты весьма точно сбросили бомбы. И вот уже «Аятосан мару» и «Авагисан мару» объаты пламенем, получив по меньшей мере по полдюжину прямых попаданий. Но это не могло сдержать устремившихся к берегу десантников. Пока па море догорали пустые транспорты, японские пехотинцы преодолели проволочные заграждения и минные поля на берегу. Впереди бежали солдаты с белеющими на лбу хасимаки. Они своими телами пролагали проходы в минных полях. То тут, то там вздымался огненный гриб взрыва, разрывая в клочья самоубийцу, но другой тут же занимал его место и бежал дальше, прокладывая путь войскам.

Индийские солдаты, лежавшие в окопах за минным полем, не были подготовлены к такой молниеносной атаке. Они рассчитывали на то, что японские солдаты сначала залягут перед проволочными и минными заграждениями и там их можно будет накрыть минометным огнем. Когда же длинные цепи японцев, не задерживаясь у препятствий, бросились на штурм позиций, индийские солдаты поднялись из окопов и вступили в штыковой бой. Чтобы не ударить по своим, расположенные позади минометы не открывали огонь.

Поражение было явным. Атакующие, в мокрых насквозь мундирах цвета хаки, неудержимо продвигались к дзотам и пулеметным точкам. И повсюду у амбразур, из которых вели лающий огонь пулеметы, появлялись белые хасимаки. Они бросались па амбразуры и закрывали их своим телом, а другие солдаты взрывали дзот гранатами. Большинство погибало, по остальные двигались вперед.

Атакующие японцы, захватив первую линию укреплений, не оглядываясь, бросились снова в воду — теперь уже в волны реки Келантан, чтобы вплавь достигнуть второго пояса укреплений. Спасательные жилеты помогали им плыть. И вот множество их неожиданно появилось у второй линии обороны. Снова ожесточенная схватка не на жизнь, а на смерть. Вторая линия на несколько часов задержала японцев. Кроме того, на малых островах реки Келантан у англичан было много пулеметных гнезд, которые на рассвете открыли точный прицельный огонь и ударили по японцам с флангов.

«Гудзоны» с аэродрома Кота-Бару, находившегося под артиллерийским огнем японских крейсеров, к рассвету практически были выведены из боя. Многие из них были сбиты, а уцелевшие сильно пострадали.

Зато рано утром появились торпедоносцы типа «Вильдебист». В наземный бой включились также базировавшиеся па аэродроме в Кота-Бару истребители «Буффало». Бой разгорался все жарче. Английским летчикам удалось отогнать японские крейсера за находящиеся перед полуостровом Перептианские острова. Но тут со стороны Сингоры появились первые соединения японских бомбардировщиков — быстрые и верткие двухмоторные «Мицубиси». Они начали систематическую бомбежку оставшихся позиций у Кота-Бару и разрушили аэродром. Одновременно стали поступать подкрепления с моря. В сопровождении миноносцев подошли новые транспортные суда.

Английские солдаты надеялись на поддержку своей авиации, но она больше уже не могла помочь им. Японские бомбардировщики не только разрушили взлетно-посадочные полосы в Кота-Бару, но и сделали надолго непригодными аэродромы Гонг-Кедах и Махаганг, а также Сунгей-Патани, Баттеруэрт, Пенанг и Алор-Стар. Тем самым судьба английских войск в районе Кота-Бару была решена. Все большее число десантных судов высаживало японских солдат на берег. В четыре часа дня передовые отряды наступающих уже оказались у аэродрома Кота-Бару. Они преодолели третий оборонительный пояс англичан. Начальник аэродрома, пытавшийся устранить хотя бы самые крупные повреждения летного поля,

приказал самолетам, еще не выведенным из строя, подняться и лететь в Куантан. Хлынул грозовой ливень. Несколько машин упало на взлете, но к концу дня все еще способные летать самолеты покинули Кота-Бару. На исходе дня атакующие сделали небольшую передышку. Части были собраны и перегруппированы. С моря поступили пополнение, продовольствие и боеприпасы. Затем наступление продолжилось. К полуночи, точно через сутки после высадки, аэродром Кота-Бару уже был в руках японцев. Саперы тут же стали приводить его в порядок, чтобы сделать пригодным для использования собственными самолетами.

Преодолевая трясину речных рукавов и болотные топи, под непрерывным ливнем нападающие продвигались все дальше. Они обошли систему английских укреплений, так что командующему оборонявшимся здесь английскими войсками не осталось ничего иного, как отвести их. В два часа утра японцы заняли Кота-Бару. Южнее города концентрировались английские части. Но полчища японцев с боевым кличем «Банзай!» теснили их с одной позиции на другую.

Это первое столкновение с противником, действовавшим продуманно и упорно, опрокинуло традиционные представления английских солдат о японской армии, повергло их в состояние шока. Английский солдат в Малайе привык к легкой службе, к своего рода полицейской деятельности, направленной прежде всего против безоружного местного населения. Потребовалось немало времени, чтобы он приспособился к новой ситуации.

Тем временем японские войска тремя клиньями — от Сингоры, Паттани и Кота-Бару — продвигались вперед. 13 декабря они заняли английский полевой аэродром у Танах-Мераха, 19-го — у Куала-Край. Тем самым английская воздушная оборона в Северной Малайе оказалась в значительной мере парализованной. Японцы захватили самолеты и орудия, сотни грузовиков и другого военного имущества.

После захвата Кота-Бару генерал Ямасита получил донесение о потерях: бои стоили 56-му пехотному полку трехсот двадцати убитых и пятисот тридцати восьми раненых; два транспортных судна были уничтожены. Потери немалые. Но исходная база для дальнейшего быстрого продвижения через Малайю к Сингапuru создана.

Операция «Матадор»

Вот уже в сотый раз за этот день Робин Кларк отер воду с лица и шеи. Укрытие от дождя, которое он соорудил из своей плащ-палатки, промокло насквозь, одежда тоже. Муссон обрушивал на солдат настоящие водопады.

Вместе с другими резервистами 11-й дивизии Кларк сошел на берег в Сингапуре. Малайю не сравнить ни с Индией, ни с Бирмой, но для солдата, несколько лет прослужившего в тропиках, она не представляла собой ничего неожиданного. Поездка из Сингапура на грузовиках длилась несколько дней. Часть Кларка располагалась в северо-западном углу Перака, неподалеку от границы с Таиландом. Дивизия, главные силы которой дислоцировались гораздо севернее, в Кедахе и Перлисе, состояла из индийских солдат, по большей части из Пенджаба. Командовали ими исключительно англичане. Индийцы не могли дослужиться выше сержанта.

У Кларка было достаточно причин удивляться тому, что его часть, находившаяся на севере колонии, не готовилась к обороне. Характер учений говорил о наступательных намерениях, и все, вплоть до командира полка, были едины в том, что здесь, конечно, не придется оборонять долговременные позиции: предстоит продвижение в Таиланд.

В первых числах декабря 1941 года стал известен план, носивший кодовое наименование «Матадор». По этому плану боевая группа 11-й дивизии, в составе двух рот индийских пехотинцев, батареи противотанковых орудий и двух саперных подразделений, продвигается к Сингорс. Руководство операцией поручается майору Эндрюсу — молодому

офицеру, имевшему некоторый опыт боевых действий в джунглях.

Операция «Матадор», сообщил майор Эдрюс офицерам-англичанам, должна осуществляться по плану, разработанному еще летом; сигнал для ее начала будет дан непосредственно из Лондона. Получив его, группа, сосредоточенная в Чанглуне, как можно быстрее перейдет таиландскую границу и попытается достигнуть Сингоры, которая может послужить местом высадки японских войск вторжения. Продвигаться следует вдоль дороги, пролегающей от Чанглуна в направлении Хатъяй — Сингора, а также железной дороги, ведущей в том же направлении от Паданга.

Вторая участвующая в операции «Матадор» группа (к которой теперь принадлежал и Робин Кларк) под командой полковника Мурхеда имела свои исходные позиции южнее. Она носила дополнительное наименование «Крокол» и состояла преимущественно из солдат 3-го Пенджабского полка. Около небольшого пограничного малайского городка Кро, вблизи которого располагалась группа Мурхеда, дорога, идущая от таиландского города Паттани, раздваивалась и шла на запад и на юг. Если вражеские части достигнут этой развилки, они смогут весьма быстро окружить всю 11-ю дивизию. Поэтому по плану «Матадор» Мурхед должен был двигаться на северо-восток к дороге на Паттани и попытаться задержать там японцев до подхода остальных сил. Если же он к Паттани выйти не сможет, следует устроить продвигающемуся противнику засаду примерно в шестидесяти пяти километрах от границы — там, где дорога тянется вдоль отвесной скалистой стены Ледж, а местами даже уходит в скалы. При помощи взрывов эту дорогу легко сделать непроходимой. Здесь еще на таиландской территории можно остановить противника, прежде чем он достигает опасной развилки.

План «Матадор» исходил из несомненно правильной предпосылки, что японцы попытаются вторгнуться в Малайю сухопутным путем и отсюда двинутся дальше на Сингапур. А для этого, предполагали авторы плана, противник изберет для высадки Сингору и Паттани, ибо эти пункты расположены на главных путях вторжения в Малайю. И хотя военная разведка англичан не имела никаких данных о намерениях японцев, хитроумные практики заранее рассчитали, что именно предпримет потенциальный агрессор. Таким образом, с одной стороны, план «Матадор» был в своих основных предположениях редким примером логического мышления и правильного понимания стратегических и тактических целей противника, с другой же — и это заранее обрекало его на провал — он свидетельствовал о поразительной недооценке руководящими военными и политическими деятелями Лондона такого агрессора, как Япония. Если принять во внимание, что японцы поведут наступление крупными силами — а это следовало предвидеть, — план был абсолютно неудовлетворителен. Исходя из предположения, что японские войска высадятся у Сингоры и Паттани, двум небольшим частям английской армии, имевшим всего-навсего характер ударных отрядов, предписывалось в момент высадки быстреем образом достигнуть обоих пунктов и там навязать бой вторгшемуся врагу. Шансов на победу в этом бою они заведомо не имели, ввиду численного превосходства противника. Если бы уже осенью 1941 года в Северную Малайю были переброшены (например, из Индии) и массированно введены в действие в направлении Сингоры и Паттани крупные английские соединения, наступающим японцам не удалось бы захватить столь благоприятные для них исходные позиции. Тогда военные события в Юго-восточной Азии могли бы принять для Англии совсем иной оборот.

У плана «Матадор» была своя ахиллесова пята: английские боевые группы были слишком слабы и вступали в Таиланд лишь после начала боевых действий и создания японцами плацдармов, хотя даже в английском правительстве никто не заблуждался на тот счет, что Таиланд находится на стороне Японии.

Последнее указание, полученное из Лондона, гласило, что за сутки до распознанного намерения японцев совершить высадку у Сингоры и Паттани обе боевые группы переходят

границу и немедленно продвигаются в направлении этих населенных пунктов. Но Лондон все еще не давал приказа о начале марша. Когда же признаки предстоящего удара японцев стали нарастать буквально как снежный ком, главнокомандующий английскими вооруженными силами на Дальнем Востоке сэр Роберт Брук-Пофэм получил 5 декабря из Лондона разрешение самому отдать приказ о начале операции «Матадор», если возникнет следующая ситуация: японский флот вторжения выйдет в направлении Южного Таиланда, а японцы уже начнут военные действия в других пунктах Таиланда.

На следующее утро Брук-Пофэм получил донесение английской воздушной разведки о японских караванах в Сиамском заливе. Но он не ввел «Матадор» в действие, ибо имел категорический приказ из Лондона: ни в коем случае не атаковать японские части до тех пор, пока те не совершат какой-либо военной акции против Англии, Голландии или США. Тем самым и без того весьма сомнительная операция «Матадор» окончательно превратилась в нелепость: ведь предупредить противника, дожидаясь формального открытия им военных действий, никак нельзя. Части, предназначенные для осуществления операции «Матадор», разбили свои бивуаки под проливным муссонным дождем и ждали. Тем временем в ночь с 7 на 8 декабря японская армия осуществила высадку в Сингоре, Паттани и Кота-Бару. Возникли слухи, что война уже началась. Ждали приказа, но он не поступал. Утром майор Эндрюс стал слать одну за другой срочные радиограммы в штаб своей дивизии, а через него — запросы в Сингапур. «Матадор» не мог быть осуществлен без приказа. 8 декабря Главное командование вооруженных сил на Дальнем Востоке решило отложить реализацию плана. Генерал Персиваль был крайне недоволен этим приказом, но не мог его обойти. Однако не прошло и часа, как ему по телефону приказали начать операцию «Матадор». Очевидно, Брук-Пофэм, ввиду первых японских бомбежек и новых донесений о вторжении японцев, принял решение самостоятельно. Но Персиваль как опытный офицер понимал, что первоначальный план «Матадор» на этой стадии стал уже иллюзорным. Поэтому, отдавая командиру 11-й индийской дивизии генералу Хиту приказ о выступлении частей, предназначенных для операции «Матадор», он несколько изменил его содержание. Вместо продвижения к Сингоре северная группа получила теперь задачу лишь достигнуть таиландского узла шоссе и железных дорог Хатъяй и там остановить противника. За выигранное таким образом время следовало в ходе поэтапного отступления разрушить железнодорожную линию в Перлис и дорогу на Кедах, а также взорвать мосты. Действующей южнее группе «Крокол» был дан приказ продвигаться по дороге Креох-Паттани до Леджа, преградить там путь наступающему противнику и задержать его, насколько это будет возможно в сложившихся условиях.

* * *

В полдень Робин Кларк сменился с поста. Собственно говоря, как сержант, он не был обязан стоять на посту, но он просто не мог видеть, как вымокшие до нитки индийские солдаты несли караульную службу, а в это время англичане, сидя в палатках, резались в покер или почитывали иллюстрированные журналы. Кроме того, он пришел с «гражданки» и, если хотел перенести предстоящую кампанию, несомненно тяжелую, должен был как можно скорее приспособиться к новым условиям жизни: к дождю, зною, бивуакам в заболоченном лесу, к мерзкой еде и многим другим непривычным вещам. Поэтому теперь, сменившись, он радовался, что все-таки неплохо переносит этот климат и все связанные с ним тяготы.

Через каучуковую плантацию Кларк зашагал в лагерь. На полпути он повстречал А Пина, водителя грузовика, невысокого интеллигентного малайца, который много лет возил латекс с плантации в Сунгей-Патани, откуда каучуковый сок отправляли дальше по железной дороге. Кларк вытащил из кармана пачку сигарет и протянул А Пину. Малаец поблагодарил. Они немного покурили молча, прислушиваясь к однообразному шуму дождя. Потом А Пин сказал:

— Японец высадился. Это не слух. Шеф уже упаковывает вещи.

— Я так и думал, что это не слух, — ответил Кларк. Он был знаком с малайцем уже несколько недель. Тот неопределенно произнес:

— Если пойдут быстро, могут оказаться здесь дня через два-три.

— Мы их остановим, — возразил Кларк, но слова его прозвучали неубедительно. Малаец улыбнулся. — Ты что, не веришь? — вызывающе спросил Кларк.

— Не знаю, — с сомнением ответил А Пин. — Японцев ведь много.

— А нас еще больше! Малаец взглянул на Кларка:

— Как думаете, сержант, долго вы сможете прожить в джунглях?

Немного помолчав, Кларк ответил:

— Нет, недолго. Стоит им загнать нас в джунгли, и нам крышка.

— Так они и сделают, — сказал А Пин. — Англичане не смогут удержать Малайю. А вот мы смогли бы. Но белые господа этого не хотят. Мы бы задали японцам жару. Мы знаем страну, каждую тропу, каждый водопад... Можем спать в лесу, даже там найдем себе пищу. Почему же, сержант, ваш главнокомандующий не призвал малайцев защищать родную страну?

— Не знаю, — уклончиво ответил Кларк. Вопрос этот был ему неприятен.

Малаец снова улыбнулся.

— А я знаю. И вы узнаете тоже. Только слишком поздно.

— Ты дурно думаешь о главнокомандующем, А Пин, — успокоил Кларк молодого малайца. — Дело совсем не так просто. Большинство наших солдат, да и оружие тоже, нужны в Европе. Нам надо одолеть немцев. Если мы не разобьем их, нам конец — все равно, победим ли мы до того в Малайе или нет. Вот так. А у главнокомандующего забот полон рот. Малаец кивнул.

— Я знаю. Конечно, немцев надо разбить. Это мне ясно. Но почему же главнокомандующий не хочет принять предложение малайских коммунистов? Дать нам оружие, чтобы мы могли помочь отстоять Малайю?

— Оружия не хватает, — ответил Кларк, хотя знал, что склады просто ломятся от оружия.

— Сержант, — сказал малаец, — главнокомандующий не дает нам оружия потому, что мы — подданные английской колонии и должны ими остаться навсегда. Японцы, там, или не японцы, нельзя допустить, чтобы население этой колонии пришло к мысли, что у него есть свое отечество. А ведь защищая свою страну от японцев, оно может понять это, правда? Скажите честно, вы не думаете, что главнокомандующий боится этого?

— Боже праведный, — простонал Кларк, — да откуда же мне знать, что думает главнокомандующий!

— А вы? Вы так не думаете?

Кларк бросил окурочек сигареты в лужу.

— Нет, не думаю. И думаю даже, что ты прав, А Пин. Что я могу сделать?

— Достать мне винтовку! — Зачем?

— А что бы вы стали делать, если бы немецкие войска высадились на побережье Англии?

— Я бы стрелял, — ответил Кларк. — Но, к сожалению, я не могу дать тебе винтовку. Хотя очень хотел бы. У меня всего одна.

— Будь у меня винтовка, — сказал малаец, — я ушел бы в лес охотиться на японцев. Я показал бы им, чего стоит завоевать Малайю! Но у меня нет винтовки. Поэтому сегодня вечером я уеду на юг. Чтобы доставить в безопасное место управляющего плантации Морриса. С женой и детьми. Он хочет в Сингапур. Оттуда, говорят, в Англию отправляют пароходы с гражданскими лицами.

— Счастливого пути, — сухо пожелал Кларк. Он положил невысокому малайцу руку на

плечо. — Если встретимся после войны, выпьем за то, что ты был прав. Береги себя!

Малаец проводил его взглядом.

Кларк собирался немного поспать, но это ему не удалось. Полковник Мурхед получил приказ выступать. Двенадцать часов спустя после того, как японцы высадились у Патгани, группа «Крокол» выступила в поход. Около четырнадцати часов она достигла тайландской границы. В группу был включен батальон 3-го Пенджабского полка, погруженный на легкие австралийские бронетранспортеры, саперный взвод со специалистами-подрывниками и дивизион ПТО с полудюжиной орудий.

Роберт Кларк, насквозь мокрый и недовольный, сидел на первом бронетранспортере, держа винтовку между колен. За воротник стекала со стальной каски дождевая вода. Он смотрел, как двое индийских солдат с топорами в руках подошли к деревянным воротам, отделявшим Малаю от Таиланда. Ворота были заперты на висячий замок гонконгского производства. Вдруг индийский солдат, уже поднявший топор, чтобы сбить замок, словно замер. Откуда-то донесся выстрел. Кларк скользнул вглубь и сквозь смотровую щель увидел, как индеец выпустил из рук поднятый топор и медленно осел на землю. Второй солдат подполз к нему, но тут же повернул назад. Очевидно, товарищ его был мертв. Пулемет из бронетранспортера Мурхеда открыл огонь по лесу за пограничными воротами. Дорога была узкая, справа и слева стояла зеленая стена джунглей. Пулемет вел огонь недолго, а затем несколько пенджабцев, пригнувшись, побежали к воротам. На этот раз не последовало ни единого выстрела. Замок был сломан, ворота разлетелись в щепки под ударами топоров. Моторы бронетранспортеров взвыли, и колонна пришла в движение. Впереди шли бронетранспортеры с более толстой броней, на них — с десятков разведчиков, за ними — главные силы, а в арьергарде — еще два бронетранспортера.

Мурхед приказал отряду двигаться с максимальной осторожностью. Поначалу все было спокойно. Но уже через несколько сот метров узкая дорога делала поворот, а за ним оказался первый завал из срубленных деревьев. Командирская машина была обстреляна из леса. Мурхед приказал выждать и выслал дозоры справа и слева от дороги. Тем временем саперы подорвали завал и бронетранспортеры подтянулись вперед. Стрельба не прекращалась, однако противника не было видно.

Кларк командовал отделением, двигавшимся слева от дороги. Он крался вслед за индийским солдатом, который шаг за шагом прокладывал тесаком путь через джунгли. Солнце еще только клонилось к вечеру, но в лесу царил зловещий полумрак. С ветвей стекала вода. Вдруг застрочил пулемет, и Кларк вслед за индийцем бросился на землю. За Кларком полз сержант Крукер, тоже из Лондона. Кларк подал ему знак рукой и прошептал:

— Пусть твои люди залягут здесь, а я обойду пулемет слева.

Прошло довольно много времени, пока Кларк с дюжиной солдат, сделав большой крюк, обходил пулемет. Теперь он увидел его: пулемет стоял прямо у обочины и мог держать под огнем не только дорогу, но и лес по обе стороны от нее. В небольшой ложбине лежали двое солдат. На них была военная форма тайландской армии, но пулемет был японский — «Намбу». Не долго думая, Кларк приказал двум пенджабцам подползти поближе и забросать пулемет ручными гранатами. Оба индийца выполнили задание образцово. Кларк внимательно взгляделся в лица обоих убитых. Подошедшему Крукеру он сказал:

— Руку даю на отсечение, что это не сиамцы... Крукер пожал плечами. Вывернув наружу карманы убитых, Кларк не нашел ничего, что могло бы удостоверить их личность. Крукер, который находился в Малае дольше Кларка, тоже не обнаружил в лицах убитых никаких, сиамских черт.

Бронетранспортеры стали продвигаться по дороге со скоростью пешехода. Полковник Мурхед соскочил со своей машины и бросил взгляд на обоих убитых. Потом свистнул сквозь зубы. Сомнений не было: японцы опередили их и посадили на дороге своих солдат в тайландской форме. Маловероятно, что тайландским властям об этом неизвестно.

Открытие Мурхеда подтвердилось, но слишком поздно. Задолго до начала наступления японские агенты части № 82 перехватили дорогу, столь важную для продвижения через Таиланд в Малайю. Располагая достаточными денежными средствами, они подкупили местных жандармских чиновников и таким образом заручились их молчаливой благосклонностью. Таиландская военная форма была доставлена из Японии вместе с оружием и снаряжением. Проникновение было полным. Это хорошо почувствовали на себе солдаты Мурхеда, когда со значительным опозданием попытались осуществить операцию «Матадор».

До наступления ночи группа «Крокол» продвинулась всего километров на пять. Приходилось преодолевать один завал за другим. Иногда вспыхивали ожесточенные ближние бои, в которых пенджабцы, привычные к борьбе в джунглях, действовали отлично. Дождь усилился, и Мурхед приказал разбить лагерь прямо на дороге. Ночью патрули прочесывали местность. Постоянно слышались выстрелы. Противник бодрствовал. Когда наступила заря и солдаты, поеживаясь от холода, вылезли из-под плащ-палаток, Мурхед дал знак выступать.

Тем временем в Крох прибыл 5-й Пенджабский полк, готовый следовать за группой Мурхеда и поддержать ее действия. Однако прежде чем полк перешел границу, Мурхед по радио потребовал, чтобы тот оставался в Крохе. По его мнению, обстановка на дороге и в ее окрестностях была еще слишком неясна и не имелось никакой гарантии, что 5-й полк не окажется в западне. Мурхед договорился с командиром полка, что сначала сам продвинется вперед со своим отрядом, а затем, если будет необходимо, подтянется и 5-й полк. Тем не менее все бронетранспортеры 5-го полка стали выдвигаться к таиландской границе. Ранним утром они доставили в тыл пятнадцать убитых — потери, понесенные группой Мурхеда.

Утром 9 декабря Мурхеду удалось продвинуться еще на десять километров. Он дошел до окрестностей первого таиландского населенного пункта Бетонг, где его встретили ожесточенным огнем более трехсот стрелков, одетых в форму таиландской жандармерии. Перестрелка длилась до пятнадцати часов. Затем разведчики доложили, что таиландские жандармы отошли. Кларк, командовавший теперь разведывательным дозором, увидел в Бетонге белые флаги. Он приказал сесть по машинам и подъехал к самой окраине населенного пункта, все еще опасаясь внезапного нападения. Но, к его удивлению, навстречу ему вышел, тоже с белым флагом, таиландский жандармский офицер.

— Что здесь происходит? — крикнул ему Кларк. — Почему ваши люди открыли огонь, прежде чем узнали наши намерения?

Жандарм смущенно улыбался. Это был маленький жирный человечек. Он сложил руки в знак приветствия и на ломаном английском языке просил извинить за ошибку, допущенную его подчиненными.

— Хороша ошибка! — проворчал Кларк. — Эта небольшая ошибка стоила нам двух десятков человек!

А жандарм все улыбался. Подойдя к бронетранспортеру Мурхеда, он безучастно выслушал его заявление, что с целью охраны своих интересов Англия решила предупредить продвижение японцев через Таиланд.

Когда группа Мурхеда вступала в Бетонг, не раздалось ни единого выстрела. Мурхед решил сбросить силы своих солдат и дать им ночью поспать. Вокруг населенного пункта были выставлены посты. Ночь прошла без происшествий — как будто таинственные «жандармы» растворились в воздухе. В шесть утра группа Мурхеда снова выступила в путь. Вопреки ожиданиям, противника на дороге не оказалось.

* * *

Робин Кларк, сидя в первом бронетранспортере, поглощал на ходу завтрак: тушенка, хлеб и холодный чай. Он недовольно жевал черствый хлеб, мясо пахло плесенью. Насколько

можно судить, размышлял он, нам еще удастся достигнуть этой скалистой гряды. Ему было известно решение командира: саперы заложат в скалы, нависшие над дорогой, заряды и взорвут их при вступлении японцев. Остальная часть группы «Крокол» заляжет вокруг и уничтожит своим огнем уцелевших японцев. Кларк сомневался в том, что все произойдет именно так, как задумано. Японцев недооценивать никак нельзя — два минувших дня это показали. Как знать, что еще они задумали!

За десять километров до скалистой гряды, к которой поднималась дорога, Кларк приказал остановиться, ибо дальше этого места тяжелые бронетранспортеры не могли развернуться. Впереди дорога настолько сужалась, что любая попытка развернуть здесь такую машину закончилась бы падением в пропасть.

— Вылезай! — скомандовал Кларк.

Солдаты спрыгнули на дорогу. Подошла машина Мурхеда. Лишь только все солдаты высадились, машины развернулись и двинулись в обратном направлении. Тут Кларк услышал отдаленный гул моторов. Чтобы лучше слышать, он снял каску. Сомнений нет: самолеты.

Не успели транспортеры отъехать и на несколько сот метров, как над дорогой появились два японских «Зеро» с завывающими моторами. Кларк залег под кустом с широкой листвой. Он мог и без бинокля разглядеть красные круги на плоскостях самолетов. Они зашли на боевой разворот и спикировали. Очевидно, японцы не вполне точно установили местонахождение группы Мурхеда, ибо осколочные бомбы, сброшенные ими, упали в лес.

— Вперед! — приказал Мурхед, когда самолеты удалились. Солдаты стали поспешно продвигаться. Никакого сопротивления им не оказывалось. Исход гонки, целью которой являлась скалистая гряда, все еще не был решен.

В нескольких сотнях метров перед населенным пунктом Камбонг-То солдаты Мурхеда натолкнулись на деревянный мост, висевший над разбухшей рекой Паттани. Впереди лежало селение, где ничто не говорило о присутствии противника.

— Кларк, ко мне! — приказал Мурхед. Когда сержант доложил, командир объяснил: — Надо действовать осторожно. Достигнем мы скалы первыми — нам повезло. Не достигнем — тогда я прикажу заминировать этот мост в качестве последнего препятствия. Вы же с авангардом пробивайтесь через селение. До скалистой гряды всего пять километров. Когда вы ее займете, я подтяну остальных. Если вас остановят, отходите назад. Понятно?

Кларк вскочил в легковую машину и поднял руку. Машина быстро покатила через мост и подъехала к селению. В бинокль Кларк заметил между хижинами вспышку первого выстрела. Он инстинктивно откинулся назад и крикнул:

— Стой!

Разорвавшимся впереди снарядом автомобиль опрокинуло. Солдаты выбрались из-под него и бросились в укрытие. Кларк прыгнул к обочине. Взрывная волна от второго снаряда, попавшего прямо в машину, швырнула его в кусты.

— Назад! — приказал Кларк. Спасти водителя не удалось, он сгорел в обломках, валявшихся на дороге. Но Кларку с его людьми удалось снова достигнуть моста. Исход гонки был теперь решен: японцы уже преодолели скалистую гряду. Но захватить мост они опоздали всего на несколько минут. Кларк и его солдаты изо всех сил бежали по толстым брускам, под которыми уже висели укрепленные саперами заряды. Из селения к мосту шли четыре японских танка. Это был авангард 5-й дивизии, которая высадилась в Паттани и быстрыми переходами без боев преодолела участок до Камбонг-То. Танки еще находились в сотне метров от моста, когда он взлетел на воздух. Одновременно открыли огонь по врагу английские противотанковые орудия. Отрезвленные обстрелом, танки повернули назад.

Мурхед приказал оборудовать позиции по южному берегу реки. Он был полон решимости задержать здесь японцев до получения нового приказа. Плоский, слегка поросший берег был отнюдь не идеальной позицией, но Мурхед знал, что под огнем японцам

будет не так-то легко форсировать реку.

Кларк отрывал свой индивидуальный окоп. Уже достаточно глубоко врывшись в мягкую, влажную почву, он посоветовал своим солдатам углубить их ячейки. Немного погодя группу «Крокол», занявшую позиции вдоль южного берега реки Паттани, начали обстреливать из селения не только танки, но и целая батарея японских пехотных орудий.

В то время как Мурхед со своими солдатами продвигался в направлении скалистой гряды Ледж, две другие группы, участвовавшие в операции «Матадор», тоже приступили к выполнению своей задачи. Из небольшого населенного пункта Паданг-Безар, на границе султаната Перлис с Таиландом, в Таиланд вышел бронепоезд с ротой солдат 2-го Пенджабского полка. В бронепоезде находилась и команда подрывников. После изменения основного плана бронепоезд в последнюю минуту получил задание как можно глубже продвинуться на территорию Таиланда и полностью разрушить железнодорожный путь. Вопреки ожиданию, бронепоезд двигался быстро и без помех. Вот он оставил позади километров двадцать пять и пересек стальной мост длиной около шестидесяти метров, который пролегал над проселочной дорогой Садао-Сингора. Тут стало заметно, что передовые отряды японцев уже продвинулись пешим порядком вдоль железнодорожной линии. Командир бронепоезда принял решение не ввязываться в бой и приказал вернуться к мосту. Затем саперы не спеша заложили под мост взрывные заряды, а патрули в это время охраняли местность. Через два часа все было готово. Бронепоезд двинулся обратно, а позади него взлетел на воздух стальной мост. Взрыв разрушил его до основания, и это перечеркнуло японский план переброски частей из Сиигоры в Перлис по железной дороге. Не понеся никаких потерь и не войдя в соприкосновение с противником, бронепоезд вернулся в Паданг-Безар.

Майор Эндрюс с двумя ротами пенджабцев, батареей противотанковых орудий и саперным взводом, расположившийся лагерем севернее населенного пункта Чангун в султанате Кедах, неподалеку от таиландской границы, также получил вечером 8 декабря приказ продвинуться к проселочной дороге, ведущей от Чангуна через таиландскую границу к Сингоре. Уже не пытаясь дойти до Сингоры, он должен был сдерживать противника и, отступая, взрывами сделать дорогу непроходимой. Со своим небольшим отрядом Эндрюс перешел таиландскую границу и ускоренным маршем продвинулся километров на пятнадцать, до населенного пункта Садао. Он достиг селения к ночи и, так как ни население, ни местные жандармы не оказали сопротивления, разрешил своим людям поспать до утра. Солдаты расположились полукругом вокруг селения и выдвинули далеко вперед охранение. Все предвещало спокойную ночь.

Но уже через два часа внимание часовых привлек свет автомобильных фар, приближавшихся с направления Хатъяй. Пошел дождь. Хотя видимость была чрезвычайно плохая, разведчики вскоре донесли, что движется большая моторизованная колонна, во главе которой идут несколько танков, почему она и продвигается сравнительно медленно. Противотанковые орудия сразу же выдвинулись на огневые позиции у северной окраины Садао. Они подпустили японские танки метров на сто, а затем открыли прицельный огонь. Через несколько секунд загорелись три из четырех танков, возглавлявших колонну. Следовавшие за ними грузовики оказались заблокированными, и солдаты Эндрюса смогли при свете пламени взять под обстрел соскакивавших с них японских солдат.

Но японцы были подготовлены к внезапным атакам. Они не поддались панике, а весьма быстро выдвинули на огневые позиции минометы и их огнем прижали солдат Эндрюса к земле. На южной окраине селения уже гудели моторы английских бронетранспортеров. Все было готово к быстрому отступлению. Тем не менее Эндрюс все не давал приказа отходить. Майор был человек умный и операцию спланировал осмотрительно. На участке, преодоленном им по пути к Садао, имелось три крупных моста. Эндрюс на всех оставил саперов с взрывчаткой, приказав заминировать мосты и ждать его возвращения.

Бой на северной окраине Садао длился уже целый час, когда на южной его окраине появился мотоциклист с донесением, что мосты подготовлены к взрыву. Только тогда Эндрюс дал своей группе приказ отходить. Солдаты молниеносно вскочили в машины, между тем как несколько пулеметов и противотанковых орудий еще продолжали вести огонь на северной окраине населенного пункта. В одиннадцать часов ночи отошли и они, и колонна Эндрюса под проливным дождем устремилась назад по той же дороге, по которой днем пришла. И каждый раз, как только колонна оставляла позади себя мост, он тут же взлетал на воздух. Час спустя после полуночи группа Эндрюса уже находилась на малайской земле. Здесь, непосредственно у границы, заняли позиции части 1-го Пенджабского полка. Эндрюс понес небольшие потери, но ему удалось задержать продвижение японцев.

Робин Кларк сидел в сырой яме на берегу реки Паттани и, не отрываясь, глядел на воду. Полковник Мурхед ожидал приказа к отступлению. Пройдет совсем немного времени, размышлял Кларк, и река Паттани будет отдана японцам. Пусть взорванные мосты даже задержат их на несколько часов, а может быть, и дней — это все равно ничего не изменит: в ближайшее время враг окажется уже у границы, в Пераке, у тех самых разбитых ворот. И там его тоже надолго не задержать. Кларк отнюдь не был фаталистом. Он понимал, что когда-нибудь японцев погубит их безудержная жажда власти. На какое-то мгновение Кларк вспомнил о Марии. Его тревожило, что она в Англии. Правда, последние известия из Европы говорили о том, что фашистская армия остановлена на снежной равнине под Москвой и отброшена с большими потерями. Фашисты слишком широко разинули свою пасть, подумал Кларк. А для Марии и миллионов англичан каждый убитый под Москвой фашист — большое облегчение. Тогда Гитлер больше не сможет угрожать Англии вторжением. Русские переломят хребет ему и его шайке.

Над рекой, сквозь пелену дождя, прошипела осветительная ракета. Света она почти не дала, но Кларк все-таки успел заметить каски японцев, танцевавшие на глади реки, словно футбольные мячи, и крикнул ближайшему солдату:

— Они идут снова!

В тот же миг начался адский фейерверк пулеметного огня. Когда их атака была замечена, японцы повели огонь из минометов и легких пехотных орудий. В какие-то считанные секунды с северного берега в воду бросилось более сотни японцев. Теперь они подплывали все ближе. Их командиры распорядились не снимать после высадки у Паттани спасательных жилетов. Поэтому японские солдаты с неожиданной быстротой переплыли реку раньше, чем рассчитывали обороняющиеся, и, дико вопя, карабкались на южный берег — маленькие, грязно-зеленые, насквозь мокрые, с длинными винтовками и примкнутыми штыками.

Кларк невольно перекрестился. Спроси его потом, зачем, он и сам не смог бы ответить. Особенно религиозным он никогда не был. Но зловещий вид японцев, с гортанным криком «Банзай!» устремившихся на позиции англичан, напомнил ему о том, что каждую секунду он может погибнуть здесь, на берегу незнакомой реки.

Старое правило гласило: если хочешь уцелеть, нельзя ожидать атакующего противника, скорчившись в окопчике. Индийские солдаты были храбрыми воинами и умели вести ближний бой. Кларк выпрыгнул из окопа и поднял руку с винтовкой. Солдаты заметили его и последовали приказу, который сразу превратил согнувшиеся в мокрых ямах человеческие фигуры в неистовых бойцов, бесстрашно обрушившихся на японцев. Болотистая почва затрудняла бег, но и японцы в спасательных жилетах бежали не быстрее. Они были обескуражены: такой ожесточенной обороны они никак не ожидали. Ведь офицеры изо дня в день внушали им, что противник слаб и труслив. А теперь из темноты на них шли цепи пенджабцев.

При свете трассирующих пуль и ракет блестели штыки. На секунду, прежде чем кольнуть, Кларк увидел перед собой растерянное лицо японца. В этот момент Кларк не

сознавал, что убивает человека и что его самого тоже могут убить. То же самое, верно, чувствовали и остальные. Они стреляли, кололи, хрипло орали. И только у самой воды Кларк остановился, оторопело огляделся. Повсюду тишина. Японцы плывут назад. Десятки их трупов лежат на берегу. Кларк наступил ногой на противогаз убитого им японского солдата. Вставил в винтовку новую обойму и стоя прицелился в отступающих. А когда дождливая тьма поглотила последних из ретирующихся, опустил винтовку и медленно зашагал назад. Он жив. Обессиленный, он присел на край окопа. Двое солдат принесли мертвого товарища...

Тем временем полковник Мурхед получил приказ к отступлению. На рассвете он должен оторваться от противника и с оставшимися машинами отойти к малайской границе.

Пятый день начался новыми атаками японцев. Они появились на рассвете, в четыре часа утра, а затем около семи снова. Мурхеду удавалось оттягивать своих людей лишь постепенно. Только в девять часов колонна выступила в обратный марш — японцы, по всей видимости, решили устроить паузу или подтянуть свои тылы. Мурхед приказал заградить дорогу сгоревшими бронетранспортерами. Не успело отступление начаться, как его солдаты оказались под плотным огнем японских минометов. Потери среди индийцев росли. Тем не менее раненых удалось забрать; убитых же пришлось оставить. Километрах в пятидесяти севернее Бетонга колонна промчалась по длинному стальному мосту, нависшему над ущельем. Здесь тоже по приказу Мурхеда были заложены заряды. Он сам дал сигнал к взрыву, лишь только колонна пересекла мост.

К полудню группа Мурхеда достигла границы. Кларк сидел на крыле бронетранспортера. Ветер почти высушил его одежду. Дождь прекратился. Серое снова стало зеленым. Перед солдатами лежало селение Крох — то самое, откуда они отправились в путь. Идиллическое местечко: бамбуковые хижины, побеленные дома, пальмы, шумливые дети... Мысль о том, что через несколько часов здесь произойдет то же, что и на берегу реки Паттани, казалась зловещей. Кларк вдыхал запах мирных очагов. Он вдруг почувствовал, что голоден.

«Отряд Z» уничтожен

Адмирал Том Филипс, командующий вновь сформированным Дальневосточным флотом в составе «Рипалса», «Принца Уэльского» и четырех миноносцев сопровождения¹¹, в тот самый момент, когда войска Ямаситы высадились в Малайе, возвращался на летающей лодке из Манилы. Там он совещался с генералом Дугласом Макартуром, главнокомандующим вооруженными силами США на Дальнем Востоке. Вместе с ним и адмиралом Хартом, командующим азиатским флотом США, Филипс пытался выработать программу совместных действий. Однако трое командующих не особенно преуспели. Ни Макартур, ни Харт не имели достаточно точных директив из Вашингтона. А посему американский флот ограничивался разведывательными действиями, да и в них принимала участие лишь незначительная часть кораблей. Основные силы базировались в Перл-Харборе¹².

Нерешительность американского командования отражала позицию американских политиков, которые все еще верили в возможность компромисса с Японией. Они

¹¹ Имеются в виду корабли, базировавшиеся на Сингапур.

¹² Нападение японской авиации на Перл-Харбор утром 7 декабря 1941 г. вывело из строя линейные корабли Тихоокеанского флота США и позволило Японии на длительное время захватить инициативу. 7 декабря 1941 года США вступили во вторую мировую войну. Возник новый Тихоокеанский фронт войны.

рассчитывали на то, что, если японцы протянут руку к английским базам, США на время останутся вне конфликта. Лишь в случае угрозы непосредственного нападения японцев на американские войска следовало взвесить возможность совместных действий с английскими и голландскими силами на Дальнем Востоке. Эта близорукость объяснялась тем политическим «качанием на качелях», которым занимались в тот момент правящие круги США. Американские реакционные силы намеревались толкнуть Японию против СССР, но это привело к тому, что весьма немалые военно-морские силы США, Англии и Голландии, находившиеся в водах Юго-восточной Азии, — два линкора, двенадцать крейсеров, двадцать пять миноносцев, пятьдесят подводных лодок и семьдесят более мелких судов — не были сосредоточены против японского агрессора, чтобы дать ему встречный бой.

Адмирал Том Филипс вернулся из Манилы, по существу, с пустыми руками. Когда самолет его садился в Сингапуре, японское наступление уже началось. День прошел в заседаниях, характеризовавшихся растерянностью, которая была вызвана, с одной стороны, отсутствием указаний из Лондона, с другой — ограниченностью свободы действий английского командования на Дальнем Востоке. Однако Филипс был не такой человек, чтобы примириться с этим. Из бесед со своими высшими офицерами ему стало ясно: надо действовать на собственный страх и риск, и он принял ответственность на себя, полагая, что, поскольку японцы высадились на восточном побережье, в любую минуту сможет ответить за свои действия. К тому же Филипс был невысокого мнения о черчиллевском принципе «неопределенной угрозы» в виде двух линкоров. Он был за то, чтобы атаковать противника и сорвать его наступление, так чтобы тот не смог развернуть свои силы и достигнуть скольконибудь значительного успеха. Лозунгом Филипса было действовать наступательно.

Оба линкора, а также миноносцы стали готовиться к выходу в море. 8 декабря в семнадцать часов тридцать минут они были готовы. Шесть кораблей, именовавшихся для секретности «Отряд Z», вышли из Сингапура и взяли курс на север. Незадолго до того Филипс обратился к главнокомандующему английской авиацией на Дальнем Востоке маршалу авиации Палфорду с просьбой поддержать его. На рассвете 9 декабря самолеты Палфорда должны были обеспечивать разведку на сто пятьдесят километров впереди отряда кораблей, следующего северным курсом, а с 10 декабря — вести разведку на глубину пятнадцати километров у побережья в районе Сингоры и обеспечить прикрытие истребителями в этом районе, где Филипс ожидал первого боя с японцами. Палфорд согласился произвести воздушную разведку, но насчет прикрытия истребителями в районе Сингоры никаких твердых обязательств на себя не взял. Правда, он обещал выделить для этой цели некоторое число самолетов «Бленхейм», дислоцировавшихся на авиационной базе Куантап, но лишь на то время, пока эта база будет в состоянии действовать. На аэродромах северо-восточной Малайи базировались в основном истребители типа «Буффало». Расстояние до Сингоры было для них слишком велико, а, кроме того, Палфорд вполне справедливо опасался, что наиболее выдвинутые на север аэродромы уже разрушены японцами.

Филипс уже находился со своим отрядом в открытом море, когда получил от Палфорда радиограмму, в которой говорилось, что па прикрытие истребителями адмирал рассчитывать не может. В ответ Филипс немедленно принял меры к усилению боеготовности зенитного оружия. Теперь он видел, что предпринятая им операция с самого начала развивается под дурным знаком, и не строил иллюзии насчет ее благополучного исхода.

И все-таки Филипс недооценил противника. Он никак не предполагал, что будет атакован японскими самолетами, вооруженными бронебойными бомбами или торпедами. В худшем случае он ожидал обычных бомбардировщиков, которые смогли бы причинить его кораблям не особенно большой урон. К вечеру небо вдруг совершенно очистилось. Прошло совсем немного времени, и раздался гул моторов японских самолетов. Но за первыми, единичными самолетами других не последовало. В воздухе все время слышался гул лишь

двух-трех самолетов, державшихся на почтительном расстоянии и как будто не намеревавшихся атаковать корабли. Филипс понял, что его обнаружили. К рассвету следует ожидать бомбардировщиков. А до тех пор одномоторные «Накадзима» будут, сменяя друг друга, кружить над целью. Филипс никак не мог принять трудное решение: вступить в неравный бой? Но его избавило от этой необходимости донесение из Сингапура, поступившее в полночь: «Противник высадился у Куантана».

Куантан лежит примерно в двухстах сорока километрах южнее Кота-Бару. В Главной квартире его считали ключевой позицией восточного побережья. Поэтому вскоре после полуночи «Отряд Z», с согласия командования в Сингапуре, изменил курс и пошел на юг, в направлении Куантана.

На аэродромах Калланг и Сембаванг в Сингапуре были подняты по тревоге пилоты 453-й эскадры истребителей. Они получили задание находиться в боевой готовности. Палфорд намеревался на рассвете использовать их в качестве воздушного прикрытия «Отряда Z». Но приказ о вылете отдан не был.

Утром отряд адмирала Филипса находился уже довольно близко от берега в районе Куантана. Но в это время снова появились японские самолеты и последовали за английскими кораблями. Адмирал Филипс еще не знал, что донесение о японском десанте у Куантана не соответствовало действительности. Он плыл к цели, не зная как следует обстановки. Радиограмма из Сингапура, имевшая своим следствием изменения курса, была отправлена преждевременно. Лишь в первые ночные часы у Куантана появились единичные японские суда. Английская береговая артиллерия дала по ним несколько залпов, и суда ушли. Их не было видно и утром, когда их пытались обнаружить у берегов Куантана воздушная разведка. Но, как ни странно, адмирала Филипса об этом в известность не поставили.

Наступило утро. К этому времени 1-я японская воздушная эскадра, состоявшая из бомбардировщиков и торпедоносцев, уже давно находилась в воздухе. Но японцы тщетно искали английские корабли. Только в одиннадцать часов один из японских летчиков-бомбардировщиков нажал клавишу бортового радиопередатчика, чтобы доложить командованию: Филипс обнаружен. Вот плывет его эскадра, впереди — «Принц Уэльский», за ним — «Рипалс», на флангах — миноносцы.

Минуту спустя японские самолеты заняли боевой по рядок для атаки. Пока бомбардировщики сбрасывали на корабли бомбы, торпедоносцы атаковали их с небольшой высоты. Первым бомба поразила «Рипалс». Она уничтожила катапульту для запуска самолета-наблюдателя. Одновременно еще три бомбы разорвались на палубе, и тотчас к небу взметнулись облака чадного дыма. В тот самый момент, когда на «Рипалсе» раздался сигнал «Пожар на борту!», три торпеды угодили в «Принца Уэльского». Японские самолеты-торпедоносцы ловко использовали редкие облака на высоте примерно тысячи метров. Они выпускали торпеды лишь непосредственно перед кораблем и сразу же уносились. Вскоре «Принц Уэльский» получил бортовую пробоину. Были разбиты рулевое управление и оба левых гребных винта. Гордый линкор за несколько секунд превратился в неподвижную груду металла.

Следующая торпедная атака была предпринята против «Рипалса». Корабль попытался двигаться зигзагообразно, но был слишком тяжел, чтобы быстро уклоняться от атакующих самолетов. Японская наступательная тактика умело использовала эту слабость противника, атакуя корабль веерообразно сбрасываемыми группами торпед. Японцы летели звеньями по три торпедоносца в каждом. Взрывы сотрясали корабль. Несколько из них раздалось на корме. Был поврежден руль. Звено бомбардировщиков сбросило свой груз с высоты тысячи метров. Два небольших бомбардировщика разнесли корму. Одновременно они обстреляли корабль огнем бортовых пулеметов. С кормы теперь поднимался черный, удушливый столб дыма — там не было ничего живого. Корабль медленно лег на борт...

«Принц Уэльский» мучительно агонизировал на поверхности еще несколько минут.

Затем из его артиллерийских погребов один за другим прогрехотали два взрыва, и немного погодя линкор исчез под водой.

От обеих кораблей остались только обломки да огромные масляные пятна на поверхности моря, вновь ставшей спокойной. Бомбардировщики удалились, и теперь над местом гибели линкоров кружили лишь торпедоносцы. Под их огнем уцелевшие английские моряки боролись с волнами и зловонным маслом, залеплявшим им глаза. А миноносцы уже спустили им на помощь спасательные шлюпки.

Из 2921 моряка команды обеих линкоров были спасены 2081. Миноносцы, не атакованные японцами, доставили их в Сингапур. Адмирал Филипс погиб, как и капитан «Принца Уэльского» Лич. Капитана «Рипалса» Теннанта удалось спасти.

Первые самолеты «Буффало» 453-й эскадры поднялись из Сембаванга и появились над полем боя, когда японцы уже улетели, линкоры ушли под воду, а миноносцы занимались спасением уцелевших. В начале воздушной атаки адмирал Филипс еще раз затребовал прикрытие истребителями. Ему обещали выслать самолеты немедленно, однако было уже слишком поздно, чтобы оказать эффективную помощь. Таким образом, самые мощные корабли Англии были потеряны в битве, плохо спланированной и плохо проведенной. Адмирал Филипс не хотел быть «неопределенной угрозой», он хотел атаковать противника, но недооценил его силы. И эта опасная недооценка врага, столь явно проявившаяся здесь, определяла все стратегическое и тактическое планирование действий английских вооруженных сил при обороне Малайи и Сингапура.

* * *

На следующее утро Уинстона Черчилля разбудил звонок особого телефона, стоявшего на ночном столике, прерывающимся от волнения голосом Первый лорд Адмиралтейства произнес:

— Господин премьер-министр, я должен сообщить вам, что «Принц Уэльский» и «Рипалс» потоплены японцами. Предположительно, торпедами. Том Филипс погиб.

Черчилль, трезвый политик, сразу же понял, что Малайе конец. Он понял, что недооценивал Японию, как в свое время не придавал должного значения росту фашистского «движения» в Германии и своим выжидательным отношением к германскому фашизму, по сути дела, способствовал тому, что первые аннексии гитлеровцев в Европе прошли так гладко... Углубившись этим утром в сводки с фронтов, он прочел о битве под Москвой. В то самое время, когда был уничтожен отряд английских кораблей, советские войска успешно громили гитлеровцев. Красная Армия доказала: фашистов можно бить, и советский народ действительно разобьет их. Черчиллю было известно настроение палаты общин: она недовольна тем, что в Африке нет настоящего продвижения вперед. А тут еще это фиаско в Азии... После потери «Отряда Z» ни в Индийском, ни в Тихом океане больше нет английских линкоров, да и крупных боевых кораблей вообще. А потому в речи 12 декабря 1941 года в палате общин он поневоле гораздо больше времени уделил советским успехам. Это вовсе не доставило ему удовольствия, но только так он мог внушить мужество своим слушателям. Фашистские армии потерпели у стен Москвы сокрушительный разгром. И со скрежетом зубным Черчилль использовал этот факт для того, чтобы отвлечь внимание своих соотечественников от обескураживающих неудач английских вооруженных сил на Дальнем Востоке.

«Банзай!» — вперед на юг

Базировавшиеся в Малайе английские военно-воздушные силы в результате

дилетантского планирования разрозненных операций уже в первые дни понесли такие большие потери, что в дальнейшем не могли играть почти никакой роли. К началу военных действий здесь в целом, со всеми подкреплениями, включая и полученные из голландских колоний, находилось около ста истребителей, сто тридцать легких бомбардировщиков и около пятидесяти самолетов-разведчиков. Хотя большинство их уступало новейшим типам японских самолетов, командование не предприняло ничего для того, чтобы компенсировать этот недостаток соответствующей тактикой. Основная масса самолетов даже не успела подняться в воздух и была уничтожена на аэродромах. Японская авиация располагала почти исчерпывающими разведывательными данными. Она точно знала, где и какие расположены аэродромы, и атаковала их столь систематично и концентрированно, что в результате полностью господствовала в воздушном пространстве над малайским полем боя. Английское командование не сумело противопоставить этим целеустремленным и решительным операциям никакой подходящей тактики. Оно растерялось, действовало негибко, без определенного плана.

Неудачи начались в Северной Малайе. Маршал авиации Палфорд приказал произвести 9 декабря воздушный налет на японскую зону высадки в районе Сингоры. Осуществить его поручалось нескольким звеньям легких бомбардировщиков типа «Бленхейм». Их должны были прикрывать в качестве истребителей самолеты «Буффало», которые к началу боев еще базировались в Алор-Старе, а теперь были переброшены в Баттеруэрт¹³. Когда «Бленхеймы» уже подлетали туда, им сообщили, что истребители приданы не будут, так как эту базу непрерывно бомбят японские самолеты. «Бленхеймы» направились к Сингоре одни. Там они угодили под плотный огонь зениток, а когда поднялись выше, спешно взлетевшие с таиландских аэродромов «Зеро» сбили половину из них, прежде чем те успели сбросить бомбы.

Палфорд в отчаянии приказал оставшимся самолетам сесть в Баттеруэрте, заправиться горючим и в семнадцать часов вместе с истребителями еще раз вылететь на Сингору. Но сделать это не удалось. Лишь только запустили моторы, как над аэродромом появились японские бомбардировщики и через несколько секунд обрушили на него град бомб. Успел взлететь только один-единственный «Бленхейм». Пилотирующий его лейтенант Скарф некоторое время кружил над аэродромом, но тщетно: больше ни один самолет не поднялся. Хотя Скарф был тяжело ранен осколками зенитного снаряда, он сумел долететь до Алор-Стара и сесть на уже эвакуированный аэродром. Вскоре он скончался от ран. А в это время в Баттеруэрте между воронок от бомб догорали последние «Буффало».

К 10 декабря во всей Малайе, включая Сингапур, у англичан осталось лишь пятьдесят боеспособных самолетов всех типов. Палфорд передислоцировал их на более южные аэродромы. Был уже оставлен и аэродром Куантан. Но во время эвакуации он подвергся налету японской авиации: ее жертвами стали еще восемь английских самолетов.

Консервативному в своей тактике английскому командованию не удалось приспособиться к наступательной тактике японцев. К тому же на стороне агрессора был фактор внезапности. Агрессор диктовал ход действий, ибо детально спланировал и подготовил свои операции. Англичане не смогли ничего ему противопоставить. Японские войска захватывали все больше позиций вяло реагирующих англичан, вынужденных обороняться; благодаря хорошо обдуманной и подвижной тактике они уничтожали боевые средства английских вооруженных сил. Это началось в воздухе и на море, продолжалось на суше.

Ранним утром 10 декабря командование английских войск в Сингапуре получило новое печальное известие. Примерно в сорока километрах южнее Кота-Бару, на восточном берегу, вблизи населенного пункта Бесут высадились крупные японские части. Командиры

13 В 100 км к югу от Алор-Стара.

противостоявших им английских частей, опасаясь, как бы продвигающиеся с плацдарма Кота-Бару японцы не зажали их в клещи, стали с боем отступать в направлении Куала-Край, а оттуда — вдоль железнодорожной линии на Куала-Липис. На этом трудном пути через центрально-малайскую горную гряду они пытались разрушить важнейшие железнодорожные мосты. Частично им это удалось. Удалось также и отвести дальше на запад уже разбитые в боях у Кота-Бару части. Но на западном берегу обозначилась новая катастрофа. Здесь нужен был каждый солдат, даже под угрозой, что восточное побережье достанется врагу.

На западном берегу японская 5-я дивизия непрерывно наступала на (английский) линию обороны у Джитры. Одновременно полки этой дивизии, усиленные танками и артиллерией, пробивались южнее Кроха, вдоль дороги на Грик и Ленггонг. Если этот удар увенчается успехом, английские войска в Перлисе, Кедахе и в северном Пераке вскоре окажутся отрезанными.

Уже в этой фазе отчетливо выявилось слабое место британской армии в Малайе. Она была колониальной армией в буквальном смысле этого слова, то есть служила преимущественно внутривластным инструментом, при помощи которого колониальная администрация осуществляла свою власть. Чтобы отразить крупное нападение извне, все офицеры, вплоть до главнокомандующего, должны были обладать такими способностями, таким опытом и такой осмотрительностью, которыми они располагали лишь в весьма незначительной степени. К тому же, находясь в плену своего традиционного расового высокомерия, ведшего и к пренебрежительной недооценке японского противника, они очень часто теряли здравое чувство реальности и ошибочно оценивали военную обстановку.

Так, в связи с продвижением из Кроха моторизованных соединений японцев, не встречавших почти никакого сопротивления, было принято роковое решение: несмотря на это, удерживать пролежавшую значительно севернее линию обороны у Джитры. Даже если бы это и удалось, все равно в результате продвижения японцев из Кроха вокруг обороняющихся сомкнулось бы кольцо окружения. Это было только вопросом времени. Быстрый отход с этой линии обороны, и без того уже по многим причинам проблематичный, и отступление на позиции в южном Пераке сохранили бы боеспособность значительной части английских и сражавшихся здесь индийских частей для решительного сопротивления, а возможно, и для контрудара по флангам смыкающихся в Пераке японских клещей. Некоторые командиры английских частей, знавшие этот район и ведшие бои на месте, хорошо видели такую возможность. Но приказы шли из Сингапура.

А здесь, в этом городе, подвергшемся пока лишь единичным воздушным налетам, преобладало мнение, что сдерживающими боями на всех участках фронта можно перемолоть силы противника. На самом деле это было не так.

Сдерживающие бои в гористой местности, покрытой лесами, а то и непроходимыми болотами, изматывали обороняющиеся войска. Между тем противник, продвигаясь вдоль дорог, всегда имел преимущество, ибо в бой вступали только его авангарды. Через определенные промежутки времени их сменяли идущие позади части, благодаря чему при столкновении с противником японцы всегда располагали свежими боеспособными силами, которые превосходили утомленных отступающих англичан и индийцев.

Каждый в Малайе знал, что цель японского нападения — Сингапур. Тем не менее англичане не меняли доказавшую свою несостоятельность тактику. Войска, устали и понесли большие потери в изматывающих боях задолго до решающего сражения за Сингапур. Отдельные дальновидные командиры уже предвидели, к чему приведет такая тактика. Некоторые (среди них был и командующий австралийскими войсками генерал Гордой Беннет) более или менее открыто высказывали несогласие с нею. Но никаких изменений не произошло, отступление, сопровождавшееся большими потерями, продолжалось.

День и ночь усталые, оборванные солдаты, отступая, бились за узкие дороги сквозь джунгли и за железнодорожные линии, подвергались налетам японской авиации, постоянно

находились под угрозой танковых атак. Дождь, зной, непролазная грязь и москиты еще больше изматывали войска. Страх перед быстрым охватывающим маневром японцев лишал их уверенности в себе. Боевой дух стал быстро падать. Постоянное отступление со всеми его тяготами, убийственный климат и разочарование катастрофическими просчетами командования, а также физическое истощение солдат снижали боеспособность английских и австралийских частей.

Боеспособность же индийских частей страдала и по другим причинам. Индийские солдаты — а они составляли примерно половину английской армии в Малайе — принадлежали к угнетаемому колониальному народу. Они служили в армии страны-угнетательницы во имя чужих интересов. Во время все более бесперспективной кампании, в условиях крайнего психического напряжения чувство ненависти к английским колонизаторам с каждым днем все сильнее брало у них верх. В этой ситуации индийским солдатам было трудно понять необходимость отпора японскому империализму, угрожавшему и Индии.

Так на глазах таяла боеспособность британской армии в Малайе. А японские командиры зажигательными речами внушали своим солдатам, как легко обратить в бегство, разгромить и победить этого врага. Слушая их, японские солдаты с удовольствием жевали английский шоколад. Они поедали английские пайки из продовольственных запасов отступающих, использовали английский авиационный бензин, захваченный на оставленных противником аэродромах. Английские грузовики, брошенные на обочинах дорог, теперь перевозили немалую часть японских войск. «Воздух принадлежит нам, море — тоже! — высокомерно хвастали японские офицеры. — А у Джитры мы разобьем противника и на земле! Банзай!».

Полевые укрепления у Джитры были сооружены за несколько недель. Это была отнюдь не мощная оборонительная линия с дотами и дзотами, надежно вкопанными в землю орудиями и системой окопов и ходов сообщения, а сеть отдельных, мало связанных между собой пехотных позиций, наспех оборудованных в сырой земле. Проволочных заграждений, как и минных полей, было мало. Орудия были вкопаны лишь наполовину или же прикрыты от осколков мешками с песком. Ядром обороны служила переправа через реку Бата¹⁴. Здесь находился мост, имевший решающее значение. Так, во всяком случае, считали английские саперы. Однако при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что под покровом ночи вражеская пехота могла без особых трудностей перейти реку вброд. Позиции у Джитры были сооружены с целью преградить продвижение противника по проселочной дороге из Сингоры, через Джитру, Алор-Стар и Гурун в Сунгей-Патани — ближайший узел шоссе и железных дорог. С этой целью позиции у Джитры были заняты двумя бригадами 11-й индийской дивизии, поддержанной орудиями 153-го полка полевой артиллерии, 22-го полка горной артиллерии и 80-й бригады противотанковой обороны. За ними в резерве находилась 28-я индийская бригада. Командир 11-й индийской дивизии генерал-майор Муррей-Лайон, осмотрев позиция, остался недоволен ими и удалился с озабоченным лицом.

Вокруг дороги лежали болота и залитые водой рисовые поля. Вдали располагались каучуковые плантации, облегчавшие противнику подход; к тому же через болота можно было легко пройти по бесчисленным узким тропам. Но болота мешали обороняющимся, которые были ограничены жесткими позициями и не имели свободы маневра для развертывания своих сил.

В вечерних сумерках 10 декабря в предполье появились первые авангардные подразделения японцев. Они начали прощупывать оборонительные сооружения и втянули в кровопролитный бой выдвинутую к северу часть гуркхов¹⁵. Японцы снова показали свое

14 Правый приток р. Кедах.

15 Гуркхи (гурки) — народность, проживающая в предгорьях Гималаев, главным образом в Непале. Славилась мужеством и стойкостью в бою. Гуркхов охотно вербовали в армию Британской Индии.

умение быстрыми наступательными ударами привести в смятение тяжелое на подъем английское командование.

Еще ночью у самого северного моста через небольшую реку обороняющиеся потерпели крупную неудачу. Отряд подрывников, залегший у моста, услышал приближение тяжелых автомашин. Предполагая, что это японцы, он взорвал мост. Однако на северном берегу реки стояли не японцы, а англичане с десятком орудий крупного калибра, которые уже не могли переправиться на противоположный берег. В течение ночи их без труда захватили надвигающиеся японские части. На выручку им на другой берег была брошена рота индийских солдат. Но английская полевая артиллерия, расположенная дальше к западу, обстреляла своих, тоже приняв за противника. Муррей-Лайон видел, что дело идет к катастрофе. В отчаянии он позвонил в Сингапур, чтобы добиться отвода своей дивизии к Гуруну. Но Персиваль решительно отказал.

И вот рано утром начался бой с подошедшими японскими частями. К полудню обороняющиеся были отгеснены к последнему мосту через реку Бата. Японцы продвигались исключительно по дороге, высылая лишь по обеим ее сторонам боевые охранения. Местность позволяла им осуществлять эту экономную тактику. К тому же японцы еще не подбросили достаточного количества войск, чтобы рисковать наступлением широким фронтом. Они располагали всего лишь пятьюстами пехотинцами и поэтому в течение дня ограничились артиллерийской дуэлью. Когда стемнело, они выслали несколько ударных групп, которые должны были форсировать реку и дезорганизовать оборону противника.

В это время Муррей-Лайон наконец получил из Сингапура разрешение отвести свои части к Гуруну. Он и не подозревал, что отступает перед более слабым противником. Но, даже точно зная силы японцев на другом берегу реки, он все равно не смог бы нанести им в этом месте решающее поражение. Он не сумел бы сконцентрировать артиллерию, которая находилась слишком далеко на западе и была по болотам, где предполагалось скопление противника. А ведь одного-единственного мощного артиллерийского налета по скоплению японцев у моста было бы достаточно, чтобы обрести свободу маневра. Но такого артналета не последовало. Вместо этого под покровом темноты Муррей-Лайон начал постепенно снимать свою дивизию с позиций. Тьма была такая, что хоть глаз выколи, к тому же начался тропический ливень, и в это время английские части неожиданно были обстреляны просочившимися японцами. Японские ударные группы правильно оценили обстановку: противник хочет в темноте оставить позиции, в этот момент и легче всего ударить. Японская артиллерия с другого берега безжалостно била по отступающим, хотя при этом могла поразить и своих.

Подразделение гуркхов взорвало мост через реку Бата и оборонялось еще несколько часов, но затем линия Джитры была открыта наступающим. Японцы потеряли всего двадцать семь человек убитыми и примерно восемьдесят ранеными. Бой длился пятнадцать часов. Дивизия Муррей-Лайона бросила на поле боя пятьдесят исправных орудий, пятьдесят пулеметов, около трехсот грузовиков, вывезти которые она в темноте не сумела, боеприпасы, а также запас продовольствия на всю дивизию, которого хватило бы примерно на три месяца. Оно весьма пригодилось противнику: путь подвоза из Сингоры был длинен, и японские солдаты имели при себе лишь немного вареного риса и соли. Грузовики были использованы по назначению: вперед на юг!

Осматривая оставленные позиции, японские командиры были весьма удивлены. Только теперь они поняли, что решающее значение для их успеха имела тактическая ошибка противника, который не сумел приспособиться к местности. Вместо того чтобы создать небольшие подвижные группы и продвигать их вперед при массивной поддержке артиллерии с целью встретить наступающие японские части, английское командование расплыло свою артиллерию, а солдат заставило окопаться. Да к тому же еще и плохо!

Первую половину дня Муррей-Лайон непрерывно отступал. Сразу же за Алор-Старом через реку Кедах проходила подготовленная к взрыву железнодорожная линия. Она тянулась почти параллельно дороге на юг. На путях еще стоял вполне боеспособный английский бронепоезд. Как только Муррей-Лайон со всеми частями перешел на другой берег, мост был взорван. Но заряды были заложены плохо, и саперы подогнали бронепоезд, чтобы тот своим весом обрушил полуразрушенный мост. Бронепоезд подошел к месту обрыва рельсов, но мост оставался недвижим. Поскольку мост легко мог оказаться под обстрелом, бронепоезд отъехал назад и исчез на другой стороне реки в джунглях. Мост заминировали снова. Но тут на северном берегу реки Кедах вдруг появились японские авангарды на английских мотоциклах. Спрыгнув с них, они взяли под обстрел саперов, которым в последний момент все-таки удалось подорвать второй заряд, обрушивший мост, но не задержавший японцев. С наступлением темноты те без помех переправились через реку — на самодельных плотках и маленьких рыбацких лодках. Японцам удалось соорудить из стволов деревьев временную переправу, по которой они перебросили на противоположный берег легкие танки и грузовики.

И снова наступила бурная ночь. Под непрерывным ливнем солдаты Муррей-Лайона с трудом тащились по непролазной грязи к Гуруну. Станет ли Гурун тем неприступным фортом, о который разможит себе голову противник?

У Гуруна, всего в нескольких километрах от берега, дорогу пересекала железнодорожная линия. А между ней и побережьем возвышалась примерно на тысячу метров гора Кедах. На склонах ее росли каучуковые деревья. Множество наспех мобилизованных рабочих из местного населения за несколько дней создали здесь под наблюдением военных своего рода систему оборонительных сооружений, на которой солдаты Муррей-Лайона должны были оказать сопротивление врагу. Она была спланирована за письменным столом, вдали от этого моста, и получилась более чем неудачной. К тому же готова была лишь незначительная ее часть, поскольку работы начались слишком поздно.

Когда к полуночи части 11-й индийской дивизии достигли назначенного района, им пришлось самим достраивать оборонительные сооружения. Усталые, недовольные, голодные, насквозь промокшие, принялись они за работу. Муррей-Лайон понял, что в сложившихся условиях он недолго сможет удерживать позицию. Но катастрофа наступила быстрее, чем он полагал.

В два часа ночи прояснившееся небо покрылось японскими бомбардировщиками. Они систематично бомбили и обстреливали бортовым оружием район обороны. Совершенно деморализованные солдаты бросились в полуготовые стрелковые ячейки. Но тут вдруг откуда ни возьмись появилась японская пехота. Она продвигалась вдоль дороги, прямо-таки наступая на пятки отступающим. Из больших грузовиков, захваченных у Джитры, выскакивали сотни японцев, тут же группировались и шли в атаку. За грузовиками следовали танки — теперь они открыли огонь по едва окопавшимся обороняющимся. Японские солдаты продвинулись до самого пункта пересечения проселочной и железной дорог и закрепились там до рассвета. К тому времени они подтянули несколько минометных батарей, которые взяли части Муррей-Лайона под прицельный огонь. Немного погодя начался решающий штурм. Японцы прорвали передний край обороны, защищавшийся индийскими солдатами, быстро захватили командный пункт и перебили почти весь штаб.

Муррей-Лайон снова приказал отступать, на этот раз на тридцать километров южнее, где протекала река, служившая границей между Кедахом и провинцией Уэллесли. Еще на пути туда Муррей-Лайон получил донесение, что японцы, пробиваясь от Паттани, через Крох продвинулись до района Грика. Клепсы вот-вот сомкнутся. Но в самый последний момент частям 3-го индийского корпуса удалось блокировать продвижение японцев у Грика и между Крохом и Сунгей-Патани. Английские войска, отступавшие из Северной Малайи, еще раз избежали окружения. Надолго ли?

В ночь с 16 на 17 декабря европейцы, жившие на острове Пенанг, в страшной спешке эвакуировались в Сингапур. Матросы с «Принца Уэльского» и «Рипалса», пережившие гибель своих кораблей, помогали переправлять на юг женщин и детей на каботажных судах, небольших парусных яхтах, моторных лодках и баржах.

Пенанг был сдан. Но англичане оставили там на якоре огромное количество джонок и сампанов. Перед эвакуацией острова не были взорваны ни склады вооружения, ни нефтехранилища. Даже радиостанцию Пенанга не успели вывести из строя. Через неделю японцы уже использовали ее для своей пропаганды. А тысячи джонок и сампанов послужили японским войскам желанным средством для переправы их десантов, которые они высаживали на западном берегу Малайи, все дальше к югу.

Сдача Пенанга избавила части 11-й индийской дивизии от необходимости и дальше удерживать японцев на прежнем рубеже. Муррей-Лайон отвел своих измученных солдат сначала в район реки Криан, примерно на сорок пять километров южнее. Здесь они должны были наконец собраться с силами. Но уже поступило известие, что японцы прорвались у Грика и пробиваются к Куала-Лумпуру. Поэтому английское командование решило отвести все войска за реку Перак. Однако к этому времени японцы, прорвавшиеся у Грика, стали продвигаться в направлении Ипох, лежавшего на двадцать пять километров южнее реки Перак.

Северная Малайя была потеряна. А уже к Рождеству стало ясно, что англичанам не удержать и Центральную Малайю.

От реки к реке

Майор Асида встретил Новый год в Джорджтауне на острове Пенанг, куда он прибыл незадолго до Рождества. Асида был достаточно образован, чтобы понять, какое значение имел для англичан этот праздник. Он внимательно наблюдал, как вели себя в эти дни английские военнопленные, согнанные на небольшой песчаный пляж на берегу напротив Пенанга. Они не пытались имитировать рождественские елки {скажем, из веток и станиоля от выброшенных сигаретных пачек), петь рождественские псалмы или молиться вслух. Возможно, потому что среди них не было священника. Но имелось и другое объяснение, более правдоподобное. Большинство из них не рассчитывало выбраться отсюда живыми. Они выглядели фаталистами, покоришимся судьбе. Ведь только немногие продолжали на поле боя борьбу, когда она стала бесперспективной. Да, «таи атари» среди англичан не было. Как только бой принимал невыгодный для них оборот, они поднимали руки и сдавались.

Что касается оценки воинской доблести, то здесь Асида был образцовый выученик японской военной академии. Борься, чтобы погибнуть славной смертью, бороться, до последнего мига храня верность присяге императору! Недавно Асида беседовал с одним английским лейтенантом. Его поразило, когда тот признался: «Мы сражаемся, чтобы жить, господин майор!» Какое знаменательное различие! Солдат императора, стоит лишь ему надеть военный мундир, — ничто, мертвец в отпуске. Не тот заслуживает почестей, кто вышел из боя живым, а тот, кто погиб. Так повелось в течение многих поколений. И ордена давали в основном мертвецам. Сюда из Сингоры, где находились тылы, прибыл Итагаки. Часть № 82 была расформирована. Она выполнила свою задачу. Но лучшие ее офицеры, в числе их был и Лсида, теперь получили от Итагаки особые задания в районе боев. Молодой майор разведвал вражескую территорию со всей тщательностью, какой от него ожидали. Теперь перед ним стояли другие задачи.

— Что с ними будет? — кивнул Асида в сторону пленных англичан. Итагаки обнажил зубы. Это означало улыбку.

— Предоставим им лежать на солнце и голодать, пока не перемерут слабые. А

оставшиеся будут работать на нас. Идемте...

Итагаки и Асида на пароме переправились на Пенанг. Но они не поехали в Джорджтаун, все еще находившийся на осадном положении. Особые команды разыскивали английских солдат и не успевших эвакуироваться гражданских лиц. Кроме того, потребовалось много времени для проверки китайского населения. Пенанг был преимущественно населен китайскими переселенцами, и тех, кто симпатизировал своей родине, расстреливали.

Генерал Итагаки со своим штабом занял виллу английского торговца копррой. На большом бильярдной столе в гостиной были разложены оперативные карты. Отложив в сторону фуражку и выпив поданный ординарцем стакан холодной воды, Итагаки склонился над картой Малайи. Асида встал рядом. Он прибыл для получения приказа. Но сначала, подумал он, Итагаки, как обычно, даст оценку обстановки. И Асида не ошибся,

— Вот здесь, майор, — произнес генерал, — находятся наши войска. Как видите, оснований для недовольства у нас нет. — И палец его скользнул по всему западному побережью. — С тех пор как мы взяли рубеж Джитры, англичанам не пришел в голову ни один новый тактический маневр. Они отступали от одного естественного рубежа к другому, надеясь сосредоточить где-нибудь свои силы и оказать серьезное сопротивление. Мы же продвигались от одной дороги к другой, от одной реки — к следующей. А ведь почти каждая река, текущая с востока на запад, должна была стать непреодолимым для нас препятствием. Этот расчет англичан не оправдался. После Джитры мы разбили их на реке Перак, затем на реке Слим; тогда они на следующий же день оставили Куала-Лумпур и Порт-Суэттенхем, отступая все дальше и дальше, пока не оказались примерно здесь... А теперь они пытаются закрепиться вот на этой небольшой реке. Ее название — Муар...

Асида был знаком с фронтовой обстановкой. Северная Малайя англичанами потеряна. Японская армия продвигается — от реки к реке — через Центральную Малайю к месторождениям олова, к богатейшей части страны. Как и следовало ожидать, главные бои разгорелись на западном участке фронта. Войска же, высадившиеся у Кота-Бару, напротив, продвигаются вдоль побережья к югу, не встречая значительного сопротивления, и обеспечивают немногие коммуникации, которые ведут с восточной части полуострова в западную. Оттуда, где сейчас японские войска, все пути, через султанат Джохор, лучами сходятся к Сингапуру,

Северная и Центральная Малайя захвачены столь быстро, не в последнюю очередь, потому, что японская армия хорошо приспособилась к географическим особенностям страны. Территория Малайи примерно равняется Англии. Посередине проходит горная цепь, местами превышающая три тысячи метров. Она делит полуостров приблизительно пополам. Между западным и восточным побережьями всего несколько проезжих путей. В результате восточное побережье мало населено и слабо укреплено, почти все значительные города, все наиболее крупные месторождения олова, грунтовые дороги и железнодорожные линии находятся на западном побережье и в его глубине. На крайнем севере Малайи выращивают преимущественно рис, тогда как Перак и Селангор — чуть ли не склад малайского олова. Между западным побережьем и центральным горным районом до самых гор поднимаются вверх обширные каучуковые плантации, а между ними вновь простираются необозримые джунгли. Стоит взглянуть на карту Малайи, и становится ясно, что все ее богатства уже находятся в руках японцев. Впереди перед армией лежит лишь Джохор с его культивируемыми каучуковыми и фруктовыми плантациями, а за ним — крепость Сингапур.

— Они будут оборонять реку Муар с целью выиграть время, — пояснил Итагаки. — Оно им требуется для того, чтобы через Джохор стянуть оставшиеся войска к Сингапуру. Но мы не хотели бы задерживаться на Муаре. Поглядите сюда... — Река Муар текла, извиваясь, через скалистую долину, расширяющуюся только вблизи побережья. — Местность тут

труднопроходимая. Если англичане здесь закрепятся, начнутся затяжные бои. А для нас это нежелательно. Мы не хотим расходувать свои силы до того, как переправимся в Сингапур. По-этому мы обойдем англичан. Морем. Ударим им в тыл. Узнав, что мы у них в тылу, они живо прекратят сопротивление на Муаре. Вам понятно, майор?

Разумеется, Асиде было понятно. Ведь он с самого начала участвовал в планировании нападения, а то, что сейчас разъяснил ему Итагаки, было логическим продолжением всей прежней тактики.

— Насколько мне известно, — заметил Асида, — на этом участке стоят австралийские войска.

Генерал кивнул:

— «Аустрэлиен импэриал форсес». Они действуют на малайской земле «уда лучше англичан. Именно поэтому нам не следует задерживаться на Муаре. Мой приказ вам, майор: с тремя ротами вы па местных судах выйдете в море и двинетесь, держась как можно ближе к берегу, в южном направлении. 15 января вы высадитесь в устье реки, на ее южном берегу, там, где расположен порт Муар. Захватите город. Одновременно части 5-й дивизии нанесут удар с северного берега реки и форсируют ее. Часть ваших солдат высадится не в устье Муара, а еще южнее. Здесь, примерно в сорока километрах, — небольшая бухта, а на краю ее, обращенном к суше, лежит город Бату-Пахат. Отсюда вы пробьетесь снова на север, до населенного пункта Парит-Сулонг, где находится тот мост, по которому при отступлении от Муара обязательно должны пройти австралийские части. От быстроты захвата вами, майор, Парит-Сулонга будет зависеть, скольким австралийцам генерала Беннета удастся выскользнуть из нашей западни. Вы меня поняли?

— Отлично, господин генерал!

План рискованный, но должен удалиться, подумал Асида. Он любил такие задания.

— Где расположены сейчас главные силы австралийцев? — спросил он.

— У Гемаса, в пятидесяти километрах севернее Муара.

Им придется немедленно отступить, лишь только они узнают, что мы действуем в устье Муара, размышлял Асида, склонясь над картой. Свой отряд он сформирует в Малакке. Он углубился в расчеты, когда генерал пододвинул ему бамбуковый стул:

— Садитесь, майор. Нам надо обсудить кучу деталей, а времени у нас мало...

* * *

Утром 11 января 1942 года над небольшим портовым городом Муар появились и сбросили свой смертоносный груз рои бомбардировщиков. Сначала англичане приняли это за обычный налет, но каждые два часа бомбардировщики возвращались, и так продолжалось до января. В этот день к восходу солнца на пологом северном берегу против города появились первые авангарды 5-го гвардейского полка японцев. Они смяли выдвинутые вперед части 45-й индийской бригады и к одиннадцати часам уже без помех овладели северным берегом устья.

Несколькими километрами глубже осторожно продвигалась другая группа японских солдат. Солдаты несли с собой легкие бамбуковые плоты. Добравшись без столкновения с патрулировавшими здесь частями 45-й индийской бригады до непроходимой местности, они залегли до наступления темноты. Затем на плотках незаметно переправились на другой берег, где находилось несколько английских понтонов, и оттянули их назад к северному берегу. Туда, под покровом темноты, прибыли уже и другие японские части, которые с ходу, на английских понтонах, переправились на южный берег. Всю ночь понтоны курсировали между берегами, и ни один английский патруль не заметил их движения туда и обратно. Потом выяснилось, что после появления японцев у города Муар индийские солдаты боялись ночью покидать свои позиции.

В одиннадцать часов утра японцы, вместе с переправленными с северного берега частями и другими подкреплениями, с моря атаковали город. Ко второй половине дня они вывели из строя гарнизон и другие находившиеся в этом районе части, а к вечеру и город и порт уже были в их руках. На оставшемся неповрежденным моторном пароме генерал Насимура переправил через Муар свои танки.

* * *

Тем временем майор Асида с нетерпением ожидал радиограмму из Муара. Предстоящую операцию он до мельчайших деталей обсудил с участвующими в ней офицерами, и, по его мнению, все должно было удалиться наилучшим образом. Сам он сидел на носу небольшой джонки, плившей во главе дюжины подобных лодок к югу — в направлении Бату-Пахата. И вот донесение о захвате Муара наконец получено. Асида вздохнул с облегчением. Теперь — не терять времени, чтобы опередить англичан, которые тоже получили такое известие. Разведка еще во второй половине дня донесла, что австралийские части начали отход в район Гемаса. Через сутки они могут оказаться уже за Муаром. Кроме того, англичане могут срочно направить из района Ион-Пенга, где, по японским данным, находился командный пункт генерала Беннета, свои части в направлении Муара с задачей перехватить противника. Надо достигнуть Парит-Сулонга. Но первоначальная цель — Бату-Пахат. Асида взглянул на часы. Он заметил, что рулевой подал ему знак. По левую руку, еще далеко, стала видна горящая точка: маяк Бату-Пахата. Асида знаком приказал остановиться. Было еще слишком рано.

Маяк Бату-Пахата стоял в конце длинного пирса, прямо там, где причаливали лодки рыбаков. Его велели построить англичане, чтобы облегчить перевозку грузов вдоль западного побережья. Бату-Пахат служил перевалочным пунктом по пути в Клуапг, а оттуда грузы шли дальше к Мерсингу, на восточном побережье. Бату-Пахат был столь важен для перевалочной торговли, что оправдывалась постройка маяка при входе в него. Маяк помогал даже ночью входить в гавань мелким прибрежным судам и джонкам, рулевые которых обладали весьма скудными навигационными познаниями.

В эту ночь в Бату-Пахате было еще тихо. Население полагало, что англичанам все же удастся остановить японцев, но надежда была слабая. Сторож маяка, пожилой малаец, отправился на свой пост. Сменив другого сторожа, он заступил на суточную вахту. Дело не слишком сложное: маяк был сконструирован очень просто. Приводимый в движение электричеством мотор вращал слева направо, вечно в одном и том же ритме, огромный прожектор. Сторожу надо было только время от времени смазывать механизм вращения прожектора, а если подача тока вдруг прекратится, звонить на электростанцию. Можно было и поспать, так как прожектор соединялся с сигнальным устройством, которое автоматически издавало резкий звук, лишь только свет гас. За все время службы малайца это случилось только дважды.

В тот вечер он, как всегда, завернулся в одеяло, лег на койку в распределительной и заснул. Он не слышал, как около полуночи кто-то открыл внизу дверь и по бетонной лестнице поднялся вверх. Человек, тихо взбиравшийся по ступеням, был японец Окамура из Бату-Пахата, живший там уже больше десяти лет. Кроме нескольких лиц в Токио, никто не знал, что этот дружелюбный, предупредительный человек — старший лейтенант запаса императорской армии. Японская разведка направила его в Бату-Пахат под видом безобидного садовника, желающего подзаработать в Малайе.

Окамура замер и прислушался. Все тихо. Вытащил из кармана куртки плоский армейский пистолет и бесшумно снял его с предохранителя. Потом преодолел последние ступени и быстро вошел в распределительную. Сторож спал крепко и не услышал, как японец приблизился к его койке. Окамура выстрелил малайцу в висок, потом натянул одеяло

на голову убитого и подошел к доске с рубильниками. Ему не пришлось искать нужный рычаг, чтобы закрыть прожектор красным стеклом. Потянув его, он посмотрел на часы, через минуту вернул рычаг в исходное положение, открыл окно и поглядел на море.

Асида увидел красный сигнал. По его команде джонки двинулись к входу в гавань. Через четверть часа японские солдаты высадились на сушу под маяком. Не привлекая к себе внимания, они скрылись в высоком каменном здании. Несколько из них встали на посту около маяка. Джонки были привязаны, и вскоре все затихло.

Наверху, в башне, садовник Окамура уже надевал принесенный с собою мундир. Японцы выждали примерно с час, пока в бухту не вошел еще один караван джонок. На этот раз с них высадились рота солдат, доставивших велосипеды, минометы и станковые пулеметы. Никто во всем городе не заметил, как эти подразделения, наведенные на цель Окамурой, окружили город и направились к развилке дорог, на полпути между Парит-Сулонгом и Ион-Пенгом. Еще до рассвета Окамура, агент части № 82, добрался со своим отрядом до нее. Здесь в маленькой деревне Пеландок стоял всего лишь слабо вооруженный австралийский дорожный дозор. Его бесшумно сняли за несколько минут.

В ранних утренних лучах со стороны Ион-Пенга показалась английская штабная машина. Она мчалась в Парит-Сулонг, откуда поступили тревожные данные о появлении японских войск юго-восточнее Муара. Развилка была преграждена двумя поваленными деревьями. Машина остановилась, и в тот же момент в нее полетели ручные гранаты. Никто из сидевших в ней не остался в живых.

Совершенно неожиданно для них английским и австралийским частям не удалось создать прочной линии обороны от Гемаса до Ион-Пенга. Просочившиеся японцы первоначально уступали им по численности, но произвели такое смятение, поставили коммуникации под такую угрозу, что не могло больше быть и речи об упорядоченном отходе. На дорогах, еще вчера находившихся в глубоком тылу, внезапно появлялись бамбуковые завалы. Противник останавливал колонны австралийских машин и обстреливал их. Легкие японские танки, форсировавшие Муар, двигались вдоль побережья по дороге на Бакри и Парит-Сулонг. Постоянно появлялись бомбардировщики, которые бомбами и бортовым оружием уничтожали или рассеивали любое скопление английских и австралийских частей.

За несколько часов положение обострилось настолько, что генерал Персиваль срочно встретился с Гордоном Беннетом, австралийским командующим в этом районе, и заявил о своем согласии на немедленный отвод войск. Отчетливо обозначилась угроза окружения всех частей в районе Муара. Получив приказ, об отходе, офицеры облегченно вздохнули. Но было уже поздно. Японский удар через Бату-Пахат в направлении развилки дорог между Ион-Пенгом и Парит-Сулонгом оказался неожиданно опасным. Продвинувшись в этот район, японцы блокировали единственный мост у Парит-Сулонга, через который неизбежно должны были пройти все английские и австралийские части.

Парит-Сулонг был всего лишь маленьким, незначительным селением. Но в один миг обладание им, а также находившимся перед ним мостом приобрело решающее значение. Мост был стар и не столько служил переходом через узкое русло реки, сколько давал возможность преодолеть труднопроходимую болотистую местность на обоих ее берегах.

Населенный пункт этот занимал 6-й батальон только что прибывшей в Сингапур 53-й британской бригады. Это было одно из подкреплений, доставленных из Индии, но совершенно лишенных опыта войны в джунглях. При первой же атаке японских ударно-диверсионных групп батальон был почти полностью уничтожен. Уцелевшие солдаты рассеялись, по краям болот, где офицерам удалось вновь их собрать. Для боевых действий сюда было направлено из Ион-Пенга подразделение пенджабцев. Не опознав друг друга, англичане и пенджабцы вступили в бой между собою. Неразбериха была полная. А тем временем японцы соорудили на мосту перед Парит-Сулонгом сильное заграждение и, заняв предмостное укрепление, установили там противотанковые орудия и пулеметы. Из Бату-

Пахата прибыл майор Асида, который поддерживал непрерывную радиосвязь с продвигающимися к реке Муар частями генерала Нисимуры. Западня захлопнулась.

Через сутки 45-й индийской бригады в районе Бакри больше не существовало. В кровопролитных для обеих сторон боях японцы потеряли значительное число легких танков, но тем не менее продвинулись дальше. Остатки 45-й индийской бригады были слиты с бегущими австралийскими частями, и 20 января они начали отступление из района Бакри в направлении Ион-Пенга. Пройдя всего лишь несколько километров, они натолкнулись на японское дорожное ограждение и вынуждены были с большими потерями прокладывать себе путь.

Японцы постоянно вовлекали отступающие войска в изматывающие бои, но не стремились к окончательной развязке. Они знали, что она наступит около моста у Парит-Сулонга. Здесь войска противника бросятся врассыпную и в поисках спасения побегут через болота и джунгли на юг. Вновь собрать разбитые части и ввести их в бой на этом участке между Парит-Сулонгом и Сингапуром будет невозможно.

Между тем находившиеся под командованием полковника Андерсона английские и австралийские части, отступая на Парит-Сулонг, все еще полагали, что им удастся пройти по мосту и закрепиться на другой стороне реки. Когда же после доброго десятка арьергардных боев, в которых японцы бросали против них пикирующие бомбардировщики и танки, они наконец подошли к Парит-Сулонгу, то убедились, что путь через мост прегражден. Потрясенный Андерсон тут же приказал искать укрытия в джунглях, пока не выяснится положение. Он позаботился о том, чтобы две оставшиеся автомашины — это были санитарные автомашины, полные раненых, — были хорошо замаскированы на обочине дороги, а потом выслал разведку в направлении Парит-Сулонга.

Убийцы-самураи

Робин Кларк бросил свой рюкзак на обочину дороги и присел. У него еще оставались две ручные гранаты и куча патронов, но он даже позабыл о них, настолько был изможден. И все-таки он знал, что ему не заснуть, а потому скрутил сигарету и закурил. Кларк не чувствовал ни пузырей на ступнях, ни ссадин на ногах. За минувшие дни ему не раз приходилось уничтожать присосавшихся к коже пиявок огнем сигареты. Эти мерзкие, мертвенно-бледные червяки пролезают буквально через каждую дырку в одежде и незаметно впиваются в кожу. А снимешь — остаются маленькие открытые ранки, которые начинают гноиться и неделями не дают покоя. Лицо, шея, руки, ладони искусаны москитами. Кларк зачастую поражался, что все еще в состоянии идти в строю. Но тело подчинялось велению рассудка, и так Кларк дотащился сюда от Джитры почти без пищи и воды, выдерживая десятки боев, хороня убитых. Теперь он находился в таком состоянии, когда ему было совершенно безразлично, о чем совещаются там, впереди, в голове колонны. Он мечтал лишь о нескольких часах сна. Но рассчитывать на это не приходилось.

Собственно, Кларк давно уже отбилсЯ от своей части. Когда японцы прорвали оборону у Джитры, ему вместе с пятью индийскими солдатами удалось, тропами пробираясь сквозь джунгли, снова присоединиться к отступающей 11-й индийской дивизии. У Перака он находился в ее арьергарде, отрезанном японцами, и только неделю спустя снова встретил своих, австралийцев. Они взяли его к себе. Так как догнать отступавшую на юг 11-ю дивизию Кларк не мог, он шел теперь с частями Андерсона. С ним были еще двое его пенджабцев. Сейчас они, растянувшись, лежали рядом и, как ему показалось, молча ожидали конца. Он передал им окурки, и они тоже пару раз затянулись. Сколь ни жаждал Кларк покоя и сна, он был очень взволнован, понимая, что покой в такие моменты опасен. Надо находиться в движении, если не хочешь сломаться и потерять свою энергию навсегда. Он нерешительно

встал и пошел вперед.

Через сотню метров он наткнулся на Криса Беккера, складным ножом открывавшего банку тушенки. Беккер после захвата власти фашистами эмигрировал из Германии и в конце концов поселился в Австралии, где работал в авторемонтной мастерской в Мельбурне, пока его не призвали в армию. Почему он уехал из Германии? На это Беккер без обиняков ответил Кларку:

— Я социал-демократ. До января 1933 года я верил, что мы вместе с коммунистами не позволим этому австрийскому мазиле сесть нам на шею. И это было возможно. Но у нас, социал-демократов, были плохие вожди. Они хотели, как они мило заявляли, дать Гитлеру похозяйничать, чтобы он обанкротился. Это был бред, и многие из нас понимали это. Но мы уже ничего не могли изменить. Так фашисты пришли к власти, и началась охота — и на коммунистов, и на социал-демократов. Можешь считать меня трусом, это я уехал, прежде чем меня засадили в тюрьму. Во всяком случае, мне сразу стало ясно, что Гитлер — это война, а я не хотел воевать за чужое дело. Вот так я и очутился здесь.

Как это у тебя еще сохранилась тушенка? — как бы между прочим осведомился Кларк, садясь рядом с Беккером. Тот протянул ему банку и ответил, продолжая жевать:

— Австралия, мой милый обедневший англичанин, страна богатая. С зелеными лугами. А на лугах — коровки. У тебя табачка не найдется?

Кларк кивнул, а Беккер пробурчал:

— Тогда заключим сделку. Международный товарообмен на самом низшем уровне.

Они вместе опустошили банку тушенки. Беккер сказал с подозрением:

— Знаешь, что я заметил? Весь день над нами торчали эти «Зеро». А теперь вдруг — тихо. Что у них, выходной?

В этот момент Кларк скручивал сигарету.

— Не беспокойся. Они прекрасно знают, что мы у моста. Скоро вернутся.

— Вперед нам хода нет, — сказал Беккер. — Мы в ловушке. Отсюда нам не выйти.

В ответ Кларк лишь пробормотал:

— Я уже не раз выходил из таких ловушек.

До наступления вечерних сумерек самолеты не появились. И японская пехота, следовавшая за колонной, тоже держалась тихо. Среди солдат пополз слух: Андерсон ведет с японцами переговоры. Действительно, к вечеру полковник начал думать о такой возможности. Ему стало ясно: надо либо пробиваться, либо сдаваться. Но в санитарных машинах у него было несколько десятков раненых. С ними не прорваться. В конце концов Андерсон решил укрепить на обеих санитарных машинах рядом с красным крестом еще и по большому белому флагу. Потом водители завели моторы и по слегка поднимающейся вверх дороге медленно тронулись к мосту. На японской стороне майор Асида, приложив бинокль к глазам, приказал:

— Дайте им подъехать.

Когда санитарные машины остановились в нескольких сотнях метров от моста, из одной вышли лейтенант и англичанин, с грехом пополам говоривший по-японски. Они медленно пошли к мосту, держа в руках большой белый флаг. Асида поднялся из своего укрытия. Английский офицер отдал ему честь, а спутник перевел:

— Мы просим пропустить по мосту санитарные машины с тяжелоранеными и разрешить им проехать к позициям англичан. Люди нуждаются в срочной медицинской помощи...

Асида дал ему закончить, хотя уже принял твердое решение. Ответ его был короток и ясен:

— Оба вы отправитесь сейчас к своему командиру и сообщите ему: я ожидаю капитуляции всей боевой группы. Пока не вернетесь с капитуляцией, обе машины останутся на том самом месте, где они стоят. Идите!

Узнав об этом предложении, Андерсон закусил от злости губу. Подойти к санитарным машинам теперь было невозможно. Но у Андерсона не было времени размышлять над создавшейся обстановкой. Неожиданно на дороге в хвосте колонны появилось несколько легких японских танков, их снаряды рвались среди австралийцев. С трудом удалось подбить командирский танк и тем заблокировать дорогу. Из леса австралийцев атаковала японская пехота, вооруженная пулеметами и минометами. Бой длился весь вечер. Пока еще японцев удалось сдержать.

Удалось и другое. Во время боя двое водителей под покровом темноты пробрались в кабины стоявших перед мостом санитарных машин и сняли их с ручного тормоза. Дорога от моста шла под уклон, и обе машины бесшумно покатались назад. Они уже отъехали довольно далеко, когда японцы на мосту открыли по ним огонь. Тут оба водителя включили моторы, развернулись под градом пуль и помчались назад. Вскоре они скрылись за деревьями, где уже находилось боевое охранение австралийцев.

Ночь прошла в непрерывных стычках, но японцы не рискнули перейти в решающую атаку. К утру в небе появилось несколько «Бленхеймов»; они попытались сбросить окруженным частям медикаменты и продовольствие. Но один самолет сразу же был сбит в Парит-Сулонге японским станковым пулеметом, а груз другого упал в джунгли. Андерсон понял, что ему надо немедленно действовать. Он приказал передать раненых носильщикам. Боевая группа, все еще насчитывавшая несколько тысяч человек, должна рассредоточиться в джунглях, и пусть каждый самостоятельно пробирается через болотистую лесную местность в направлении Ион-Пенга. Медлить больше нельзя, потому что в хвосте колонны снова разгорелся ожесточенный бой между австралийцами и отрядом японских танков, пробивавшихся сбоку от дороги.

Крис Беккер прицелился в японца, голова которого показалась из-за подбитого ведущего танка. Танк наполовину лежал на боку. Он свалился, и потребуется немало времени, чтобы снова сделать его подвижным. Винтовка Беккера была снабжена оптическим прицелом, к тому же он был отличным стрелком. Он взял японца на мушку, и рука его не дрогнула. Спустил курок и в оптический прицел увидел, как японец медленно осел на землю.

Кларк лежал позади Беккера. Он услышал, как один из пенджабцев что-то крикнул ему сзади, но что именно, не расслышал. Лес, казалось, кишмя кишел японцами. Они предпочитали забираться на деревья и оттуда стрелять по австралийцам. Кларк вытянул одну из двух своих гранат и бросил ее в чащу, где ему послышалось какое-то движение. После взрыва там все затихло. Но зато слева вдруг заговорил пулемет, прочесывавший дорогу позади них. Беккер обернулся, увидел маленькие фонтанчики земли от пуль и сухо сказал Кларку:

— Все. Нам не пройти...

Рассредоточение началось. Кларк и Беккер увидели, что австралийские солдаты, залегшие у моста, теперь начали исчезать в лесу.

— Похоже на «спасайся кто может!» — крикнул Беккер.

Кларк лишь кивнул. Он надел рюкзак, а потом махнул рукой Беккеру:

— Пошли! Нам еще удастся выбраться!

Они переползали через дорогу, когда мимо подбитого танка, сменяя все на своем пути и непрерывно стреляя, прошла еще одна группа японских танков. Это были уже тяжелые танки, и им ничего не стоило просто-напросто раздавить слабую противотанковую оборону австралийцев. В одно мгновение танки оказались в середине колонны. Начался яростный ночной бой. Австралийцы бросали в стальных колоссов последние бутылки с горючей смесью. Некоторые солдаты, обвязавшись связками ручных гранат, бросались под гусеницы танков. Но за танками шла пехота, и вскоре сопротивление австралийцев было сломлено. Никакого командования уже не существовало. Последний приказ Андерсона гласил: всем солдатам поодиночке отходить через болотистый лес на юг.

Японцы очень быстро разгадали этот маневр. Они рассыпались и начали прочесывать джунгли. Часами длились бои на непроходимой местности. Только каждому четвертому из австралийских солдат удалось преодолеть болота. Когда наступила ночь, японцы сделали перерыв в охоте на людей.

* * *

Генерал Нисимура вылез в Парит-Сулонге из танка и прошел в здание, где прежде находился английский телеграф. Теперь здесь располагался передовой командный пункт императорской гвардейской дивизии. Нисимура приказал кратко доложить обстановку. Результатами, операции он был доволен. Утром его части продолжают преследование бегущего противника.

Было уже темно, когда из леса вернулась одна из японских преследующих групп. Она привела около пятидесяти взятых в плен австралийцев, которые по приказу полковника Андерсона пытались вынести на юг тяжелораненых. Солдаты были совершенно измождены. Большинство раненых находилось при смерти или умерло в пути.

Нисимуру пригласили поглядеть на пленных австралийцев. Это отняло у него немного времени.

— Сколько у нас здесь офицеров? — осведомился он у Асиды.

Оказалось, что десять лейтенантов, три майора и один полковник. Нисимура приказал собрать их всех на площади перед телеграфом.

— Офицеры императора! — выкрикнул он громким, резким голосом. — Мы одержали решающую победу. По обычаю наших предков победитель имеет право убить поверженного врага. Я надеюсь, что каждый из вас мастерски владеет мечом, как подобает офицеру императора. Через час мы свершим здесь свой приговор над побежденными. А это значит: голову долой!

Пятьдесят носильщиков были отведены в сторону. Никто из них не знал, что должно произойти, так как ни один не понимал по-японски. Но они почувствовали, что судьба их решится еще этой ночью, ибо им пришлось беспомощно наблюдать за тем, как японские солдаты сбросили с носилок раненых и безжалостно швырнули в бамбуковую хижину. Потом принесли канистры с бензином и облили раненых, а один из японцев, отойдя поодаль, выстрелил из ракетницы. Хижина запылала. Несколько минут слышались вопли заживо сжигаемых.

* * *

Крис Беккер недоверчиво втянул в себя вечерний воздух. Запах гари был непривычен. И Беккер сообразил, что это значит. Шепотом он сказал лежавшему рядом Кларку:

— Это из деревни. Сжигают трупы.

Кларк пожал плечами. После того как шум боя затих, они решили повременить со своим бегством. Они находились в болотистом лесу, и продвигаться дальше было так тяжело, что это окончательно исчерпало бы их силы. Когда же к вечеру японцы оттянулись, Беккер сказал:

— Поверь мне, в болоте они нас возьмут. И не позже чем завтра, когда отдохнут, а мы устанем. Но они наверняка не предположат, что мы уходим в непосредственной близости от дороги...

— Ты хочешь вернуться к дороге? — Кларк сначала даже не понял. Там было оживленное движение. Крупными и мелкими группами проходили японцы, лязгали гусеницы танков. Но, подумав, он согласился, что мысль Беккера верна. Разумеется, на дороге японцы чувствуют себя уверенно, там они отступающих солдат противника встретить не

предполагают, да особенно и искать не станут.

И лишь только наступила ночь, они поползли к дороге. Вскоре добрались до холма, на котором лежала деревня. Они видели японцев, зажегших факелы, видели машины у телеграфа,

— Подождем, пока все стихнет, — проговорил Беккер. Они залегли в нескольких сотнях метров от окраины

Парит-Сулонга на небольшой сильно поросшей высотке, откуда им было все видно. Беккер бодрствовал, а Кларк ненадолго вздремнул, не выпуская из рук винтовку. Он вздрогнул, когда Беккер потряс его за плечо:

— Погляди!

Кларк протер глаза и посмотрел, куда указывал Беккер. На площади перед телеграфом стояло примерно пятьдесят австралийских солдат. На них больше не было ни курток, ни рубашек. Японские солдаты с примкнутыми штыками охраняли их. Кларк заметил, что руки австралийцев связаны за спиной.

— Что они собираются с ними сделать? — спросил он в недоумении. Тут он увидел, как охрана вытолкнула вперед двенадцать пленных — туда, где стояли японские офицеры с длинными сверкающими мечами. Пленным велели встать на колени. Офицеры подошли к ним, по команде Нисимуры разом подняли палаши и резким, взмахом опустили их на затылки своих жертв.

— Они... рубят им головы! — вскрикнул Кларк. Он вскочил, но Беккер с силой прижал его к земле:

— Хочешь, чтобы и нас так же?

— Но... Крис!.. Они отсекают им головы!.. — Кларк в ужасе закрыл лицо руками.

Беккер снял со своей винтовки оптический прицел и теперь смотрел через него. Сжав зубы, он тихо произнес:

— Возьми себя в руки, Робин. Это — фашизм. Или ты не знал, с кем воюешь?

Кларк не ответил.

Немного погодя Беккер опустил прицел и сказал:

— Все. Пятьдесят три человека. Один из них — Флетчер из моего взвода.

Кларк покачал головой. Он никак не мог заставить себя посмотреть на деревню, где японские солдаты сносили теперь в кучу трупы обезглавленных и обливали их бензином. Когда вспыхнуло пламя, он наконец пришел в себя и тихо сказал, обращаясь к Беккеру:

— Поражаюсь, как у тебя хватило мужества наблюдать это, Крис...

Беккер снова прикрепил оптический прицел к винтовке и в раздумье ответил:

— Придет день, когда я смогу это засвидетельствовать. Тогда, когда фашизм предстанет перед судом. Надеюсь, я до этого доживу.

Они пустились в путь. Километр за километром пробирались они вперед вдоль дороги, иногда углубляясь в джунгли, когда на обочинах показывались японские солдаты. Шли они преимущественно ночью, а днем спали.

Питались дикорастущими бананами, препротивными на вкус. На третий день Беккер подстрелил лесного фазана, которого они вдаль от дороги изжарили. Потом снова рискнули выйти на дорогу. Японцев видно не было, но и своих тоже.

— Мы на ничейной территории, — констатировал Беккер. — Теперь только на юг!

Он обследовал дорогу. За последние часы по ней никто не проезжал: следов шин не было, и отпечатков танковых гусениц тоже. Итак, японские танки здесь не проходили.

— Пошли! — крикнул он Кларку. — Теперь-то мы доберемся.

Но у Кларка хватило сил только спросить:

— До Сингапура?

— Да.

— Чтобы они снесли нам головы там?

— Идиот! — вне себя крикнул Беккер. — Мы идем в Сингапур не для того, чтобы дать отрубить себе голову. Мы идем в Сингапур, чтобы биться с японцами и победить их!

К полудню они добрались до какой-то деревни. Жители осторожно выходили из хижин и разглядывали пришельцев. Они держались дружелюбно и принесли им поесть. И все время уверяли, что японцев поблизости нет. Утром здесь даже проезжали английские машины. Впервые за много дней Кларк и Беккер поели горячего. Пили из глиняных кувшинов кристально чистую ледяную воду с земляным привкусом. А под конец Беккер выменял у хозяина хижины фунт табаку на свой складной нож. Хозяин — малаец средних лет — принес ему пригоршню высушенных на солнце кукурузных листьев, из которых можно делать самокрутки. Потом он потрогал беккеровскую винтовку и сказал:

— Пожалуйста... Не продадите?

— А на что она тебе? — с недоумением спросил Беккер.

Малаец смущенно ответил:

— Вы уходите... Придут японцы.

— И тогда тебе понадобится винтовка?

— Да, — ответил малаец.

Беккер поглядел на Кларка. Тот кивнул: он вспомнил об А Пине, который тоже хотел иметь винтовку.

— Я не могу продать ее, — сказал Беккер. — Я солдат.

— Но вы можете ее потерять, — настаивал малаец. Беккер только отрицательно покачал головой. Малаец сказал:

— Ложитесь спать. Мои сыновья пошли на север. Если покажутся японцы, мы узнаем заранее и разбудим вас.

Кларк и Беккер покурили крепкого, жегшего язык табака. Спать было рискованно, во всяком случае здесь, в деревне. Но они могли еще немного отдохнуть, прежде чем идти дальше. Ночью они успеют далеко продвинуться вперед по пустынной лесной дороге.

— Знаешь, — сказал наконец Кларк, — я больше не верю, что мы сможем не отдать японцам Сингапур.

— Я тоже, — сознался Беккер.

— Мы против них слабы, — констатировал Кларк. — У нас нет ни солдат, ни танков, ни самолетов, ни орудий, чтобы справиться с ними. Это — конец.

Беккер пососал самокрутку и покачал головой:

— Глупец ты. Не обижайся. А я-то думал, что такой газетчик, как ты, понимает все гораздо лучше.

— Но я и раньше, еще в Англии, не верил, что при существующих условиях мы сможем отстоять Сингапур, — защищался Кларк.

Беккер возразил:

— Мы смогли бы сделать это, командуй нами не колониальные чиновники в генеральских мундирах, а настоящие солдаты. И если бы мы получше подготовились к стычке с врагом. Ведь мы же знали, с кем она произойдет. Японцев можно бить точно так же, как и германских фашистов.

— Ну, покато они бьют нас. Беккер посмотрел ему прямо в глаза.

— Парень, тебе еще многому надо поучиться. Какое это имеет значение, удержит ли Англия Сингапур или нет, проиграет ли она еще какую-нибудь битву, уничтожит ли Монтгомери еще дюжину танков в Африке и потеряют ли американцы еще несколько судов? Ведь нынешняя война уже давно не такая, которую может выиграть или проиграть отдельное государство. Весь мир, за малым исключением, борется, чтобы не дать фашизму подобно чуме охватить весь земной шар. И что значит отдельная проигранная битва? Потерянный Сингапур? Ничего! В конце концов, мы все равно их разобьем. Мы сильнее. Даже если здесь или там нам и приходится отступать. Есть вещи поважнее Сингапура. Например, то, что в

России фашистской армии ломают хребет. А это значит, что песенка фашизма в Европе спета. А потом и мы сломим хребет японцам. Тогда и здесь с фашизмом будет покончено.

— Только нас с тобой, верно, уже не будет в живых.

— Возможно, — ответил Беккер. — Но нечего думать. об этом днем и ночью. А то станешь кроликом, который окочушивается от разрыва сердца при одном взгляде удава.

Кларк швырнул окурок.

— Мы могли бы отстоять Малайю, если бы начали по-другому. Мы могли бы иметь на своей стороне миллионы малайцев — таких, как этот, что хотел купить у тебя винтовку. Миллион малайцев с винтовками — хотел бы я посмотреть тогда, что бы стали делать господя японцы!

Беккер рассмеялся:

— А почему, как ты думаешь, миллион малайцев не получил от нас винтовок, а?

Кларк промолчал, а Беккер сам ответил на свой вопрос:

— Потому, что тогда ваша прелестная, доходная колония Малайя просто-напросто перестала бы существовать, мой дорогой! Миллион малайцев, прогнавших японцев ко всем чертям, не захотел бы вновь оказаться под властью десяти тысяч колониальных чиновников из Лондона. Малайцы потребовали бы независимости. А прибылей от оловянных рудников и каучуковых плантаций — для самих себя. Или, ты думаешь, японцы не знали наверняка, что вы не дадите малайцам винтовок? Знали, знали прекрасно! И использовали это к своей выгоде. Вот те тиски, в которые зажата Англия! Ты должен это понять. Тогда только поймешь и то, что здесь происходит.

— Я все понимаю, — ответил Кларк, — Меня тошнит от этого. Но я не могу ничего изменить.

Они по очереди поспали до наступления темноты. Вернулся малаец и принес бананов и вареного риса. Поев, они рассовали по карманам остатки пищи и опять отправились в путь. Только позже Кларк заметил, что Беккер без винтовки.

— Оставил ему?

— Да, — ответил Беккер. — В Сингапуре я получу другую. Там этого добра достаточно.

В предутренних сумерках они услышали шум мотора приближающейся автомашины и осторожно укрылись у обочины дороги. Это был английский «Моррис». Они с облегчением выскочили на дорогу и замахали руками. Тяжелый грузовик остановился. Из кабины выпрыгнули двое мужчин в английской тропической форме без каких-либо знаков различия. Один из них был высокий блондин с лицом хищной птицы. Он оглядел с ног до головы их оборванные фигуры и спросил:

— Отбившиеся от части?

— Нет, — ухмыляясь ответил Беккер. — Мы идем из Пенанга с ежегодного конгресса жизнерадостных любителей лесных прогулок. А вы кто такие?

Блондин громко расхохотался. Потом вытащил из кармана сигареты, знаком велел водителю заглушить мотор и присел на обочину рядом с Беккером и Кларком. Они взяли сигареты и не отказались глотнуть джина из плоской фляги блондина.

— Вот это как раз то, что надо битому солдату, — констатировал Беккер, опрокидывая в себя джин.

Кларк осведомился:

— Вы что, хотите на грузовике угодить японцам в лапы?

Блондин улыбнулся:

— Ну, до них еще далеко. Они взяли себе тайм-аут. После Муара они еще не атаковали. Вы были на Муаре?

Кларк кивнул. Он рассказал, что им пришлось там пережить, что они видели в Парит-Сулонге. Блондин молча слушал. Кларк инстинктивно почувствовал, что это не простой

солдат и не штатский, поспешно натянувший на себя тропическую форму. Блондин производил впечатление офицера. Кларк мысленно старался припомнить, где он видел это лицо. В том, что лицо это ему знакомо, он был абсолютно уверен.

— Едете в горы на рудники? — наконец спросил Беккер. Блондин покачал головой, потом ответил:

— Проедем еще километров десять или немного больше, а потом скроемся в лесу.

Вместе с грузовиком?

— Со всем, что в нем есть.

Блондин встал и пошел к машине. Опустил подножку и поднялся в кузов. Через некоторое время он вернулся с грудой мясных консервов, пакетом сухарей, двумя банками шоколада и несколькими пачками сигарет. Когда он отдал им все это, Беккер ухмыльнулся:

— Ага, значит вы, так сказать, везете излишек английских армейских запасов по направлению к Токио?..

Блондин ответил:

— У нас там оружия и динамита побольше, чем жратвы. И это не первый грузовик.

— Так, — произнес Беккер, — понимаю! Вы едете в лес и затаитесь там, как мышки, пока японцы не почувствуют себя в полной безопасности, а потом зададите им жару, так?

— Ты словно насквозь видишь.

— Интересное дельце. А носочки, чтобы менять, с собой захватили?

Блондин снова пустил фляжку с джином по кругу.

— У нас есть все, что надо. Можете поверить, мы подпалим японцам задницу!

Он не стал распространяться насчет деталей, да и вообще избегал отвечать на конкретные вопросы. Не сказал, что прибыл прямо из небольшого поселка в пятнадцати километрах западнее Сингапура, где английская армия в последние дни спешно готовила несколько десятков офицеров для выполнения особых заданий в тылу наступающих японских войск. Это учреждение именовалось ничего не говорящим названием «Школа 101». Для военных действий в джунглях отобранные офицеры тренировались в небольшом густом лесу, неподалеку от горы Тимах. Они прозвали его «мини-джунгли». Офицеров учили закладывать мины, обучали различным способам диверсий и саботажа. Одновременно намечали места их действий в Центральной Малайе, оснащали их оружием, рациями и продовольствием. Теперь последние выпускники этой школы направлялись на свои базы.

Английское командование считало этот маневр гениальным шахматным ходом. Не было сомнения в том, что и без того весьма активные малайские коммунисты и другие патриоты смогут оказать японским захватчикам более или менее длительное вооруженное сопротивление.

Малайя весьма подходила для партизанских действий. Важно было, чтобы это сопротивление контролировали и даже направляли англичане — в этом-то и состоял затаенный расчет британского командования. Вот для чего отправлялись в джунгли офицеры вроде этого блондина. Потом можно будет сказать, что не малайцы руководили борьбой своего народа против японских оккупантов, а британские офицеры. Это служило векселем на будущее.

Вдруг Кларк вскочил и, улыбаясь, поглядел на блондина:

— Теперь я знаю, где видел вас! В газете! Вы — Чепман, знаменитый альпинист! Так? Вы поднимались на Эверест или, во всяком случае, собирались туда! Ваш портрет был во всех газетах.

Блондин смущенно улыбнулся. Потом встал и дружелюбно сказал:

— Вы ошибаетесь. Верно, я просто очень похож на него... Ну, а теперь нам пора в путь. Всего!..

Прежде чем сесть в кабину грузовика, он крикнул:

— Можете спокойно шагать по дороге. Через час или два дойдете до маленького

селения, там наш передовой пост. Идите посредине дороги, чтобы вас смогли увидеть. А то примут за япошек и пристрелят!

Блондин помахал им на прощание, и грузовик умчался.

— А все-таки это он! — заявил Кларк. — Только не хотел признаться!

Беккер тяжело поднялся.

— Секретная операция, мой дорогой! Тут и как тебя звали позабудешь. Его величество король английский заботится, чтобы за Англией осталось руководство в сопротивлении малайцев японцам. Что ж, пошли защищать Сингапур! И так опаздываем.

С материка в Сингапур

7 января 1942 года, когда арьергардные бои на западном побережье Малаккского полуострова были в полном разгаре, в Сингапур прибыл генерал сэр Арчибальд Уэйвелл. Он следовал на Яву, где должен был принять новый командный пост. Уэйвелл был назначен главнокомандующим всеми американскими, английскими, голландскими и австралийскими войсками на этом театре военных действий. В Сингапуре Уэйвелл особенно интересовался боевым духом английских и австралийских войск, целый месяц ведших с японцами арьергардные бои. Оценка его была пессимистической. Он сомневался в способности этих солдат отстоять Сингапур. Дабы спасти то, что еще можно, Уэйвелл приказал генералу Персивалю не истощать боеспособность войск в бесполезных арьергардных боях. Теперь дело было не в том, окажутся ли японцы в Джохоре неделей раньше или позже, а в том, чтобы английские и австралийские войска, которым затем придется оказать врагу последнее, решающее сопротивление на острове Сингапур, смогли более или менее отдохнуть, привести себя в порядок и восстановить боеспособность. В этом духе Персиваль и отдал приказ о характере последней фазы отступления. Оба генерала единодушно считали, что длительная война в джунглях слишком подорвала боевой дух их войск.

Уэйвелл добивался новых подкреплений для Сингапура. Туда были переброшены части 18-й британской дивизии — резервного соединения, которое первоначально предназначалось для действий на Среднем Востоке, а также два английских зенитных полка и полк противотанковой артиллерии. Из Англии прибыло примерно пятьдесят истребителей типа «Харрикейн», которые предстояло собрать на месте. Истребители этого типа наряду со «Спитфайрами» сыграли большую роль при отражении воздушных налетов нацистской авиации на Англию. При максимальной скорости полета пятьсот сорок семь километров в час и скорости набора высоты семьсот тридцать шесть метров в минуту они были медлительнее «Спитфайров», неоспоримо лучших английских истребителей, но обладали хорошей маневренностью и имели достаточно прочную конструкцию, чтобы противодействовать новым японским бомбардировщикам. Однако на пятьдесят «Харрикейнов» было всего двадцать четыре пилота. Из них ни один не летал в метеорологических условиях Малайи, а большинство вообще не обладало боевым опытом.

Двенадцатого декабря минувшего 1941 года Черчилль предпринял поездку в Соединенные Штаты Америки. Он поплыл туда на новом линкоре «Герцог Йоркский», чтобы встретиться с американским президентом Рузвельтом и договориться о координации совместных действий против фашистской Германии и Японии; кроме того, надо было урегулировать поставки по ленд-лизу. Рождество Черчилль провел в Вашингтоне. После Нового года он отправился в Оттаву для аналогичных переговоров с канадским правительством и только 14 января 1942 года на американской летающей лодке возвратился в Англию.

Перед этим Черчилль направил Уэйвеллу срочную радиограмму, в которой, учитывая безотрадные известия с дальневосточного театра войны, просил обрисовать действительную

обстановку. Ответ Уэйвелла он получил уже в Англии. 16 января Уэйвелл радировал Черчиллю: «До самого последнего времени все планы основывались на отражении действий японского военно-морского флота непосредственно против острова Сингапур, а на суше — на отражении действий противника в Джохоре или еще севернее, а потому весьма мало или же вообще ничего не делалось для того, чтобы укрепить западную сторону острова Сингапур и не дать противнику пересечь шоссе из Джохора; однако был подготовлен взрыв дамбы. Крепостная артиллерия самого крупного калибра может вести огонь во всех направлениях, однако для поражения вражеских батарей непригодна. Гарантировать подавление осадной артиллерии противника никоим образом не могу...».

Таким образом было отмечено еще одно уязвимое место Сингапура, и Черчилль срочно телеграфировал Уэйвеллу подробные указания насчет того, как все-таки сделать Сингапур обороноспособным. Он распорядился закопать полевую артиллерию на северном берегу, основательно заминировать места предположительной высадки японцев и привлечь все население Сингапура для помощи в шанцевых работах. В телеграмме Черчилля говорилось: «Я хотел бы с полной ясностью заявить следующее: я ожидаю, что будет защищаться каждый сантиметр земли, а каждый предмет военной техники и каждое оборонительное сооружение будут взорваны, чтобы они не попали в руки противника. Не может быть и мысли о капитуляции без предшествующей длительной борьбы на руинах Сингапура...».

Однако, несмотря на приказы держаться до последнего, Черчилль не принял правильного в перспективе решения удерживать Сингапур и Малайю всеми имевшимися тогда в Юго-восточной Азии силами, хотя резервы — особенно в Индии — были значительные. Численность англо-индийской армии позволяла и теперь перебросить в Малайю много дивизий. Кроме того, в Бирме в это время уже базировались соединения американской истребительной авиации, которые тоже могли быть передислоцированы. Возможна была и концентрация всех базировавшихся в Тихом и Индийском океанах английских и голландских военно-морских сил. В целом все эти меры могли бы не допустить последующего военного разгрома в Голландской Индии — нынешней Индонезии — и в Бирме. Они бы сразу ограничили японскую агрессию.

Черчилль не делал тайны из того, что, исходя из стратегических соображений, он в данный момент считал удержание Бирмы и Бирманской дороги¹⁶ значительно более важным, чем удержание Сингапура. Поэтому он заявил своим начальникам штабов, что они заранее должны позаботиться об эвакуации из Сингапура оставшихся войск. После падения крепости Сингапур все уцелевшие и спасшиеся от японского плена солдаты подлежали немедленной переброске в Бирму. Так оно в дальнейшем и произошло. Остров Сингапур был сдан преждевременно, а предназначавшиеся для него резервы были спешно направлены в Бирму.

Между тем Уэйвелл телеграфировал в Лондон, что после падения Джохора долго удерживать Сингапур станет невозможно. 20 января он вновь прилетел с Явы в Сингапур, чтобы вместе с Персивалем принять меры для ускоренного отвода войск на остров, а также проинспектировать спешное строительство новых оборонительных сооружений на северном берегу.

Двадцать второго января в порт Сингапура снова прибыли подкрепления. Приказ Черчилля о новой дислокации до них дойти не успел. Это были 44-я индийская пехотная бригада, а также семь тысяч индийских рекрутов. Через два дня появился еще один австралийский батальон, вооруженный пулеметами, с тем же кораблем прибыли две тысячи австралийских рекрутов, военная подготовка которых — как и индийских — не была закончена.

Тем временем Персиваль распорядился об эвакуации на Суматру английских бомбардировщиков, все еще находившихся на аэродромах Сингапура. Остаться должны были

16 Речь идет о дороге из Бирмы в китайскую провинцию Юньнань.

только уцелевшие истребители. Они были крайне необходимы, ибо японские бомбардировщики прилетали сомкнутым строем по три-четыре раза в день и перешли к бомбежке Сингапура по квадратам.

Двадцать пятого января Персиваль понял, что па суше дело проиграно. Он приказал начать общее отступление к Сингапуру всех еще сражавшихся в Джохоре войск. Оно должно было завершиться к 31 января. Японцы преследовали отходящие войска, не давая им оторваться. К тому же они неожиданно активизировались и на восточном побережье, очевидно, с намерением и там сломить последнее сопротивление, которому до сих пор они не придавали большого значения.

Ранним утром 26 января перед побережьем Восточной Малайи на траверзе портового города Эндау появилось крупное соединение японских военных кораблей. В него входили четыре крейсера, авианосец, шесть миноносцев, два больших и десяток меньших транспортных судов. Хотя караван был обнаружен еще на рассвете, донесение об этом легло на стол Персиваля только в девять часов утра, ибо у самолета-наблюдателя вышла из строя рация. Большая часть авиации Сингапура действовала на западном берегу, чтобы как-нибудь прикрыть отступление своих войск. Таким образом, меры были приняты лишь вскоре после полудня. К этому времени удалось сосредоточить только двенадцать еще не переброшенных на Суматру самолетов-торпедоносцев типа «Вилдебист», девять «Гудзонов», пятнадцать «Буффало» и восемь «Харрикейнов», которые и атаковали японцев у Эндау.

Хотя японские истребители срезу же сбили пять неповоротливых «Вилдебистов», те все же успели поразить прямыми попаданиями оба крупных транспорта и один крейсер. Но японские части уже находились на суше, и здесь бомбы «Гудзонов» не могли причинить им особенно большого ущерба. Атака была повторена, и во второй заход рухнули еще четыре «Вилдебиста». Противник решающим образом ослаблен не был, зато число бомбардировщиков, которым еще располагало английское командование, значительно сократилось, и теперь они потеряли свое значение. Персиваль приказал английскому миноносцу «Тэнет» и австралийскому миноносцу «Вэмпайр» идти к Эндау, но оба корабля не были способны нанести японцам большие потери. Напротив, сам «Тэнет» получил попадание в котельное отделение и затонул, а «Вэмпайр», подвергаясь ожесточенным атакам, с трудом вернулся в Сингапур.

Когда наступила ночь, высадившиеся у Эндау японские части уже двигались на Мерсинг. Неподалеку от этого города одному австралийскому подразделению, отступавшему к Сингапуру, удалось заманить японцев в засаду, стоившую им целого батальона. Но задержать этим продвижение противника было нельзя.

В ночь с 30 на 31 января последние части были выведены из Джохора через дамбу длиной около тысячи шестисот метров и шириной восемнадцать метров, отделявшую остров Сингапур от континентальной Малайи. Отступление прошло без значительных потерь. Японская авиация бездействовала.

Тридцать первого января, около шести часов утра, все войска были уже переправлены, за исключением небольших боевых охранений, оставленных вокруг города Джохор-Бару, чтобы прикрывать отход. Усталые и оборванные солдаты перешли дамбу и теперь шагали через пустыри у ее южной оконечности. Вот уже целых семь недель они непрерывно вели арьергардные бои, подвергались постоянным налетам японской авиации и крайне редко воевали в составе своих частей, ибо быстрое продвижение противника приводило к полной неразберихе, а на необозримой территории Малайи отдельный солдат быстро терял представление о положении в целом и связь со своим подразделением.

В семь часов отошли прикрывавшие отход арьергарды — подразделения гордонских, аргайльских и сатэр-лемдских горцев — отборных войск британской метрополии. В этих шотландских полках осталось совсем немного солдат с традиционными волынками. Сейчас они стояли по обе стороны шоссе, проходившего по дамбе, и играли свою национальную

песню. А подошедшие к ним австралийские солдаты запели свою... То была жалкая попытка изобразить бодрость духа.

Взрыв дамбы между Малаккским полуостровом и Сингапуром был подготовлен заранее, но связанные с ним трудности не были продуманы до конца. Ведь дамба была возведена из цельного бетона, по ней проходили шоссе и железная дорога. Из тактических соображений зарядные камеры были устроены моряками на южной оконечности дамбы, то есть непосредственно перед островом Сингапур. Предполагалось, что наступающие японцы, если они захотят восстановить дамбу, будут вынуждены делать это под обстрелом береговых укреплений и пулеметного огня пехоты. Как показали последующие дни, расчет этот оказался ошибочным, главным образом потому, что взрыв был малоэффективным.

В восемь часов пятнадцать минут был включен взрывной механизм. Через несколько секунд в теле дамбы зияла брешь шириной метров в двадцать. В нее устремилась вода. На джохорском берегу воцарилась тишина. Защитники северного берега Сингапура ушли в укрытия. Но всего через несколько часов они с удивлением вытянули шеи. Наступил отлив, и уровень воды в Джохорском проливе упал настолько, что вскоре обнажились остатки взорванной дамбы. Срочно известили об этом военно-морской флот, но ничего поделать было уже нельзя. Когда к полудню на дамбе появилось несколько отставших английских солдат, шагавших из Джохора, защитники острова сигнализировали им, чтобы они поторопились, так как на другом берегу, возможно, уже засели японские снайперы.

Но к этому времени на южном берегу Джохорского пролива японцев еще не было, и отставшие солдаты, не замочив ног, при низком уровне воды преодолели место взрыва, просто-напросто перепрыгивая с одной бетонной глыбы на другую. Тогда защитники Сингапура поняли, что ко многим уже допущенным техническим ошибкам прибавилась еще одна, более серьезная: взрыв дамбы между континентом и островом бы бесполезен.

Хотя опасность все росла и неудержимо надвигалась, солдаты сохраняли довольно легко объяснимое равнодушие. Разумеется, они были готовы сражаться, понимая, какое огромное стратегическое значение имеет для японцев захват Сингапура. Но не было у них несгибаемой воли к борьбе, способной привести к решающему повороту военных действий на этом театре войны. Никто из них не был преисполнен сознания, что защищает от агрессора свою родину. Они воевали на земле более или менее чуждой им колонии, потеря которой, хотя и была болезненной для Англии, им лично жестокого удара не наносила. И если, например, английские летчики в воздушной битве над своей родной страной совершали героические подвиги, чтобы защитить ее, то здесь, в Сингапуре, их товарищи по оружию занимались делом, исход которого — если, разумеется, не говорить об их личной судьбе — был им довольно безразличен.

В этом, вероятно, одна из причин того, почему в Малайе и позднее в Сингапуре английские и австралийские солдаты не противостояли агрессору с той несгибаемой стойкостью, которой отличалась в то же самое время Красная Армия. Советские солдаты защищали не только землю своей социалистической родины, они защищали первое в мире, созданное ими самими рабоче-крестьянское государство от нашествия оголтелого варварства. Глубоко сознавая это, они были в состоянии свершать такие акты героизма, которым нет примера во всей истории человечества и которых не сыскать ни на каком другом театре военных действий, где сражались английские, американские или другие солдаты союзников.

Правда, географические и стратегические условия не благоприятствовали защитникам Сингапура. К тому же давали себя знать многочисленные упущения, ошибки, неправильные расчеты и предположения в ходе этой кампании, а также непривычный климат. Недостаток боевого духа английских и австралийских солдат помог японскому агрессору одержать быструю победу в Малайе и Сингапуре. И тем не менее было вполне возможно противопоставить наступлению японцев более упорное и решительное сопротивление.

Синие ракеты

На одном из холмов около Джохор-Бару высилось подобное дворцу здание, с красными каменными стенами, облицованными темно-зелеными глазурованными кирпичами. Местное население называло его «Метана хиджау» — «Зеленый дворец». Это была резиденция джохорского султана.

Роскошное строение было окружено парком, в котором тщательно ухоженные газоны чередовались с кустами заботливо подобранных декоративных растений. В восточном флигеле главного здания имелось нечто вроде наблюдательной башни — довольно современного вида сооружение из стали и стекла. С ее верхнего этажа открывался отличный обзор Джохорского пролива и острова Сингапур. Была видна широкая, болотистая бухта Кранджи, покрытая мангровыми зарослями, и полностью просматривались аэродром Тенгах — одна из четырех английских авиационных баз на острове, а также порт Селетар — ядро военно-морской базы Сингапур.

Тридцать первого января, вскоре после полудня, к Джохор-Бару, осторожно прощупывая оборону, стали подходить авангардные части 5-й японской дивизии. Они не встретили почти никакого сопротивления. Немного погодя за ними двинулись моторизованные соединения. Уже к вечеру над самым высоким зданием города — султанским дворцом — развевался японский военный флаг. Ночью произошло несколько мелких стычек с отставшими английскими подразделениями, пытавшимися переправиться через Джохорский пролив. В остальном же царило полное затишье.

На следующее утро (ровно в десять часов) генерал Ямасита ожидал командиров дивизий и высших офицеров в своей ставке, располагавшейся на небольшой каучуковой плантации между Клуангом и Джохор-Бару. Он сообщил им, что немедленно перемещается в султанский дворец, чтобы оттуда руководить сражением за остров Сингапур.

Ямасита больше не говорил, что возьмет Сингапур точно 11 февраля — в день коронации Тенно¹⁷. Теперь японцы стали осторожнее. Малайская кампания приближалась к завершению. Японская армия уже потеряла более 1700 человек убитыми и около 2800 ранеными. В наступавшей последней стадии надо было свести потери к минимуму. Офицеры знали, что высвободившиеся войска вскоре потребуются на другом участке фронта. Да и Сингапур уже не представлял собой серьезной крепости.

Вместо того чтобы немедленно перейти к штурму, Ямасита решил провести в течение недели интенсивную подготовку и уже после этой передышки ударить со всей силой. Он пригласил своих офицеров на небольшой банкет. Было подано «кикумасумуне» — особенно дорогое вино, которое пили только по случаю больших торжеств. Ямасита произнес речь, слова из которой потом были записаны в его приказе в день наступления: «Это место — хорошее место, чтобы умереть. Мы будем счастливы найти свою смерть в этой битве». Затем он сообщил о своем решении полностью эвакуировать на глубину двадцать километров все местное население из района севернее Джохорского пролива. Далее он обрисовал в общих чертах план наступления.

Дивизия императорской гвардии должна была действовать восточнее дамбы, проводя отвлекающие операции. На 5-ю и 18-ю дивизии возлагалась задача форсировать Джохорский пролив западнее дамбы. Общий план предусматривал, что 5-я и 18-я дивизии в первую очередь преодолеют английские позиции в районе бухты Кранджи и одновременно станут продвигаться вдоль идущей с севера на юг артерии, с южной оконечности дамбы в направлении Букит-Тимах — Сингапур. Очистив от противника лежащий к западу район, обе наступающие дивизии должны пробиваться на восток и сломить вражеское сопротивление.

¹⁷ Тенно — древний титул японских императоров.

Все это время гвардейской дивизии предназначалось оставаться в резерве. Из-за этого возникли некоторые разногласия с честолюбивым генералом Нисимурой, который был недоволен таким решением, но нехотя подчинился. Нисимура горел желанием во что бы то ни стало принять участие в заключительном штурме, а Ямасита не хотел, чтобы вокруг этой отборной части сиял слишком яркий нимб славы.

В тот же день Ямасита переместился со своим штабом в султанский дворец, а его офицеры стали разрабатывать детальный план наступления. С высоты башни султанского дворца остров Сингапур лежал перед глазами Ямаситы, словно раскрытая книга. В довольно сильный бинокль генерал различал «Харрикейны» в Тевгахе, видел передвижение мелких судов на военно-морской базе. Его нисколько не беспокоило, что время от времени на подстриженной травке султанского парка разрывался английский снаряд. Англичане не вели по зданию прицельный огонь, они щадили его, ибо никак не предполагали, что в нем находится ставка японского командования.

После захвата Джохор-Бару тяжелые японские гаубицы перенесли огонь на Сингапур. Их главной целью были аэродромы, порт и особенно нефтехранилища на военно-морской базе, а также в Сунгей-Мандайе и Кечиле. Орудия меньшего калибра взяли под обстрел полевые позиции австралийских частей, окопавшихся в устье реки Кранджи и в северо-западной части острова. Ямасита назначил наступление на ночь с 8 на 9 февраля. А пока его артиллерия непрерывно вела беспокоящий и прицельный огонь из отдельных орудий по важнейшим сооружениям англичан. Японские бомбардировщики вновь и вновь атаковали английские укрепления и город Сингапур.

В первый же день густой черный дым заволок весь город. Горели нефтехранилища, и тяжелый жирный чад застилал поле зрения. Лица английских и австралийских солдат покрылись слоем сажи, удалить ее было нелегко: для мытья на острове почти не было воды, поскольку ее берегли для питья. Значительная часть питьевой воды поступала из водохранилищ Джохора, но при взрыве дамбы водопровод был разрушен. На острове уцелело только несколько резервуаров и цистерн для сбора дождевой воды, но она не могла удовлетворить все потребности населения. Скоро гражданское население осталось почти совсем без воды.

В распоряжении командующего — генерала Персиваля — находились крупные контингента: восемьдесят пять тысяч человек, в том числе пятнадцатитысячный гарнизон. Но семьдесят тысяч солдат и офицеров боевых войск были истощены, а моральное состояние их никак нельзя было назвать хорошим. Боеспособность же этих численно довольно внушительных войск была куда ниже средней. Солдаты не бунтовали, по роптали, относились к своей судьбе фаталистически и действовали без самоотверженности. Презрение к смерти и готовность к обороне до последнего, которых требовал Черчилль в своем приказе, начисто отсутствовали.

Остров Сингапур был забит войсками и мирными жителями, что никак не благоприятствовало его обороне. Население только одного города Сингапур насчитывало полмиллиона человек. К ним добавились десятки тысяч беженцев, которые оказались здесь раньше отступавших войск; многие из них почти умирали с голоду, были ранены или больны.

Протяженность побережья острова Сингапур составляла несколько больше ста десяти километров. Персиваль взвешивал две возможности обороны. Он мог либо сгруппировать все наличные войска вблизи побережья и предпринять попытку не допустить предстоящей высадки японцев, либо ограничиться охраной побережья патрулями и в случае распознанного маневра противника быстро бросить к месту форсирования находящиеся в резерве части. Командующий отдал предпочтение первому варианту, поскольку вследствие непрерывного артиллерийского обстрела он едва ли смог бы быстро перебросить крупные контингенты войск в нужное место. Итак, Персиваль разделил весь остров на три зоны обороны и приказал командующему каждой из них обеспечить возможно более плотное

прикрытие побережья в своей зоне. Кроме того, он создал резерв, который мог нанести удар из глубины.

Северная зона обороны пролегла от Чанги, где находились многочисленные казармы, почти до самой дамбы. Она включала в себя военно-морскую базу и расположенные на севере аэродромы Селетар и Сембаванг. Обороняли ее 3-й индийский корпус, 11-я индийская дивизия и остатки 9-й индийской дивизии. Командовал этой зоной генерал сэр Льюис Хит.

Западная зона обороны начиналась от дамбы, потом шла сначала на юг, а затем на юго-запад до Букит-Тимаха, где находились крупнейшие склады вооружения и продовольствия. Кончалась она на южном побережье, западные бухты Джуронг. Обороняли ее австралийские части под командованием генерала Гордона Беннета.

Южная зона обороны подчинялась коменданту крепости Сингапур генералу Кейту Симонсу. Она начиналась у бухты Джаронг, включала водохранилища Мак-Ритчи и Пирс, а также сам город Сингапур с аэродромом Каланг и кончалась у Чанги.

Противовоздушной обороной командовал генерал Уайлди. Он имел в своем распоряжении около ста пятидесяти зенитных орудий и прожекторный полк. Что касается самолетов, то на острове имелась одна-единственная эскадрилья истребителей, преимущественно «Харрикейнов». Она базировалась в Каланге, восточнее города. Другие три аэродрома уже находились под обстрелом японцев. Все остальные самолеты, как и суда, без которых можно было обойтись, в последние дни эвакуировались на Яву, Суматру или Цейлон.

Эвакуация продолжалась и сейчас. Каждое пригодное судно использовалось для того, чтобы вывезти с острова английское гражданское население, главным образом женщин. Многие из этих судов уже в нескольких морских милях от Сингапура были атакованы японскими подводными лодками или фрегатами и потоплены.

Особенно тревожило Перснвала состояние медицинской помощи. Госпиталей было ясно недостаточно даже для раненых, доставленных с континента. Вместе с нуждающимися в госпитализации больными их было десять тысяч. Госпиталь «Александра», в западной части города, принимавший только белых, был переполнен, точно так же как госпиталь «Тайерсолл», куда помещали индийских солдат. В «Катайбилдинг» — огромном административном здании, где размещались различные правительственные учреждения, а также в клубах, школах, даже в церквях были устроены полевые госпитали. Но и их не хватало для жертв непрерывных воздушных налетов, составлявших более тысячи человек в день, и большинство раненых оставалось под открытым небом. Операции были связаны с большими трудностями. Все время гасло и без того слабое электрическое освещение. Порой врачам приходилось оперировать, когда в здании рвались бомбы.

Подготовить Сингапур к длительной обороне было уже невозможно, ибо основные предпосылки для нее не были своевременно созданы. Солдаты располагались на слабооборудованных позициях, а для гражданского населения не имелось бомбоубежищ. Колониальные власти не подготовили в достаточном количестве даже простых противоосколочных щелей. Ко всему прочему добавилась и нерешительность командования, выражавшаяся в противоречивых приказах штаба самого Перснвала. С одной стороны, солдат призывали к сопротивлению до последней капли крови, а с другой — уже сейчас взрывались важные сооружения, склады и транспортные средства, что заранее подрывало базу такого сопротивления.

Попытка совместить все эти противоречащие друг другу меры приводила к полной сумятице. Ситуация обострялась еще и тем, что гражданские административные органы тоже давали свои распоряжения, зачастую противоположные указаниям командующего. Нечего и говорить о трудностях, возникавших в связи с тем, что многие сооружения, подлежавшие уничтожению, являлись частной собственностью и владельцы их отнюдь не выражали стремления жечь, к примеру, свои каучуковые плантации или взрывать запасы олова и

уничтожать бочки со спиртным.

Дилетантство, проявлявшееся даже тогда, когда дело шло о разрушении очевидных военных объектов, было просто анекдотично. Примером служит взрыв военно-морского порта с его огромным доком, получивший кодовое наименование «операция Q». Осуществить ее должен был гарнизон военно-морской базы Селетар. Но внезапно он был эвакуирован в город Сингапур, ибо принадлежал к тому специальному персоналу, который следовало, по возможности, вывезти на судах. Тогда начальник военно-морской базы адмирал Спунер передал это задание старшему саперному офицеру 11-й индийской дивизии. Тот не имел представления об особенностях объектов базы и взорвал ее настолько неумело, что уже через несколько недель, японцы ее восстановили.

Таким образом, Сингапур являл собой картину полной растерянности, от которой сильнее всего страдало гражданское население. Начался голод; дети, родители которых погибли, умирали от истощения, поскольку никто о них не заботился. Стали распространяться болезни. Войска располагались на открытой местности, а ночью вели земляные работы, чтобы хоть как-то оборудовать свои позиции. Артиллерия получала на орудие двадцать снарядов в день, хотя еще имелись огромные запасы боеприпасов. Самолеты почти не поднимались в воздух.

Персиваль отдал приказ разведать наступательные приготовления японцев на южном берегу Джохора. С этой целью было сформировано несколько разведывательных групп. Ночью они переправились через пролив, частью вплавь, частью на небольших сампанах, которые могли причалить в непросматриваемых местах, между островками мангровых зарослей и густым лесом.

* * *

Крис Беккер был отобран в одну из этих групп и в ночь с 3 на 4 февраля переплыл самое узкое место Джохорского пролива — Путри-Нарроуз¹⁸. Болотистый берег был покрыт здесь мангровым кустарником. На северном берегу на несколько километров в глубину простирался заболоченный лес. Как и предполагалось, японцев там не оказалось: они не смогли бы здесь оборудовать стрелковые позиции и подготовиться к форсированию. Никаких дорог не было — только болото да мангровые, корневища которых тверды, как железо. Однако знающим людям было известно, что глубина болота на северной стороне Путри-Нарроуз едва доходила до бедра, а дальше слой каменистой почвы не давал завязнуть. Таким образом, продвигаться, хотя и с трудом, было можно. Японцы никак не рассчитывали, что вражеские разведчики высадятся именно здесь.

Малаец шестом провел сампан по мелководью на север. Небо покрывали плотные темные тучи, видимость не превышала нескольких десятков метров. Беккер и двое других солдат были вооружены лишь автоматами и ручными гранатами. Мазать сажей лица и одежду им не пришлось: они и так были покрыты копотью от горящих нефтехранилищ. Берег Джохора начинался мангровыми зарослями с переплетавшимися корневищами. Сюда и причалил сампан. Малаец положил шест в лодку и притаился на дне, а солдаты вышли на берег. Некоторое время слышался легкий шорох их шагов, а потом все стихло. Только вдали било несколько японских батарей; на фоне черного неба выделялись разрывы их снарядов. Нефтехранилища все еще продолжали пылать. Англичане не смогли справиться с пожаром, тем более что все противопожарное оборудование было повреждено артиллерией. И хотя языки пламени вздымались не так высоко, как раньше, плотный черный чад по-прежнему стлался по острову, выпадая дождем жирных грязных хлопьев.

Трое австралийцев довольно быстро добрались до сухого лесистого участка позади

18 Ширина Джохорского пролива — от 1 до 2 км.

прибрежного болота. Они притаились и стали выжидать, не появится ли японский дозор. Но ничего не было слышно и видно. Только пройдя еще несколько сот метров к северу, они вышли к узкой проезжей дороге, на которой остановилась колонна автомашин с орудиями на прицепе. Это были малокалиберные противотанковые пушки. Их доставили сюда, чтобы переправить при атаке и в случае необходимости использовать для поражения бронированных целей. Водители стояли у машин и тихо переговаривались. Никто не курил. Немного погодя колонна двинулась, и дорога снова опустела.

Австралийцы один за другим пересекли ее. Пройдя немного дальше, они услышали едущий по дороге мотоцикл. Одолеть мотоциклиста и взять его в плен — дело нетрудное, но у них не было такого задания. Им поручено только продвинуться как можно дальше в направлении Джохора и проследить за сосредоточением войск.

Через час разведчики достигли широко раскинувшегося лагеря японских войск. Обнаружить его было легко, потому что некоторые палатки, установленные под деревьями, были освещены. Солдаты занимались тем, что распиливали бамбуковые стволы и связывали их веревками в маленькие плоты. Целые штабеля готовых плотов уже лежали рядом, а грузовики подвозили все новые бамбуковые стволы. Лагерь находился так далеко от Джохорского пролива, что солдаты даже курили и громко разговаривали. Для японцев здесь был глубокий тыл.

Австралийцы осторожно обошли лагерь и стали пробираться дальше через лес. Теперь им все чаще встречались японские автомашины, одиночные велосипедисты, целые маршевые колонны и транспорты боеприпасов, которые по узким дорогам двигались к побережью.

Наконец разведчики натолкнулись на только что прорубленные в лесной чаще узкие просеки шириной всего в один метр — как раз достаточно для одного солдата или для колонны, идущей гуськом. Беккер решил проследить, куда ведет такая тропа, и они сделали интересное открытие: главные силы частей, предназначенных для наступления, японцы держали в тылу. Лишь за несколько часов до атаки отдохнувшие солдаты должны были двинуться вперед по просекам, ведущим прямо к берегу. Это позволяло избежать скопления войск в районах, достижимых для английской артиллерии. Новые просеки, несомненно, вели к заранее намеченным переправам, которые Беккер сразу пометил на карте.

Чем ближе разведчики подходили к Джохор-Бару, тем больше встречалось им таких просек. Беккер со своими солдатами приблизился к Джохор-Бару на расстояние нескольких километров. Здесь они остановились, нанесли все замеченное на карту и отправились в обратный путь. Беккера поразило, что передвигаться в тылу японцев оказалось так легко. Они были не в состоянии оккупировать Малайю столь плотно, чтобы держать под контролем всю ее территорию. Им приходилось ограничиваться захватом главных транспортных артерий, крупных населенных пунктов и хозяйственных центров. А все, что лежало между ними, — тысячи квадратных километров леса, болот, широкие саванны, поросшие кустарником, заросли каучуковых деревьев, — словно самой природой было предназначено для того, чтобы здесь скрываться от захватчиков.

Паша боевая тактика полностью упустила это из вида, размышлял Беккер. Обороняясь, мы не поступали так, как японцы во время наступления: не обходили узлы сопротивления, не атаковали их с тыла, не прятали в лесу целые подразделения, чтобы потом нанести неожиданный удар противнику, мнящему себя в безопасности. Мы совершенно не приспособили свою оборону к местности, к условиям страны. С помощью нескольких тысяч малайских солдат, умеющих передвигаться в лесу, мы смогли бы настолько задержать продвижение японцев, что еще неизвестно, удалось ли бы им сегодня закрепиться в Малайе. С помощью небольших частей и эффективной разведки мы могли бы сорвать снабжение японских войск и тем парализовать их боевые части. Мы могли бы...

Но перечислять все упущения и ошибки было бесполезно. Фактом оставалось то, что английское командование противопоставило японскому нападению непригодную концепцию

обороны и что войска противника уже стояли в Джохор-Бару, готовые преодолеть последнее препятствие — узкий пролив, отделяющий их от Сингапура.

На обратном пути трое австралийцев обнаружили еще одну колонну японских автомашин, везших множество небольших понтонов с подвесными моторами. Пересечь на них Джохорский пролив было делом нескольких минут. Беккер зарисовал небольшие моторные лодки.

Разведчики еще раз, необнаруженные, пересекли район сосредоточения японских войск. Продвигаясь преимущественно лесом, они опять добрались до болотистого берега. Нигде ни одного японского часового, который мог бы их заметить. Японцы поставили дозоры только на наиболее просматриваемых местах. Они не допускали мысли, что английские войска могут попытаться через канал пробиться в Джохор. Австралийцы подошли к своей лодке, малаец взялся за шест и, ловко маневрируя, вывел ее на водный простор. Слегка подгоняемая течением, она скользя поплыла к южному берегу.

Задолго до рассвета лодка причалила к острову. Ожидавшая здесь автомашина быстро доставила их в штаб, где они доложили о виденном. Утром результаты ночной разведки стали известны Персивалю. Намерения японцев были теперь ясны: усиленная подготовка к атаке ведется западнее взорванной дамбы. К востоку от нее, в расположении дивизии императорской гвардии, признаков предстоящего форсирования мало. Но Персиваль и его штаб так опасались зачастую необычной тактики японцев, были столь напуганы их часто неожиданными маневрами, что крайне осторожно отнеслись к данным разведки. Они сочли, что противник хочет ввести их в заблуждение насчет действительного направления удара. К тому же восточнее дамбы японцы ввели в действие больше артиллерии, да и, само собой разумеется, полагал Персиваль, главный удар нанесет именно дивизия императорской гвардии. И хотя войсковая разведка доставила безупречные и весьма важные данные, они почти не повлияли на тактику обороны. В Сингапуре теряли время в бесполезных и путаных приготовлениях к японскому наступлению. Военские части перебрасывались из одного места в другое. Полным ходом шла эвакуация гражданского населения и необходимого для обороны военного персонала. Не прекращался грохот взрывов: это взлетали на воздух жизненно важные объекты. Тем самым обороняющиеся систематически лишали себя базы для своих будущих действий.

Генерал Ямасита не без коварного умысла расположил дивизию императорской гвардии в тылу восточной части Джохора. Между ним и генералом Нисимурой с некоторых пор существовали трения, и каждый при первой возможности с удовольствием подставляет ногу другому. И хотя Ямасита планировал поручить нанести первый удар по острову Сингапур частям гвардейской дивизии, по его замыслу этот удар уже через несколько часов должен был потерять всякое значение. Зато впоследствии он всегда сможет сказать, что предоставил отборному войску Нисимуры честь первым поднять меч, хотя в действительности этот первый взмах послужил бы второстепенным, отвлекающим маневром.

И вот за день до наступления, 7 февраля 1942 года, около четырехсот офицеров и солдат дивизии Нисимуры приступили к выполнению особого приказа главнокомандующего. На двадцати моторных паромах, пригнанных сюда из Кота-Бару и снаряженных на месте, они переправились вечером через Джохорский пролив и высадились на небольшом острове Убин, лежащем точно посредине пролива, между Джохором и островом Сингапур. Хотя Убин был более или менее укреплен англичанами, всерьез его не обороняли. Персиваль предвидел, что остров все равно долго не продержится, а поэтому не направил на него сколько-нибудь значительных сил. К тому же остров почти целиком состоял из твердой скалистой породы. Прежде здесь добывали бокситы. На острове имелись несколько орудий и рота солдат, ожидавших противника в углублениях скал. С острова открывался прекрасный обзор военной базы Чанги с ее обширными казармами и военными складами, а также военно-морской базы Селетар.

Итак, вечером 7 февраля солдаты дивизии императорской гвардии высадились на берегу Убина, в то время как орудия держали его под дождем снарядов. Оборонявшиеся сразу же запросили Персиваля о помощи. Тот отдал артиллерии приказ взять под обстрел пролив между Убином и Джохором, но запоздалый, и к тому же сравнительно слабый, огонь не задержал высаживающихся японцев.

Ночь прошла в различных маневрах по высадке десанта, а потом японцы быстро справились с гарнизоном скалистого острова. Они подтянули легкие орудия, которые сразу же начали обстреливать Чанги. К утру к ним присоединились еще три десятка полевых орудий среднего калибра, двенадцать легких гаубиц и четыре тяжелые мортиры. Таким образом восточная часть острова Сингапур совершенно неожиданно оказалась под сильнейшим артиллерийским огнем. При этом артиллеристы Нисимуры так умело рассредоточили огонь по Сингапуру, что у английских артиллерийских наблюдателей сложилось впечатление, будто это обычная пристрелка по новой цели. Отсюда Персиваль заключил, что начался первый акт артиллерийской подготовки к высадке на Сингапур, что там, где сейчас ведет огонь одно орудие, во время высадки окажутся десятки новых. Он не разгадал обманного маневра японцев, хотя собственные разведчики довольно точно предсказали ему, где именно будет предпринята высадка.

Отвлекающий маневр около Убина, закончившийся к утру 8 февраля, вполне удался, и Ямасита был очень доволен. 8 февраля агенты шпионской сети, контролируемой майором Ленда, донесли с самого Сингапура, что англичане переместили орудия в восточную часть острова, где стояли лучшие войска Персиваля.

Вечером 8 февраля Ямасита отдал приказ нанести главный удар. В течение целой недели части 5-й и 18-й дивизий тайно сосредоточивались в лесах Джохора; их пополняли людьми, инспектировали, снабжали по растянутым коммуникациям оружием и боеприпасами. Они были хорошо оснащены переправочными средствами — от крупных моторных лодок до крошечных плотов. На плот солдат мог погрузить оружие и боеприпасы, а сам, плывая сзади, толкать его к вражескому берегу.

Весь день японские самолеты интенсивно бомбили позиции австралийцев в западной части острова. С полудня японская артиллерия настолько усилила свой огонь, что буквально перепыхала позиции австралийцев. С наступлением темноты японские части сосредоточились в джунглях на тропах, ведущих к побережью. Примерно до одиннадцати часов вечера они форсированным маршем шли на юг и достигли побережья. Затем четыреста пятьдесят японских орудий внезапно открыли массированный огонь по всей линии западного берега Сингапура. Под этим губительным огнем взлетали на воздух кое-как оборудованные дзоты, превращались в клочья проволочные заграждения. Австралийские солдаты прятались в любое углубление, лишь бы пережить убийственный обстрел. Гордон Беннет приказал оборудовать прямо на берегу цепь пулеметных гнезд; теперь, почти все они были разбиты. То же самое произошло и с прожекторами.

Первая волна японцев, начавшая около полуночи форсировать Джохорский пролив, насчитывала около четырех тысяч человек. Как только моторные лодки, плоскодонки, плоты и другие переправочные средства, частично самодельные, достигли берега Сингапура, артиллерийский огонь внезапно прекратился. Каждый из солдат был уверен, что теперь австралийцы возьмут пролив, кишевший лодками противника, под сильный артиллерийский обстрел. Но прошло очень много времени, пока плохо работавшая связь австралийцев передала своей артиллерии приказ открыть огонь. Телефонные линии были выведены из строя, а радио Персиваль запретил использовать, чтобы японцы не смогли подслушать переговоры. Таким образом связь ограничивалась сигнальными ракетами и посыльными. Только после того как целая рота японцев закрепилась на берегу, австралийская артиллерия наконец открыла по Джохорскому проливу редкий огонь.

Но к этому времени штурмовые группы японцев уже пробивались на юг через разбитые

береговые укрепления, через разорванную колючую проволоку и перепаханые окопы. Главное направление удара высадившихся войск проходило между Путри-Нарроуз и устьем бухты Кранджи — напротив того самого места, где разведывательная группа Беккера обнаружила новые просеки сквозь джунгли.

После того как японские войска прочно закрепились на острове, Персиваль приказал нескольким мелким судам, еще находившимся у западного побережья Сингапура, войти в Джохорский пролив. Они атаковали переправлявшихся японцев, но с незначительным успехом. Австралийским артиллеристам удалось поджечь один японский транспорт, груженный боеприпасами. От взрывов какое-то время над водой было светло, как днем. Затем японцы подбили английское судно береговой охраны. Поспешившие сюда по приказу Персиваля другие корабли тоже отошли с повреждениями.

В эти первые утренние часы Крис Беккер лежал в окопе на левом берегу бухты Кранджи и вел огонь по наступающим японцам. Рядом с ним сапер его подразделения выпускал одну за другой ракеты, чтобы осветить цель. Беккер не слышал, как неподалеку от него разорвался снаряд. Взрыв оглушил его, но осколки не задели. Сапер был убит. Беккер оттащил его. В это время падающие комья земли почти засыпали Беккера, но он этого не почувствовал, так как потерял сознание.

Генерал Ямасита стоял на своем командном пункте, в стеклянной башне дворца джохорского султана, и в бинокль разглядывал затянутый пеленой дыма берег. Никакого сомнения: высадка удалась. Первые лодки уже возвращались через пролив, чтобы взять новых солдат. Сингапур являл собой зловещую картину. Темнота ночи вновь и вновь озарялась разрывами снарядов, но яркая вспышка тут же гасла в тяжелом черном чаду, повисшем над островом. Трассирующие пули и снаряды прошивали ночную тьму волшебными светящимися нитями. Донесения, поступавшие к Ямасите, сообщали об отчаянном сопротивлении австралийцев, но они были не в состоянии противостоят массивному натиску двух японских дивизий,

Ямасита ждал, вновь и вновь поглядывая на часы. Вокруг стояли высшие офицеры его штаба. Все самое необходимое для переправы они уже сложили. У берега Ямаситу ожидала трофейная моторная лодка. Вдруг юн поднял руку и показал на Сингапур. С лица его сошло напряженное выражение. Офицеры тоже взглянули в свои бинокли на остров. В этот момент с захваченного японцами берега взлетели снопы синих ракет — условный сигнал: высадка удалась, части продвигаются в глубь острова.

— Переправляемся! — отрывисто приказал Ямасита, надвинул кепи с козырьком и стал спускаться по металлическим ступеням. Через несколько минут автомашина доставила его к берегу, он пересел в ожидавшую его моторную лодку, и та понеслась через Джохорский пролив.

Тем временем японцы уже полным ходом вели эвакуацию местного населения из прибрежной полосы. Сотрудники японской тайной полиции следили за проведением этой операции. Солдаты гнали тысячи малайцев, китайцев и тамил¹⁹ на север. Путь в двадцать километров они должны были проделать за один день. Тот, кто не мог идти, больные и увечные, остались в селениях; после ухода остальных жителей их тут же расстреляли. Эвакуация местного населения вряд ли была вызвана военной необходимостью. Скорее, Ямасита хотел создать легенду, будто японские войска заботятся о благе малайского населения. Но расстрел больных и инвалидов разоблачил лицемерный миф.

* * *

19 Тамилы — одна из народностей, населяющих Южную Индию. В Сингапуре проживало много эмигрантов-тамил.

В обширном парке султанского дворца, недалеко от теннисных кортов, стоял небольшой павильон для гостей. Он состоял из салона, бара и нескольких небольших комнат. После того как дворец был занят штабом Ямаситы, сюда переселился сам султан. Этому пожилому человеку в черном кепи Ямасита предоставил два военных грузовика и трофейный английский «моррис», которые должны были доставить султана во временное убежище — на одну из каучуковых плантаций неподалеку от Кота-Тингги, по дороге в Мерсинг. Но султан не торопился. Сейчас он сидел в одной из элегантно обставленных комнат павильона и беседовал с майором Асидой. На маленьком столике был сервирован чай. Султан предложил японскому офицеру печенье. Тот поблагодарил и сказал:

— Ваше высочество, надеюсь, всегда будет помнить, что содержание нашего разговора должно остаться между нами.

Султан кивнул. Нет, он не станет неосторожной оглаской ставить на карту свое будущее. Но у него есть приближенные, он хотел бы посоветоваться с ними. Султан заверил Асиду, что все останется в тайне.

Асида с трудом удержался, чтобы не выразить сомнение.

Японской секретной службе уже давно были известны антибританские настроения султана. К тому же в последние месяцы перед нападением на Малайю стало известно, что он одобрял пропагандированный японцами план «Великоазиатской сферы взаимного процветания». Английские газеты реагировали на это весьма кисло, но до конфликта между англичанами и султаном дело не дошло. И вот теперь Япония стала хозяином Малайи. Местных политиков, выступавших на стороне Японии, секретная служба вознаграждала золотом. Султан может играть важную роль в оккупационной политике. Все говорило за то, что он готов на это. Асида, за четверть часа не съевший ни одного печенья и не выпивший ни глотка чая, встал. Султан с удивлением констатировал, что японец соблюдает правила вежливости. «Образованный варвар», — подумал он.

— Я был бы вам очень обязан, если бы эвакуация не затянулась, — сказал султан.

Асида поклонился:

— Ваше высочество в ближайшие дни получит от меня известие. Я сделаю все необходимые распоряжения. Ваше имущество будет охраняться военной полицией, пока вы не вернетесь.

— Благодарю.

— Не за что, ваше высочество, — сказал Асида. — Мы счастливы сделать это для вас. — Он поклонился и взял фуражку.

Султан проводил его в салон. Там он в задумчивости остановился и подождал, пока не услышал, как машина японца отъехала. На столе стояла бутылка шерри. Султан налил себе бокал и выпил. «Будет ли японская военная полиция охранять и мои винные погреба?» — подумал он. Шорох отвлек его внимание. Из соседней комнаты в салон вошел его сын — видный мужчина лет тридцати, в английском костюме из твида.

— Он уехал, отец. Я видел. Султан слегка повернул голову.

— Налей себе шерри и сядь поближе, — велел султан. Он подождал, пока молодой человек наполнил бокал, а потом начал:

— Дела обстоят хорошо, сын мой. Мы можем спокойно смотреть в будущее.

— Ты с ним договорился?

Султан не ответил. Отпив глоток, он произнес:

— Тебя здесь долго не было. Необходимо, чтобы ты снова освоился со здешними делами. Ты умен, и много времени тебе на это не потребуется.

Сын относился с уважением к пожилому седовласому отцу. Не отрывая от него взгляда, он вытащил из кармана пачку сигарет и, спросив у отца разрешение, закурил.

— Видишь ли, — продолжал султан, — японское вторжение можно было предвидеть. Оно подготавливалось достаточно долго. Англичане разбиты, это ясно. Надо определить свое

место. С перспективой на будущее.

— Но ведь японцы не будут тут вечно, — заметил сын. — У Англии есть еще резервы. В войну вступила Америка. Нет, вечно это не продлится.

Султан улыбнулся. Да, его сын способен к политическим расчетам. Но он еще молод, а молодые люди иногда поступают необдуманно, не умеют все как следует взвесить,

— Ты был бы почти прав, но не замечаешь одного, — произнес он. — То, что было малым и незначительным, когда ты уезжал в Англию, теперь разрослось и обрело значение. Коммунисты стали сильными. Знаешь ли ты, что генерал Персиваль уже не раз вел с ними переговоры, потому что они требовали от него оружия? После поражения англичан они хотят этим оружием бороться против японцев...

Сын покачал головой.

— Чушь! Как могут коммунисты пойти на это? Да в их партии едва наберется несколько тысяч членов!

— Этого хватит, — сказал султан. — Коммунисты тоже способны к политическим расчетам. Японцам придется, если они хотят хозяйничать в этой стране, прибегнуть к насилию, они будут грабить, убивать. И тогда тысячи коммунистов хватит, чтобы сколотить против японцев подпольную армию.

— Ты думаешь, Персиваль даст им оружие?

— Уверен, что в последний момент даст. Но они и сами добудут себе оружие. У японцев. На оставленных полях сражений. Через несколько месяцев в Малайе начнется война бедняков против японцев.

Сын пожевал губу. То, что говорит старик, звучит фантастически, но это возможно.

— Ты говорил с Персивалем? Султан ответил:

— Он понимает, что это будет так. Поэтому он хочет до последнего момента не давать им оружия. И даст его мало. Кроме того, он засылает своих людей в формирующееся антияпонское движение.

— Это значит, что твоя позиция будет не очень-то благовидной, отец, — заметил сын. — Люди борются, а ты договариваешься...

Султан отпил еще глоток шерри, посмаковал его:

— Коммунисты рассчитывают, японцы рассчитывают, англичане рассчитывают... Я тоже рассчитываю. И мой расчет окажется верным. Англичане разбиты. Японцы тоже будут разбиты. Вернется Англия. К этому времени в стране неизбежно сложится руководимая коммунистами сила. Вооруженная и полная решимости, она захочет осуществить вековую мечту народа о независимости. Кто тогда будет нужен англичанам, сын мой?

Султан улыбнулся, когда сын ответил:

— Местные политики, на которых можно положиться.

— Им будут нужны люди, которые заявят народу: «Мы тоже хотим независимости от Англии, но не коммунистического господства». И тогда англичанам придется вести переговоры с нами, уже хотя бы потому, что они боятся, как бы мы не поддержали требование коммунистов о независимости. Тогда придет время выторговать у них то, что выгодно нам, и оставить им то, за что они так держатся. Я — старый человек, но ты станешь тогда султаном Джохора. Рассчитывай как следует. В один прекрасный день англичане будут рады-радешеньки, что мы есть на свете, и они помогут нам прийти к власти тем, что уничтожат тех самых коммунистов, которым сейчас намерены помочь в борьбе с японцами.

Султан допил свой бокал и поднялся. Сын тоже встал, все еще несколько обескураженный тем, что сказал отец.

— А теперь поедем, — произнес султан. — Зови семью к машинам. В Кога-Тинги у нас будет много времени, чтобы обдумать наши планы.

Движением руки он отпустил сына и перешел в комнату, где беседовал с Асидой. У дверей стоял набитый бумагами портфель. В нем находились важнейшие документы. Султан

еще раз оглядел комнату. Он вернется сюда. И скоро. Султан улыбнулся. Эти японцы позовут его назад, они попросят его устроить во дворце прием в честь освободителей. Явятся фоторепортеры, кинооператоры... А через несколько дней жители Токио прочтут в газетах об успехе японской политики в Малайе и будут ликовать, видя в кинохронике, как султан Джохора принимает провозвестников «Великоазиатской сферы взаимного процветания»! И султан, улыбаясь, вышел. Подоспевший слуга понес портфель к машине.

А ночь была полна чада, порохового дыма. Над Сингапуром стояло зарево. Лучи рассветного солнца едва пробивались сквозь облака копоти, несшиеся над землей, за которую шел ожесточенный бой. Японская артиллерия переправлялась на Сингапур. Японцы транспортировали тяжелые орудия на связанных вместе понтонах. Место высадки между Кранджи и Путри-Нарроуз стало уже тылом.

* * *

Крис Беккер очнулся с острой болью в голове. Открыв глаза, он понял, что его засыпало. Осторожно ощупал себя: ранений, кажется, нет. Во рту земля. Беккер слышал шум, но какой-то отдаленный, глухой, неясный... Он попытался высвободиться из-под земли, и постепенно это ему удалось...

Когда Беккер выбрался, он понял, что в плену. Рядом с ним сидел теперь незнакомый австралийский солдат, без мундира и рубахи, босой, без оружия, точно такой же, как и десятки других... Их охраняли трое японцев в хаки, с примкнутыми к винтовкам штыками.

— Что они с нами сделают? — глухо спросил Беккер. Другой точно так же тихо ответил:

— Поживем — увидим. Всех раненых они расстреляли. Мы — здоровые. Пока отняли мундиры и все остальное. И прикладом в спину...

Часовые как по команде стали смотреть на берег. Там появился важный офицер — невысокого роста приземистый мужчина в кепи с козырьком и с биноклем на груди. Он был немолод, и Беккер заметил, что у него кривые ноги. Он взобрался на разбитый дзот и огляделся. Часовые встали по стойке смирно. То был Ямасита, но пленные этого не знали. Он осмотрел место высадки. Часовые все еще стояли не шелохнувшись. Беккер на какой-то миг вспомнил о своей винтовке, лежащей где-то под землей, но тут же прогнал эту мысль. Сейчас не время для самоубийства. Битва проиграна. Но война против фашизма будет продолжаться. Последнее слово еще не сказано. Отнюдь не сказано...

Японский офицер в кавалерийских сапогах бросил презрительный взгляд на полуголых австралийских солдат, сел в машину и исчез.

— Они идут на Букит-Тимах, — сказал один из пленных. — Думаю, у наших шансов больше нет...

Да, здесь шансов больше нет, подумал Беккер. Он всегда чувствовал, что исход войны с фашизмом, угрожающим всему миру, будет решен не здесь. Не в Перл-Харборе, не в Сингапуре, не в Африке. Вчера он последний раз слышал известия по радио. Он вспомнил, что вот уже с сентября прошлого года Ленинград стойко держится в фашистской блокаде. Гитлеровцы никак не могут взять его, хотя Ленинград, Беккер знал это, не военная крепость. Но ведь Советский Союз не колония, защищаемая чужеземной армией.

Впоследствии он никогда не мог сказать себе, не эти ли мысли, пришедшие ему в голову, когда он глядел на поле боя у Кранджи и на японских часовых, вселили в него что-то похожее на надежду. Но он поймал себя на том, что разглядывает этих низкорослых «завоевателей мира» почти с насмешкой.

Последний рубеж

Прошло немногим более суток, и японцы закрепились на острове и глубоко вклинились в «крепость Сингапур». Теперь они продолжали высаживать войска на всем западном берегу острова, а также в районе между Крапджи и взорванной дамбой. Гордон Беннет, командующий западной зоной обороны, с непрерывными боями постепенно отступал на рубеж, проходивший примерно от устья реки Джуронг на север до восточного отрога бухты Крапджи. Здесь концентрировались его главные силы. Они должны были как можно дольше удерживать японцев, чтобы *еще* не вышли на шоссе — крупную транспортную артерию, ведущую с севера на юг — от южной оконечности взорванной дамбы, через Букит-Тимах прямо к городу Сингапур. Стоило японцам достигнуть этого широкого, укрепленного шоссе, и их моторизированные части за несколько часов оказались бы в Сингапуре. К тому же Букит-Тимах был крупнейшим на острове арсеналом оружия и складом боеприпасов.

Катастрофа наметилась уже утром 10 февраля, когда стало известно, что австралийские части, оборонявшиеся между Крапджи и Вудлэндсом, начали отступать. Японцы стали высаживать свои войска непосредственно на конце взорванной дамбы.

В это самое время генерал Уэйвелл, прибывший с Явы, посетил Персиваля в Сингапуре в его Главной квартире форт Каннинг, Уэйвелл немедленно отправился с Персивалем в Букит-Тимах, чтобы обсудить обстановку с Беннетом. По дороге взорам их предстала картина полного хаоса. Сингапур горел во многих местах, в нем больше не было ни питьевой воды, ни продовольствия для гражданского населения. Раненые лежали повсюду, хотя почти все кинотеатры, рестораны и крупные дома были превращены в госпитали. Над городом непрерывно кружили бомбардировщики, была артиллерия.

Уэйвелл понял, что, если японцы предпримут серьезную атаку, Беннет сможет удерживать «линию Джаронга» всего несколько часов. Он тут же выразил желание увидеть генерала Хита, командовавшего северной зоной обороны. Но прежде чем Уэйвелл успел протянуть Беннету на прощание руку, над штабом Беннета вдруг появились три японских бомбардировщика и, сбросив несколько десятков мелких бомб, разрушили помещение штаба. Покрытые известкой, белые, как мел, генералы выбрались из-под обломков рухнувшей стены. Уэйвелл уехал на северный участок обороны. Беннет остался. Через несколько часов ему стало ясно, что этот воздушный налет входил в план подготовки штурма «линии Джуронга». Ко второй половине дня он увидел из поступавших боевых донесений, что японцы прорвали ее.

В то же самое время Уэйвелл, все еще находившийся у Персиваля в Сингапуре, получил срочную телеграмму от Черчилля. Премьер-министр писал: «Вы должны понять, как мы здесь оцениваем ситуацию в Сингапуре. Кабинету было доложено, что у Персиваля сейчас свыше ста тысяч человек, из них тридцать три тысячи англичан и семнадцать тысяч австралийцев. Сомнительно, чтобы японцы имели столько солдат на всем полуострове Малакка... При таких условиях у обороняющихся имеется значительное численное превосходство над врагом и они должны были бы в ходе хорошо подготовленного сражения разбить нападающих. При нынешнем положении нельзя и помышлять о перемещении наших войск и гражданского населения. Сражение должно быть любой ценой доведено до горького конца... Командующие и высшие офицеры должны гибнуть на поле боя вместе со своими войсками. На карту поставлена честь британской империи и британской армии... Я полагаюсь на вас в том, что не будет допущено никакой пощады, никакой слабости в любой форме...».

Эти строки мало обрадовали Уэйвелла, ибо были очень далеки от действительности. Телеграмма требовала от него держаться до последнего, но возможно ли было это здесь, в Сингапуре?

На следующее утро Уэйвелл продиктовал своему адъютанту доклад о положении в

Сингапуре: «Битва за Сингапур развивается неблагоприятно. Японцы, применяя уже известную тактику, продвигаются на западе острова быстрее, чем предполагалось. Я приказал Персивалю использовать любую возможность для контратак. Часть его войск находится в плохом моральном состоянии; у других частей оно тоже далеко не такое, каким я хотел бы его видеть. Делается все возможное для того, чтобы повысить волю к сопротивлению и усилить оптимизм. Но я не могу утверждать, что до сих пор эти усилия имели успех. Я отдал строгий приказ не допускать мысли о капитуляции и ввести в бой все войска до последнего...».

Тем временем фронт Гордона Беннета был прорван японцами. Они вклинились в боевые порядки отступающих австралийцев и вечером 11 февраля захватили Букит-Тимах. Этим была создана важная предпосылка для их окончательного успеха.

По распоряжению главного штаба на Яве Персиваль приказал эвакуировать туда еще оставшихся в Сингапуре летчиков и офицеров ВВС высокого ранга. Одновременно он дал указание всему женскому медицинскому персоналу покинуть Сингапур на «Эмпайр стар». 14 февраля больше двух тысяч медицинских сестер, врачей и других женщин-служащих прибыли на этом корабле в Батавию.

Между тем хаос распространялся все шире. Много говорили о страшной жестокости японцев. Захватив небольшой походный госпиталь в Раджи Бич, они перебили раненых, перекололи штыками офицеров, а потом загнали медсестер по колено в воду и расстреляли из пулеметов. Госпиталь «Тайерсолл», до предела переполненный ранеными индийскими солдатами, был подожжен авиационными бомбами. Пламя охватило его так быстро, что удалось спастись только несколькими десятками из сотен.

Рано утром 12 февраля японские танки устремились по дороге от Букит-Тимаха на Сингапур. Английской противотанковой обороне еще раз удалось сдержать удар, но за танками шла японская пехота, и сломить сопротивление англичан было только делом времени. Ведь от того места, где были подбиты японские танки, до окраины Сингапура оставалось всего каких-нибудь семь километров по отличному, совершенно неповрежденному шоссе.

В это утро Персиваль решил отвести войска на новую линию обороны, проходившую полукругом в нескольких километрах севернее Сингапура и, так сказать, опоясывавшую город, аэродром Каланг и последнее водохранилище. Ни в одном своем пункте она не отстояла от него больше чем на восемь километров. Общая протяженность фронта составляла всего сорок пять километров. Радиостанция Сингапура была взорвана, денежные запасы банков сожжены, вода выдавалась лишь небольшими порциями. Вспыхивали крупные пожары, но никто и не пытался их тушить.

На рассвете 13 февраля было осуществлено отступление на последний рубеж. Защитники города окапывались, а японцы готовились к следующему удару.

Тем временем генерал Ямасита перевел свой командный пункт к Букит-Тимаху — на высоты, захваченные японцами. Отсюда он мог уже видеть весь город. Здесь же располагались и артиллерийские наблюдатели.

* * *

Ямасита решил предложить англичанам капитуляцию. Им руководили в значительной мере пропагандистские соображения. Великодушный жест победителя по отношению к побежденному дал бы выгодный пропагандистский эффект. И Ямасита составил послание, в котором предлагал генералу Персивалю незамедлительно капитулировать. Угрожающий тон должен был побудить английского генерала принять предложение. Ямасита требовал, чтобы парламентар с белым или британским флагом в руках вышел навстречу японским войскам на шоссе Сингапур — Букит.

Самолет-разведчик сбросил послание Ямаситы над набережной Сингапура. Послание было вложено в хорошо заметный контейнер, за которым тянулись две яркие ленты. Оно немедленно было доставлено Персивалю. Но тот медлил. Военные корабли все еще пытались вывезти из осажденной крепости специалистов и технический персонал для использования на других театрах войны. В последние часы были уничтожены тысячи литров спиртного. Пьяных японских победителей Персиваль боялся еще больше, чем трезвых.

Персиваль неоднократно обсуждал с Гордоном Беннетом и Хитом возможность контрудара по наступающим японцам. Но оба генерала были против: войска настолько исчерпали свои силы, что контрнаступление будет иметь катастрофические последствия. Они рекомендовали Персивалю немедленно принять предложение о капитуляции.

Персиваль сообщил Уэйвеллу, что его войска едва ли продержатся дольше одного или двух дней. В ответ Уэйвелл телеграфировал: «Вы обязаны продолжать наносить противнику наивозможный ущерб, если необходимо, даже в уличных боях. Ваши действия, сковывающие силы врага и наносящие ему потери, могут оказать решающее влияние на операции на других театрах войны. Полностью понимаю ваше положение, но считаю совершенно необходимым продолжать сопротивление»,

В самом Сингапуре каждый теперь чувствовал, как преступно то, что не было предпринято никаких приготовлений к осадному положению. Отсутствовали бомбоубежища, даже щелей — и тех было мало. Гражданское население несло резко возрастающие потери от воздушных налетов. Транспорт был полностью парализован. Повсюду высились горы развалин. Бушевали пожары, и никто их не тушил: воды не хватало даже для раненых. Кое-где раздавали продовольствие, спешно вывезенное со складов, перед тем как их сдали врагу. Люди дрались за горсть риса, за банку консервов из мяса мулов. В районе доков, где жила беднота, стали быстро распространяться инфекционные болезни. Но никакой организованной медицинской службы больше не было... Медицинский персонал почти весь был эвакуирован.

Стало ясно, что оборона крепости или города до последнего человека, как того требовал Черчилль, несовместима с разрушением жизненно важных сооружений, с параличом коммунальных служб из-за усиленной эвакуации. Ни Черчилль, ни Уэйвелл не могли решить, что лучше: оборона до последнего человека или сдача крепости со спасением ценных кадров. Их нерешительность, из-за которой они одновременно осуществляли обе линии, неизбежно должна была привести к катастрофе.

Четырнадцатого февраля, после одного дня передышки, японцы перешли в наступление по всему фронту.

Около полудня, в результате попадания артиллерийского снаряда, неожиданно взлетел на воздух последний крупный склад боеприпасов. Недалеко от него находился госпиталь «Александра», где лежали сотни раненых. Когда японцы появились поблизости, английская артиллерия, боясь поразить госпиталь, ослабила огонь, а редкая стрелковая цепь английской пехоты была уже оттянута назад. Первые японские солдаты стали стрелять в открытые окна госпиталя, а поскольку никто им огнем не ответил, двинулись дальше. Затем подъехала группа японцев на велосипедах, они ворвались в госпиталь и бросились по коридорам. Вышедшего навстречу главного врача, пожилого англичанина, который попытался указать им на знак красного креста, они тут же поставили лицом к стенке и убили выстрелами в затылок. Всех ходячих раненых, не успевших бежать, постигла та же участь. Лежачие больные и раненые были заколоты штыками. Японцы не остановились даже тогда, когда на пути их оказалась операционная, где как раз оперировали тяжелораненого. Его закололи штыком, а персонал перестреляли. Все, кто мог передвигаться, в панике бежали куда глаза глядят. Зверская стрельба продолжалась еще некоторое время, а затем к зданию подъехала новая группа на велосипедах, и офицер приказал ворвавшимся удалиться. Но прежде японские солдаты прочесали территорию госпиталя и согнали в бараки весь медицинский

персонал и ходячих раненых, больше двухсот человек. На следующее утро всех их расстреляли в парке госпиталя.

Один из присутствовавших японских офицеров мог только сказать в оправдание расправы, будто из окна госпиталя произвели выстрел по проходящим японским солдатам. Это, разумеется, была ложь. Кровавая расправа в госпитале «Александра», как выяснилось потом, была заранее запланирована. Это лишь один из многих случаев, когда японские войска демонстративно совершали жестокости, дабы показать врагу, что никакой пощады не будет и что наступающий солдат Страны Восходящего Солнца безжалостен, тверд и непобедим. Массовые убийства должны были подорвать боевой дух противника.

* * *

На окраине маленького населенного пункта Вудли, на северо-восточном участке последней линии обороны, продолжала работать насосная станция, которая при помощи дизеля пыталась обеспечить Сингапур хоть малым количеством воды. В нескольких сотнях метров от насосной станции проходила линия стрелковых окопов, в которых залегли остатки 11-й индийской дивизии. Робин Кларк тоже дошел до этого рубежа. Теперь он, как и каждый солдат его подразделения, знал: больше отступать некуда... Конец близок.

Кларк смотрел в будущее со смешанным чувством. Он сам видел, как поступают японские солдаты с пленными. Избегнут ли те, кто сложит оружие в конце борьбы за Сингапур, той же участи, которая постигла их товарищей у Парит-Сулонга? А если плен, то сколько продлится? И выдержит ли он? Здесь уже надеяться не на что, битва проиграна, говорил себе Кларк. Японцы атаковали слабое место Британской империи, и расчеты их сбылись. И все-таки надежда еще есть. Беккер был прав: Сингапур — это не конец войны... Исход ее решится не здесь. Державам «оси» противостоит большинство человечества. Англия сможет продержаться, если выстоит Советский Союз. А в этом Кларк не сомневался. Фашисты потеряют там решающее поражение. И тогда дело японцев будет проиграно.

В последние дни боев Кларк часто вспоминал об А Пине. Где он теперь? Позади, на насосной станции, работало несколько военнообязанных малайцев.

То один, то другой малаец с насосной станции подходил к солдатам и просил винтовку. Но передавать им оружие было строго запрещено. И все-таки Кларк пошел на это. Оружие убитых складывали в кучу — по приказу его следовало привести в негодность, Кларк спрятал несколько винтовок под стволы бамбука, лежавшие на дороге к Сингапуру. Он сделал это на виду у малайцев. На следующее утро винтовки исчезли. Тогда Кларк положил под бамбук ручные гранаты и патроны. Малайцы забрали и их. Надо хоть что-нибудь сделать для будущего, думал Кларк.

В полдень 14 февраля японцы атаковали танками позиции у насосной станции. Но 11-я индийская дивизия еще имела несколько противотанковых орудий, и ей удалось удержать рубеж обороны. Кларк лежал за ручным пулеметом и вел огонь по пехоте, шедшей за танками. Он испытывал голод и жажду, но сейчас не чувствовал ни того, ни другого. Лицо его было черно от копоти, мундир пропах дымом. Перед окопами 11-й индийской дивизии дымили три подбитых танка. Итак, японцев еще раз удалось отбить. Надолго ли?

Кларк перевалился на бок. Солдат-индиец рядом с ним уронил голову на руки и сразу уснул. Кларк немного прополз, потом поднялся и, пригнувшись, сделал перебежку к насосной станции. Один из малайцев дал ему воды, и он жадно напился. Даже позволил себе роскошь умыться. Но от холодной воды лицо его чище не стало. Малаец, помолчав, тихо произнес:

— Сэр...

Кларк бросил на него быстрый взгляд:

— Я вовсе не сэр. Меня зовут Кларк.

— Мистер... солдат... — снова заговорил малаец. Кларк усмехнулся. Это придало малайцу уверенности: — У вас такой отличный пулемет...

Кларк отхлебнул еще глоток воды. Он догадывался, что будет дальше.

— Ну и что? — спросил он.

Малаец без обиняков ответил вопросом на вопрос:

— Зачем он вам, когда все кончится? — Хочешь забрать его себе? Малаец улыбался:

— Раз вы его все равно бросите, мистер солдат...

— Гм, — произнес Кларк. — Только я думаю, это случится не раньше, чем японцы окажутся здесь. А они не будут в восторге от того, что ты утащишь эту штуку прямо у них на глазах.

— Мистер солдат, если вы правда хотите отдать его мне, когда кончите борьбу, то насчет японцев можете не беспокоиться.

— Слушай, — сказал Кларк, — ты сможешь забрать эту штуковину. Скажи только мне, как ты собираешься это сделать, прежде чем самураи перережут тебе горло.

Малаец посмотрел на штабель бамбука, перевел взгляд на пулемет, рядом с которым спал солдат-индеец, достал из кармана моток тонкой лески и сунул конец ее в руку Кларку.

— Привяжите шнур к сошке пулемета. Понимаете?

— Еще бы, — рассмеялся Кларк. — Парень, у тебя много чему могла бы поучиться британская армия!

Кларк наполнил флягу водой и вернулся со шнуром к пулемету. По дороге обернулся и крикнул:

— Только тяни получше!

Малаец, улыбаясь, кивнул в ответ и отправился чинить поврежденную водопроводную трубу. Мысли его были заняты одним: каким образом, при развале фронта обороны, унести из склада боеприпасов, расположенного неподалеку от командного пункта 11-й индийской дивизии, побольше пулеметных лент. Он надеялся на темноту, которая наступит через несколько часов: тогда он попробует заговорить с часовым у склада. Хорошо бы он оказался таким же сговорчивым, как этот сержант!

Белые флаги

15 февраля 1942 года было воскресенье. Но лишь немногие английские солдаты заметили это. Зато генерал Персиваль, напротив, подготовился к нему. На рассвете в полуразрушенной церкви форта Каннинг состоялось последнее богослужение, и Персиваль причастился. Но лишь только он вышел из врат церкви, как снова ощутил горькую реальность жизни.

Всю ночь не прекращались атаки японцев. В некоторых местах обороняющиеся уже отступили. Воды не было совсем. Пожары распространялись все шире. На улицах лежали сотни стонущих раненых, главным образом жителей города. Голодные дети рвали и ели траву с газонов. Запасы продовольствия были исчерпаны. Боеприпасы кончались, поэтому многие еще исправные орудия не могли стрелять. Из единственного сохранившегося радиоприемника на командном пункте генерала звучала на английском языке японская пропагандистская передача из Пенанга: «Мы сметем защитников Сингапура с лица земли! Через несколько часов над Сингапуром взвоет японский флаг. И город этот больше не будет зваться Сингапуром. Его императорское величество повелел переименовать Сингапур в Сёнан...»

Персиваль с яростью выключил приемник. В половине десятого утра он в последний раз созвал офицеров штаба и поставил их перед альтернативой: либо немедленный контрудар в направлении Букит-Тимаха с целью вернуть находящиеся там запасы боеприпасов,

продовольствия и оружия, а также выбить японцев с этих высот перед городом, стратегически чрезвычайно выгодных, либо капитуляция. Все присутствовавшие отказались вести свои части в контрнаступление. По их мнению, это было безнадежно. Они выбрали капитуляцию.

Еще во время совещания в форте Канпинг пришло указание от Уэйвелла: «Продолжайте сражаться, пока вы в состоянии наносить противнику ущерб. Лишь окончательно убедившись в том, что далее это невозможно, вы, с моего разрешения, вправе прекратить сопротивление... Что бы ни произошло в дальнейшем, я благодарю вас и всех солдат за отличные действия последних дней».

Персиваль решил прекратить борьбу, ставшую бессмысленной. Он поручил майору Уайльду передать японцам предложение о капитуляции. Уайльд, взяв с собой еще одного штабного офицера и переводчика, отправился на автомашине в направлении Букит-Тимаха. На машине были установлены британский и белый флаги. Она пересекла линию фронта и проехала еще несколько сот метров, а затем парламентариев остановили, и японский офицер велел им ждать. В четыре часа появилась автомашина японского главнокомандующего, в которой сидел начальник разведывательного отдела штаба Ямаситы, раненный в боях за Букит-Тимах полковник Суги-та, сопровождаемый майором Асидой. Он передал английскому парламентарю заранее заготовленную бумагу с условиями капитуляции. Они гласили:

1. 15 февраля 1942 года, в 18.00, оба командующих (Персиваль и Ямасита) встречаются в Букит-Тимахе.

2. Английская армия немедленно прекращает боевые действия на всем фронте и складывает оружие.

3. Административно-хозяйственные органы продолжают свою работу по указаниям японцев до тех пор, пока их функции не перейдут к японской армии.

4. Корабли, самолеты, автомашины, боеприпасы, предметы снабжения, принадлежащие армии или используемые ею, средства связи, портовые сооружения, оборудование аэродромов, оперативные карты и документы подлежат передаче японской армии в исправном виде и без попытки заранее их уничтожить. Недопустимо — в какой бы то ни было форме — оскорбление японской армии.

5. Лица, ответственные в служебном порядке за прекращение боевых действий против японской армии, обязаны немедленно обеспечить прекращение возможного сопротивления в отдельных пунктах.

6. Все видные лица, находящиеся на стороне Америки, Голландской Индии и чанкайшистского Китая, немедленно объявляются военнопленными.

7. Все японские военнопленные немедленно передаются японскому командованию.

8. Следует создать комиссии английской армии, военно-морского флота, авиации, административного управления, военнопленных и т. п. Их председатели несут ответственность за выполнение японских распоряжений.

Как только Уайльд возвратился с этими условиями в Сингапур, Персиваль отдал приказ прекратить боевые действия и вместе с ним, бригадным командиром Торренсом и своим адъютантом Ньюбиггенгом направился в Букит-Тимах на машине с белым и британским флагами. В здании фордовского автомобильного завода состоялась официальная капитуляция.

Для начала генерал Ямасита заставил англичан четверть часа ждать своего появления. Приступая к переговорам, он держался крайне высокомерно. Прежде всего он потребовал от англичан дать краткие и точные ответы на вопросы, содержащиеся в заранее заготовленном документе, который он держал в руках.

Персиваль заявил о своей согласии. Ямасита начал:

— Готова ли британская армия безоговорочно капитулировать?

— Да, — ответил Персиваль.

— Имеются ли у вас японские военнопленные?

— Ни одного.

Японский генерал наморщил лоб. Его писарь записывал ответы,

— Держите ли вы в плену каких-либо японцев?

— Все интернированные японские гражданские лица отправлены в Индию.

— Согласны ли вы безоговорочно с этим документом?

Персиваль уклонился:

— Прошу подождать нашего ответа до завтра. Однако Ямасита не был расположен ждать. Наблюдая, какое впечатление производят его слова, он сказал:

— В таком случае мы продолжим до завтра атаки. Хотите? Или сейчас же и здесь же капитулируете?

Тут Персиваль признал себя окончательно побежденным:

— Да.

— Хорошо, — удовлетворенно сказал Ямасита. — В таком случае мы прекратим боевые действия в двадцать тридцать по местному времени. Пусть английская армия выделит для поддержания порядка тысячу человек, которые обеспечат капитуляцию в соответствии с этим документом. В случае нарушения соглашения мы немедленно атакуем по всему фронту.

Генерал Персиваль, имевший немало сведений о жестокостях японцев, обратился с просьбой:

— Я хотел бы получить от вас гарантию сохранения жизни англичанам и австралийцам, находящимся в Сингапуре.

Но Ямасита уже поднялся. Он и не думал давать такой гарантии. Тем не менее он сказал:

— Об этом позаботятся. Будьте спокойны.

Разговор был окончен. Побежденные удалились.

Ямасита и его окружение отправились в здание японского главнокомандования, где уже был накрыт стол со сладостями и вином. Солнце зашло, но тем не менее Ямасита совершил традиционную церемонию: он поднял бокал, протянул его к северо-востоку, примерно в том направлении, где должен был находиться Токио, и приветствовал императора. А затем было решено, что войска вступят в Сингапур на следующее утро.

Сингапура больше не существовало. Отныне он должен был именоваться Сёнан — «Просвещенный Юг». И Ямасита, вкусив «кикумасумуне», провозгласил:

— Этот поход — всего лишь начало. Японская армия не станет почивать на лаврах. Вместо парада победы мы устроим торжество в честь наших погибших солдат. И тут же начнем наступление на Суматру!

Британская цитадель в Юго-восточной Азии пала...

* * *

В этот час Робин Кларк больше уже не стрелял. После последнего боя он похоронил своего индийского стрелка номер два. Когда стемнело и пришла весть о капитуляции, он еще раз проверил, хорошо ли закреплена леска на сошке его пулемета. Вставил наполовину целую ленту и ремнем прикрепил к пулемету два полных патронных ящика. Только бы не оборвалась тонкая леска! Но эта была крепка: на такую ловили акул.

Кларк встал и зашагал к насосной станции — месту сбора остатков его части. Когда он удалился, в темноте, за штабелем бамбуковых жердей, поднялся одетый в черное малаад. Он потянул за шнур, конец которого держал в руке. Леска натянулась. Значит, англичанин сдержал свое слово! И малаец, осторожно оглядевшись, снова спрятался: японцы могли наблюдать в свои бинокли ночного видения; к тому же пулемет находился в поле зрения английских офицеров.

Малаец стал медленно тянуть шнур. Пулемет дрогнул, сошка защелкнулась, и он, стволом вперед, метр за метром, пополз к штабелю бамбука.

Приложение

По японским данным, в ходе Малайско-Сингапурской операции английская сторона понесла следующие потери: 100 тысяч пленных, из них 50% — англичане, 740 орудий, 2500 пулеметов, 65 тысяч винтовок и другого ручного оружия, тысяча паровозов и прочих рельсовых средств передвижения, 200 бронетранспортеров и броневиков, 10 самолетов, несколько тысяч легковых автомашин, грузовиков и мотоциклов.

Японская сторона: 3507 офицеров и солдат убитыми, 6150 ранеными.

При этом японской стороной в заключительной фазе, в боях за Сингапур от форсирования Джохорского пролива до капитуляции английских войск, были потеряны 1714 офицеров и солдат убитыми, 3378 ранеными.

Послесловие

В предложенной вниманию читателя книге Гарри Тюрка в яркой, образной форме изложена история падения в феврале 1942 г. крепости Сингапур. Основанная на тщательном анализе достоверных фактов книга Тюрка имеет большую познавательную ценность.

До второй мировой войны Сингапур, связанный с п-овом Малакка дамбой и расположенный между Индией и Австралией, был избран центром британского могущества на Востоке и дальневосточной линии обороны Великобритании. Когда ее правящие круги решили построить Сингапурскую военно-морскую базу, в одной из английских газет можно было прочитать следующие строки: «Сингапурская база необходима Джону Булю для того, чтобы он мог действовать, как пожелает, в Сибири и в Китае, чтобы он мог запугивать азиатов и эксплуатировать их минеральные и другие ресурсы»¹¹.

В годы морской стратегии и незначительной авиационной мощи крепость Сингапур, на строительство которой к 1938 г. было затрачено 60 млн. ф. ст.¹², выглядела грозным бастионом.

Высеченная среди джунглей и болот у основания п-ова Малакка, она контролировала морские пути, которые вели из метрополии в Австралию, Новую Зеландию, Китай, Гонконг и собственно во все владения Британской империи к востоку от Суэца.

Среди английских имперских политиков, в военно-морских кругах Великобритании была распространена точка зрения, что «достаточный флот», базирующийся в Малаккском проливе, может уничтожить или, во всяком случае, нейтрализовать любые вражеские действия против Австралии, охранять подходы к Индии с востока, защитить Бирму и нефтяные поля Ирана и прикрыть как основные торговые пути, так и коммуникации Великобритании¹³.

В течение почти 20 лет все оборонные сооружения военно-морской базы строились из расчета отражения возможной вражеской атаки с моря. Что же касается северного побережья о-ва Сингапур, то оно не имело постоянных береговых укреплений и, естественно, было уязвимо для нападения с материка¹⁴.

Не следует думать, что это обстоятельство не учитывали в генеральном штабе Великобритании. Задолго до второй мировой войны Японию считали потенциальным противником Англии в Южной и Юго-восточной Азии. Поэтому в английских военных колледжах, в высших генштабовских военных учебных заведениях отработывался возможный вариант нападения японских вооруженных сил на Сингапур с севера — со

стороны п-ова Малакка. Примечательно, что слушатели военных учебных заведений «единодушно» считали, что лучший способ захватить военно-морскую базу — это высадиться на побережье Малайи и затем двигаться на юг к незащищенному северному берегу о-ва Сингапур⁴⁵¹. Именно к такому заключению пришли и в Токио. В японских военных учебных заведениях тщательно разбирали упражнения, которые готовили японцев к реализации именно «материкового варианта» овладения Сингапуром.

Ввиду возможности нападения вражеских сил с севера в 1938 г. генералу Добби было приказано провести оборонительные работы в Джохоре. Однако даже если бы строительство всех оборонительных сооружений, предпринятое генералом Добби, было полностью закончено, их было бы совершенно недостаточно, так как после вторжения японцев в 1940 г. в Индокитае оборона Сингапура неизбежно влекла за собой организацию защиты всего п-ова Малакка английскими наземными и воздушными силами с очевидной необходимостью выдвижения передней линии обороны к южным границам Таиланда⁴⁶¹.

Тем не менее военные круги Великобритании были уверены, что возможно предотвратить высадку вражеских сил в любой части Малаккского п-ова. Хотя полуостров был связан с Сингапуром дамбой, считалось, что малайские джунгли и болота и наземная имперская оборона, особенно вдоль относительно легкодоступного западного побережья, сделают последующее продвижение врага безуспешным, Вторжение со стороны Таиланда считалось маловероятным, поскольку оно потребовало бы длительного продвижения через всю Малайю. Учитывались также отсутствие важных сухопутных дорог в Малайю и необходимость получать боеприпасы морем, чему «помешали бы» морские силы Сингапура⁴⁷¹. Ставилась под сомнение и деятельность вражеской авиации, так как ей пришлось бы действовать либо с незащищенных авианосцев, либо с отдаленных аэродромов, что вынуждало бы врага сокращать число своих самолетов и вес бомбового груза⁴⁸¹. Но, как показали военные события, японские вооруженные силы опровергли иллюзии правящих кругов Англии относительно «неприступности» Сингапура.

Падение Сингапура и в особенности последующие японские победы в Тихом океане вызвали ликование среди врагов прогрессивного человечества, считавших, что 1942 год станет годом утверждения в мире полного господства держав «оси». Однако история распорядилась иначе.

Военные действия на Тихом океане, возникшие в результате столкновения империалистических интересов США, Великобритании, Нидерландов, Японии, начались 7 декабря 1941 г. В то время советский народ героически отражал нашествие немецко-фашистских орд и внимание всего мира было приковано к грандиозной битве на подступах к Москве.

Нападение Японии на американские и английские тихоокеанские владения застигло Англию и США врасплох. Это была расплата за «мюнхенскую политику», которую проводили накануне второй мировой войны правящие реакционные круги английской и американской буржуазии в Европе и на Дальнем Востоке в расчете направить агрессию держав «оси» против Советского Союза. Однако грязная игра мюнхенцев обернулась против международной реакции. В особенно трудном положении оказалась весьма ослабленная войной с Германией Англия, которая в течение 1940 г. и в первой половине 1941 г. была буквально на грани военной катастрофы. Истощенная Англия вынуждена была фактически действовать в роли младшего партнера США, боровшихся против своего конкурента — японского империализма, который приступил в декабре 1941 г. к осуществлению программы колониальных захватов в Восточной и Юго-восточной Азии в союзе с гитлеровской Германией и фашистской Италией.

Война на Тихом океане являлась неотъемлемой частью второй мировой войны, которая возникла в результате разбойничьего заговора держав фашистской «оси» против прогрессивного человечества. Тихоокеанская война представляла собой не только военный

конфликт между Японией, с одной стороны, США и Великобританией — с другой. В этой войне решалось нечто большее, чем вопрос о гегемонии той или иной державы на Тихом океане. Прежде всего решался вопрос: будет ли создана «великая японская империя в Восточной и Юго-восточной Азии» с ее «новым порядком» угнетения или народы Китая, Индии, Индонезии и других стран в ходе борьбы с любыми формами колониализма и империалистического гнета создадут свои независимые, подлинно демократические государства и пойдут по пути национального и социального прогресса.

Читая содержательную книгу Гарри Тюрка, ясно представляешь себе трагизм событий, мастерски описанных немецким писателем. Невольно приходят на ум слова римского философа-стоика Сенеки: «Тяжелая ошибка часто приобретает значение преступления».

Обратимся к фактам.

7 декабря 1941 г. подразделения японцев вступили в пределы Таиланда. На следующий день они высадили десант на севере Малайи.

К 22 декабря вся северная часть Малайи была занята японскими войсками. К середине января 1942 г. они подошли к границам Джохора. 23 января австралийский премьер-министр Джон Куртен в тревоге телеграфировал Уинстону Черчиллю: «После всех ваших заверений эвакуация Сингапура будет рассматриваться здесь и везде как непростительное предательство. Сингапур — центральная крепость в системе местной обороны и в обороне империи...»⁹⁹. Однако судьба Сингапура была решена, так как измученные многодневным отступлением войска не способны были сражаться.

Гарри Тюрк нарисовал картину хаоса, царившего в Сингапуре, а также бедственного положения населения города, оставшегося без питьевой воды и продовольствия. Автор весьма убедительно показал, б чем выразились грубейшие чисто военные просчеты английского командования, граничащие с преступлением, как за 70 дней рассеялась, как дым, легенда о неприступности Сингапура, созданная для того, чтобы одурачить японцев, но одурачившая ответственных за оборону крепости.

16 февраля 1942 г. 25-я японская армия под командованием генерала Ямаситы полностью овладела Сингапуром. Английский флот потерял свою главную базу на Дальнем Востоке.

Известно, что летом 1941 г. Ямасита посетил Германию. В беседе с ним Геринг сказал, что Сингапур в состоянии выдержать полуторагодичную осаду, что потребуются пять японских дивизий, чтобы в конечном счете овладеть крепостью, Ямасита возразил, что осада Сингапура продлится три месяца и потребует четырех дивизий.

Однако с начала тихоокеанской кампании в распоряжении Ямаситы были лишь три дивизии, и им потребовалось всего семьдесят дней, чтобы занять Сингапур¹⁰⁰. Ямасита записал в своем дневнике: «Моя атака на Сингапур была блефом, который сработал. У меня было тридцать тысяч человек, причем перед противника составлял три к одному. Я знал, что если мне придется воевать за Сингапур долго, то меня разобьют. Все это время я очень боялся, что англичане узнают о нашей численной слабости и отсутствии провианта и втянут меня в гибельные уличные бои»¹⁰¹.

После того как сотысячный английский гарнизон без серьезного сопротивления капитулировал и оказался в плену у японцев, даже специальный корреспондент «Таймс» в одной из корреспонденции вынужден был признать, что престиж Британской империи пал очень низко. Английское правительство, побоявшееся дать оружие малайцам и китайцам для защиты Сингапура, не имело «никакой опоры в народе колонии».

Значительная часть имущих классов Малайи оказалась на первых порах подвержена воздействию японской пропаганды, утверждавшей, что японцы якобы призваны освободить «цветные народы» от господства «белых империалистов». Этому содействовала расистская политика английских колонизаторов.

Английские военные власти отмечали в 1942 г., что местное коренное население не

скрывает своей ненависти к английской колониальной администрации и ко всей колониальной системе в целом.

Падение английского «бастиона» в Южной и Юго-восточной Азии вызвало нескрываемое замешательство и тревогу среди английских колонизаторов. Английский парламент выразил недоверие кабинету Черчилля. Но он удержался у власти. Черчилль назвал падение Сингапура «самой губительной и самой большой капитуляцией в английской истории»¹²¹.

Как известно, 1942 год рассматривается в англо-саксонской литературе как самый критический в истории второй мировой войны.

Перелистывая подшивки японских и немецких газет того времени, нельзя отрешиться от мысли о страшной угрозе, которая нависла над прогрессивным человечеством в связи с военными успехами держав фашистской «оси» в 1942 г.

Из факта падения Сингапура японская печать делала вывод о неизбежности коренного изменения во всей международной обстановке в пользу фашистской «оси»; после того как пала крепость Великобритания — Сингапур, неизбежно, мол, утверждение господства фашистских держав в Средиземном море, затем над Суэцом и дальше до Красного моря. Индийский океан, подчеркивала японская печать, «станет местом встречи для Германии, Италии и Японии...»¹³¹.

Захват Сингапура объявлялся началом новой фазы войны, ее полного слияния воедино и в Азии, и в Европе, превращения в действительно мировую войну. Отмечалось, что впредь не будет нейтральных государств¹⁴¹, что падение Сингапура окажет огромное влияние на германо-советскую войну¹⁵¹. Японская печать предсказывала, что вскоре неизбежно выявится бессилие Англии и США, что они не смогут действовать вместе с СССР и что Советскому Союзу уготовано «скромное существование в Западной Сибири».

Так японские милитаристы вкуче, со своими фашистскими союзниками лелеяли надежды уже в 1942 г. стать «властелинами мира».

Казалось, ничто уже не в состоянии остановить японскую военную машину, которая после занятия Сингапура неуклонно сокрушала на Тихом океане оборону Англии, США, Нидерландов. Действительно, к маю 1942 г. после пяти месяцев военных действий японские вооруженные силы захватили Малайю и Сингапур, основные острова Индонезии, часть Новой Гвинеи, Бирму, Филиппины, Гонконг, о-ва Гуам, Уэйк, Новая Британия, Соломоновы и другие, вторглись со стороны Бирмы в провинцию Юньнань (Китай). Нависла угроза японского вторжения в Индию. В середине 1942 г. Япония владела огромной территорией в 4242 тыс. кв. км с населением 204 млн. человек, а вместе с оккупированными районами Китая — в 9801 тыс. кв. км. Население Восточной и Юго-восточной Азии на оккупированной японскими войсками территории составило в 1942 г. около 400 млн., человек. Овладев Малайей, Индонезией и другими территориями в Юго-восточной Азии, японские империалисты приобрели контроль над возможными поставщиками нефти, олова, каучука, железа и риса, необходимых для длительной войны.

В книге Гарри Тюрка приводятся данные о жестокостях японской военщины. Страницы, на которых автор изложил факты бесчеловечного обращения с военнопленными и коренным населением, дают читателю возможность понять, как зверства японских оккупантов породили неукротимую ненависть населения Малайи к новым захватчикам. И действительно, с первых дней оккупации началось сплочение малайцев, китайцев и индийцев под единым знаменем борьбы против японского милитаризма, за полное национальное освобождение, за полную ликвидацию колониализма.

Судьба второй мировой войны решалась не на тихоокеанском театре войны, а на бескрайних просторах России, где советские люди один на один бесстрашно бились с фашистским агрессором.

В конце 1941 г., в то самое время, когда японские вооруженные силы приступили к

реализации своих планов завоевания Юго-восточной Азии, на решающем фронте второй мировой войны главный партнер Японии по «оси» — гитлеровская Германия — получил под Москвой первый мощный удар от Советских Вооруженных Сил, что не могло не отразиться на дальнейшем течении второй мировой войны в целом. Главный фронт, советско-германский, во многом стал определять положение воюющих сторон как на тихоокеанском, так и на других театрах войны.

Масштабы военных действий на Тихом океане не шли ни в какое сравнение с битвами Великой Отечественной войны советского народа. Тихоокеанский фронт был второстепенным театром войны. Судьбы всего человечества решала самоотверженная борьба Советского Союза против гитлеровской Германии.

Поворотным событием в истории второй мировой войны явилась великая Сталинградская битва, начавшаяся осенью 1942 г. Оценивая положение, сложившееся в 1942 г., бывший государственный секретарь США Эдуард Стеттиниус писал: «Человеческая слабость заключается в том, что люди слишком быстро забывают обстоятельства прошлых лет. Американский народ должен помнить, что в 1942 г. он был на краю катастрофы. Если бы Советский Союз не удержал своего фронта, немцы были бы в состоянии завоевать Великобританию, вторгнуться в Африку, создать в этом случае плацдарм в Латинской Америке»^[16].

Разгром гитлеровской армии на Волге означал крах и японских стратегических планов. Утратив к ноябрю 1942 г. стратегическую наступательную инициативу вследствие того, что лучшие японские дивизии, половина артиллерии и почти две трети танков были сосредоточены на севере, у советских границ, в ожидании падения Сталинграда, Япония вынуждена была на тихоокеанском театре войны перейти к обороне.

Уже через год, к ноябрю 1943 г., Советские Вооруженные Силы освободили около двух третей советской земли, временно захваченной врагом. Располагая к этому времени значительным превосходством над японским агрессором, американские вооруженные силы воспользовались сложившимся положением на советско-германском фронте и начали наступательные действия на тихоокеанском театре войны. В ноябре 1943 г. американская морская пехота высадилась на ряде о-вов Гилберта, начав продвижение в центральной части Тихого океана в сторону Японии.

В 1943 г. начался развал фашистского блока. Из гитлеровской коалиции выпала Италия. В 1944 г. советская земля была полностью очищена от захватчиков, и боевые действия Советских Вооруженных Сил развернулись за пределами территории СССР.

2 мая 1945 г. победоносная Советская Армия овладела Берлином. Фашистская Германия была разбита. Бесславно окончила свое существование агрессивная «ось» Берлин — Токио. Потерпел крушение авантюризм преступной политики мировых завоеваний, которую с тупой, методичной жестокостью пытались проводить фашистские агрессоры на Западе и на Востоке. Через шесть дней после взятия Берлина советскими войсками, 8 мая, гитлеровское командование вынуждено было подписать акт о безоговорочной капитуляции Германии. А через три месяца, 9 августа Советский Союз, оставшийся до конца верным своим союзническим обязательствам перед странами антифашистской коалиции, вступил в войну с Японией. Этот акт был продиктован также интересами безопасности советских дальневосточных границ. Советский Союз считал своим долгом прийти на помощь народам Азии, подвергшимся японской агрессии.

Советский Союз завершил свою освободительную миссию в той части земного шара, где под гнетом японских милитаристов томились народы Восточной и Юго-восточной Азии.

Подписание акта о капитуляции Японии 2 сентября 1945 г. означало конец второй мировой войны.

Она закончилась раньше намечавшихся США и Англией сроков. В результате вступления Советского Союза в войну с милитаристской Японией были предотвращены

дальнейшие огромные жертвы народов Восточной и Юго-восточной Азии и обеспечены значительные успехи их освободительного антиимпериалистического движения.

Прогрессивное человечество не забудет того основного факта, что в разгроме главных очагов фашизма — гитлеровской Германии на Западе и милитаристской Японии на Востоке — Советский Союз сыграл решающую роль. Без СССР, могучей социалистической державы, эти исторические победы были бы невозможны.

Книга Гарри Тюрка воскрешает в памяти только один эпизод второй мировой войны. Тем не менее она помогает понять причины возникновения войны, осознать, кто является ее конкретными виновниками, и должным образом оценить, в чем заключается подлинное мужество, творящее историю.

А. М. Дубинский

ССЫЛКИ

1

«Daily Herald», 31.III.1925.

2

James Leasor, Singapore, The Battle that Changed the World, New York, 1968, стр. 106.

3

E. H. Miller, Strategy at Singapore, New York, 1942, стр. 16–17.

4

S. Woodburn Kirby, The War Against Japan, vol. 1, London, 1957, стр. 360.

5

James Leasor, Singapore, стр. 10.

6

S. Woodburn Kirby, The War Against Japan, vol. I, стр. 360.

7

E. H. Miller, Strategy at Singapore, стр. 18.

8

На эту сторону вопроса обращает внимание Миллер (стр. 18). Он ссылается на высказывания К. J. Wilkinson, Singapore Journal Royal United Service Institute, LXIX, November

1924, стр. 688–690.

9

Цит. в кн.: James Leasor, Singapore, стр. 224.

10

Там же, стр. 203.

11

Там же, стр. 239.

12

Там же, стр. 257,

13

«Japan Times and Advertiser», 28.11.1942.

14

«Сии Хакодатэ», 15.11.1942.

15

«Тэйкоку симпо», 19.11.1942.

16

Edward R. Stettinius, Roosevelt and the Russians, The Yalta Conference, London, 1950, стр. 16.